

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

2024 – 2

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор,
А.В. Гордон – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редактора,
Д.В. Михель – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, ответственный секретарь,
Д.М. Бондаренко – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, ИАФР РАН,
Т.К. Кораев – канд. ист. наук, ИСАА МГУ

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика» // Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature». Series 9: «Oriental and African Studies». До 2021 г. выходил под названием: Реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/rva/2024.02.00
ISSN 2219-8822

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80876 от 21.04.2021

© ИНИОН РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Михель Д.В. Эдвард Люттвак о Китае и геополитике. Рец. на кн.: Люттвак Э. Китай и логика стратегии. Москва : АСТ, 2023	7
Чайников Ю.В. Ледяной шелковый путь	14
Гордон А.В. Мусульмане Франции между лаицизмом и исламизмом	32

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Закирова М.Х. Туркестанские промышленные и сельскохозяйственные выставки как фактор имперской российской политики в Центральной Азии в XIX–XX вв.	60
--	----

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Пряжников О.Н. Адаптивная социальная защита в странах Сахеля: направления и перспективы развития	83
Бережнов А.И. С.Л. Луньиго о деятельности индийской диаспоры в Уганде. Рец. на кн.: Lunyiigo S.L. Uganda: an Indian Colony 1897–1972. Kampala: The African Studies Bookstore, 2021	95
Алексамян Л.М. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» Турции в отношении Африканского континента ...	104

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Сидорова С.Е. Эффект «красной селедки», или Охота на ведьм по-индийски. Рец. на кн.: Macdonald H. Witchcraft Accusations from Central India. The Fragmented Urn. New York: Routledge, 2021	113
--	-----

Мозиас П.М. Место и роль Китая в новой архитектонике международного экономического сотрудничества в АТР	131
Михель И.В. Языковая ситуация и национализм в Китае. Рец. на кн.: Там Дж. Языки в Китае и национализм 1860–1960-х годов. Санкт-Петербург: Academic Studies Press / Библио-россика, 2023	159
Демидов К.Б. Китайский «Большой скачок» как лозунг и реальность. Рец. на кн.: Dikötter F. Mao's Great FAMINE. The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–1962. London: Bloomsbury, 2019	166
Филиппов Д.А. Роль Японии в меняющейся системе международных отношений. Рец. на кн.: Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г., Крупянко И.М. Новая роль Японии в мировом порядке XXI века. Книги 1-2. Москва: Международные отношения, 2021	173

CONTENTS

FORMATIONS. CIVILIZATIONS. GLOBALIZATION

Mikhel D.V. Edward Luttwak on China and Geopolitics. Book review. Luttwak E. China and the Logic of Strategy. Moscow: AST, 2023. (in Russian)	7
Chainikov Yu.V. Ice Silk Road	14
Gordon A.V. French Muslims Between Laicism and Islamism	32

CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS

Zakirova M.Kh. Turkestan Industrial and Agricultural Exhibitions as a Factor of Imperial Russian Policy in Central Asia in the XIX–XX Centuries	60
---	----

AFRICA. NEAR AND MIDDLE EAST

Pryazhnikova O.N. Adaptive Social Protection in the Sahel Countries: Directions and Prospects of Development	83
Berezhnov A.I. S.L. Lunyiigo on Activities of The Indian Diaspora in Uganda. Rec. ad op.: Lunyiigo S.L. Uganda: an Indian Colony 1897–1972. Kampala: The African Studies Bookstore, 2021. – 224 p.	95
Aleksanyan L.M. Cultural Diplomacy as Tool to Increase Turkey's Soft Power in Africa	104

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

Sidorova S. The “Red Herring” Effect or the Indian Witch Hunt. Book Review. Macdonald H. Witchcraft Accusations from Central India. The Fragmented Urn. New York: Routledge, 2021. 292 p.	113
--	-----

Mozias P.M. China's Stance in the New Pattern of the Asian-Pacific Economic Cooperation	131
Mikhel I.V. Language Situation and Nationalism in China, 1860–1960. Book Review. Tam G.A. Dialect and Nationalism in China, 1860–1960. Sankt-Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossica, 2023. 402 p. (in Russian)	159
Demidov K.B. “The Great Leap” in China as Slogan and Reality. Book Review. Dikötter F. Mao's Great Famine. The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–1962. London: Bloomsbury, 2019. 420 p.	166
Filippov D.A. Japan's Role in the Shifting International Relations System. Book Review. Krupyanko M.I., Areshideze L.G., Krupyanko I.M. Japan's New Role in the 21st Century World Order. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2021. Vol. 1-2. (in Russian)	173

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

МИХЕЛЬ Д.В.* ЭДВАРД ЛЮТТВАК О КИТАЕ И ГЕОПОЛИТИКЕ. Рец. на кн.: ЛЮТТВАК Э. КИТАЙ И ЛОГИКА СТРАТЕГИИ. – Москва : АСТ, 2023. – 288 с.

Аннотация: В монографии известного американского специалиста в области геополитики Эдварда Люттвака анализируется процесс взаимоотношений между КНР и ее соседями на рубеже 2000-х и 2010-х годов. Автор книги показывает, что начавшийся в 1980-е годы экономический рост Китая с необходимостью привел к его возвышению на международной арене и появлению геополитических амбиций, которые породили ответную реакцию со стороны США и ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Люттвак пытается показать, что формирование антикитайского альянса является неизбежным и формулирует свои прогнозы на период после 2012 г. Читатели этой книги получают возможность оказаться на американской «геополитической кухне» и представить, как видится экономический рост Китая глазами американского специалиста. Кроме того, у них появится возможность убедиться, какие из прогнозов американского специалиста оказались более-менее точными, а какие нет.

Ключевые слова: Китай; экономический рост; США; геополитика.

* Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

MIKHEL D.V. Edward Luttwak on China and Geopolitics. Book review. Luttwak E. China and the Logic of Strategy. Moscow: AST, 2023. 288 p. (in Russian)

Abstract. The monograph by Edward Luttwak, a well-known American expert in geopolitics, analyzes the process of relations between China and its neighbors at the turn of the 2000s and 2010s. The author of the book shows that China's economic growth, which began in the 1980s, has led to its rise in the international arena and the emergence of geopolitical ambitions that have generated a response from the United States and a number of countries in the Asia-Pacific region. Luttwak attempts to show that the formation of an anti-China alliance is inevitable and formulates his predictions for the post-2012 period. Readers of this book will have the opportunity to get into the American "geopolitical kitchen" and imagine how China's economic growth is seen through the eyes of an American expert. In addition, they will have the opportunity to see which of the American expert's forecasts are more or less accurate and which are not.

Keywords: China; economic growth; US; geopolitics.

Для цитирования: Михель Д.В. Эдвард Люттвак о Китае и геополитике // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 2. – С. 7–13. – Рец. на кн.: Люттвак Э. Китай и логика стратегии. – Москва : АСТ, 2023. – 288 с. – DOI: 10.31249/rva/2024.02.01

На русском языке эта книга появляется с большим опозданием. В издательстве Гарвардского университета, США, она вышла еще в 2012 г. под названием «Подъем Китая и логика стратегии»¹. Ее автор – американский специалист по военной стратегии и геополитике, истории и международным отношениям Эдвард Люттвак (род. 1942), известный своим многолетним сотрудничеством с Государственным департаментом и Министерством обороны США. В 1980-е годы он был советником президента США Р. Рейгана. Несмотря на то что в предисловии к своей книге он пишет, что она – «не анализ сил противника и враждебного окружения, а скорее непредвзятая исследовательская попытка объяснить пове-

¹ Luttwak E.N. Rise of China and the Logic of Strategy. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2012. – 320 p.

дение великой державы» (с. 7), по прочтении ее читатель с легкостью сделает вывод о том, что в ней с избытком предвзятости и плохо скрываемой враждебности в адрес Китая. Не менее предвзятая она и по отношению к России, хотя наша страна и не является предметом данного геополитического исследования. Переводчику книги В. Желнинову в своих примечаниях не единожды пришлось поправлять Люттвака там, где тот передергивал факты или весьма одиозно интерпретировал внешнюю политику Российской Федерации. Тем не менее несмотря на всю одиозность и предвзятость эту работу Люттвака будет полезно прочесть для того, чтобы еще лучше понять, что представляла собой геополитическая стратегия США по отношению к КНР – а также по отношению к России – чуть более десяти лет назад, т.е. задолго до «Крымской весны», начала специальной военной операции и развернувшейся сегодня борьбы за многополярный миропорядок.

Исходная мысль автора состоит в том, что начавшийся еще в 1980-е годы экономический рост Китая в первые десятилетия XXI в. превращается в серьезный геополитический вызов как для США, так и для соседей КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако в сочетании с военным и политическим развитием этот рост становится еще более угрожающим, и потому объективной задачей для этих стран с необходимостью становится сдерживание Китая, хотя решить ее им будет крайне непросто. По мысли Люттвака, даже «демократизация Китая» – фактически изменение его политической системы – не способна обнулить значимость его возвышения и спровоцированную этим возвышением реакцию. «Китай в своем развитии уже преодолел этот порог в экономической, военной и политической областях, тем самым “разбудив” парадоксальную логику стратегии через реакцию больших и малых стран, которые начали отслеживать китайскую мощь, противодействовать ей, умалять и перенаправлять» (с. 15).

Ключевая идея Люттвака состоит в том, что главным препятствием для дальнейшего возвышения Китая является геополитическая недальновидность его высшего политического руководства, которую он называет «великодержавным аутизмом». Подобно всем великим державам – в особенности США и России – Китай сосредоточен в первую очередь на своих внутренних делах и поэтому не способен чутко реагировать на изменение поведения дру-

гих стран на международной арене. Исторические корни «великодержавного аутизма» Китая восходят ко временам Ханьской империи, когда китайские царедворцы впервые выработали особую линию стратегического поведения по отношению к своим соперникам и соседям – тогда это были кочевники хунну. «Важным следствием этого исторического поворота стало возникновение особого отношения к варварам – “обхождение с варварами”, которое сохраняется в официальном Китае и по сей день и принадлежит к основным политическим приемам» (с. 35). Суть этой китайской стратегии – предоставлять сильным варварам достижения китайской цивилизации, а по мере их ослабления взимать с них дань.

Еще одним источником китайской геополитической неадаптивности Люттвак считает «стратегическое неразумие» китайской военно-политической элиты, которое восходит ко временам династии Сун и появившемуся тогда трактату «Искусство войны», приписываемому Сунь-цзы (1080 г. н.э.). Люттвак отмечает, что этот трактат, ставший учебником для всех последующих китайских стратегий, апеллирует к опыту эпохи Воюющих царств, завершившейся объединением страны в 221 г. до н.э. В тексте Сунь-цзы анализируется опыт заключения союзов и ослабления соперников, участвовавших в борьбе за гегемонию в Поднебесной, и именно этот опыт, по словам Люттвака, использовали все последующие поколения китайских стратегов, включая и современное руководство КНР. «Можно предположить, что склонность китайских официальных лиц постоянно цитировать постулаты стратегии времен Воюющих царств в качестве уроков государственной мудрости, дипломатической хитрости и искусства войны не более чем позерство, лишённое значения для сегодняшнего Китая» (с. 84). Как считает Люттвак, за прошедшее тысячелетие китайские стратеги так и не смогли понять, что уроки «Искусства войны» совершенно непригодны для международной политики. «Международные отношения вовсе не то же самое, что отношения “внутрикультурные”. Вместо общей идентичности здесь налицо столкновение национальных чувств, и любая конфронтация между государствами по любому сколько-нибудь значимому вопросу способна вызвать всплеск эмоций, породить страх, вражду или недоверие и повлиять на отношения с данным государством как таковые» (с. 85).

Вся последующая часть книги Люттвака – это серия примеров, иллюстрирующих неудачи китайской стратегии и издержки его «великодержавного аутизма». Краеугольным основанием этих издержек китайской геополитики, по мысли Люттвака, являются претензии китайского руководства взять под свой контроль просторы Южно-Китайского моря, в том числе острова Спратли, Парасельские острова и остров Натуна, которые КНР оспаривает со своими соседями по региону. В политике, проводимой китайским руководством в этом регионе, Люттвак усматривает аналогию с политикой Германской империи 1890-х годов, когда после десятилетий ускоренного экономического роста Германия перешла к ускоренному созданию военно-морского флота и тем самым бросила вызов своим главным соперникам. Как показывает история, это вызвало ответную реакцию Великобритании, сумевшей противопоставить Германии более эффективную стратегию – обуздать ее мощь стратегическими союзами с Францией и Российской империей и запереть ее на европейском континенте еще до начала Первой мировой войны.

Не лишены интереса его рассуждения о том, как китайская политика в Южно-Китайском море породила к жизни закономерное сопротивление со стороны Австралии, Японии, Вьетнама, Монголии, Индонезии и Филиппин. Каждая из этих стран, бывшая к концу 2000-х годов в той или иной степени экономическим партнером Китая, предпочла сотрудничеству с ним конфронтацию, почувствовав, что возвышение Китая так или иначе угрожает ее национальным интересам. Несколько особняком в этом ряду, по мысли Люттвака, стоит Южная Корея, которую он называет «образцовым подданным Тянься» (Поднебесной. – *Д. М.*), но и эта страна, вследствие того, что в ней находятся войска США и она пребывает в конфронтации с КНДР, тоже может стать потенциальным участником антикитайского альянса. Примечательно, что во всех этих примерах Люттвак продвигает мысль, что каждая из упомянутых стран сделала свой антикитайский выбор самостоятельно. При этом роль США в оформлении этого выбора автор предпочел максимально завуалировать, сделав акцент на дружественном характере политики США в этом регионе. Очевидно, что рассмотреть эту ситуацию как-то иначе автор не пытался.

Что касается собственной американской политики по отношению к Китаю, то Люттвак указал на то, что единой американской политики на китайском направлении не существует. Так, американское Министерство финансов склонно к сотрудничеству с КНР, поощряя рост китайского промышленного импорта в США и тем самым нанося удар собственной американской промышленности. Государственный департамент США проводит иную политику – бросает вызов Китаю, упрекает его в нарушении прав человека, участвует в формировании антикитайского альянса. Министерство обороны США пытается оказывать на КНР силовое давление, но эта политика, по словам Люттвака, бесперспективна. «Китай не получится вывести из игры, перенапрягая его технологический потенциал. Чего бы не добилось Министерство обороны США, приобретая оружие против Китая в нынешней гонки вооружений..., ему не суждено повторить тот грандиозный успех, к которому Америка пришла в технологическом соревновании с Советским Союзом в конце 1970-х и в 1980-х года» (с. 239).

Подводя итоги своему геополитическому исследованию, Люттвак высказывает предположение, что экономический рост Китая продолжится, хотя и может немного сбавить темпы, что КПК сохранит свою власть над страной, что лидеры КНР будут продолжать наращивать военные расходы. В связи с этим правящие круги всех соседних стран, включая Россию, будут вынуждены реагировать на это возвышение Китая. Кроме того, по крайней мере часть стран Азиатско-Тихоокеанского региона будут всё сильнее искать покровительства не у Китая, а у США, а отсутствие у Китая «стратегической компетентности» не позволит ему изменить эту тенденцию к своей выгоде. По мнению автора, США «приобрели, почти не прилагая к тому усилий», – в чем могут усомниться читатели этой книги – «новых союзников в Восточной Азии, возобновили и укрепили будто бы увядшие или прерванные альянсы с такими странами, как Индонезия, Япония, Филиппины и Вьетнам» (с. 247). Если включать в этот ряд Австралию и Сингапур, делает вывод автор, то «перечисленных стран достаточно для формирования существенного противовеса китайской нынешней и будущей военной мощи» (с. 247). В этом же ряду, как утверждает автор, и Индия, являющаяся геополитическим соперником Китая, которая также имеет все шансы на вхождение в антикитайский

альянс. Россия же, полагает автор, будет стараться пребывать «на равном удалении от Китая и возникающей антикитайской коалиции» (с. 248).

Как показывает опыт последних десяти лет, Люттвак оказался точен не во всех своих прогнозах. Ему не удалось предугадать исторического сближения Российской Федерации и КНР и не удалось предвидеть и главной причины этого сближения – явно выраженного антикитайского курса, который был взят руководством США во второй половине 2010-х годов. Однако в какой-то мере этот американский антикитайский курс он сам же и сформулировал в финальных абзацах своей книги. «В долгосрочной перспективе военная мощь США все же понадобится, чтобы сдерживать Китай, но одной ее будет недостаточно для сдерживания Китая Америкой. При таких обстоятельствах лишь геоэкономический ответ видится “силовым” решением проблемы обуздания глобальных устремлений авторитарного Китая, благодаря чему будет обеспечена безопасность США, а слабые соседи КНР сохранят свою независимость» (с. 251).

В целом, чтение книги Люттвака не раз вызовет у читателей вопросы к автору и его позиции, но знакомство с высказанными в ней суждениями и с предлагаемой в ней «логикой стратегии», которая разворачивается в современной геополитике, будет, безусловно, полезным.

ЧАЙНИКОВ Ю.В.* ЛЕДЯНОЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Аннотация. В первое десятилетие XXI в. в Китае появилась арктическая стратегия, получившая частичное отражение в ряде документов (2015 – «Перспективы», 2017 – «Концепция», 2018 – «Белая Книга»), которые стали важным интеллектуальным и идеологическим фоном продвижения Китая к Полюсу. В статье рассмотрены некоторые положения этих документов.

Ключевые слова: «Один пояс, один путь»; «Ледяной шёлковый путь»; Китай; Арктика.

CHAINIKOV Yu.V. Ice Silk Road

Abstract. In the first decade of the XXI century an Arctic strategy appeared in China, which was partially reflected in a number of documents (2015 – “Prospects”, 2017 – “Concept”, 2018 – “White Paper”). These publications have become an important intellectual and ideological background for China's progress towards the Pole. The article discusses some of the provisions of these documents.

Keywords: “One belt, one road”; “Ice Silk Road”; China; Arctic.

Для цитирования: Чайников Ю.В. Ледяной шелковый путь // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 2. – С. 14–32. – DOI: 10.31249/rva/2024.02.02

Одно из самых популярных китайских выражений «Один пояс, один путь» увидело свет в 2013 г. после официальных визитов Председателя КНР Си Цзиньпина в Казахстан (сентябрь), где была объявлена стратегия «Экономического пояса Шелкового пути», и в Индонезию (октябрь), где была объявлена стратегия «Морско-

* Чайников Юрий Викторович – ведущий редактор Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

го шелкового пути XXI века». Первая подразумевала развитие сухопутных маршрутов через Центральную Азию, а вторая – развитие инфраструктуры морских перевозок по традиционным южным маршрутам. Вскоре эти две стратегии были объединены в стратегии «Один пояс, один путь» (ОПОП).

В обоих случаях был упомянут Великий шелковый путь, один из самых мощных товаропотоков в истории человечества, во многом определивший ход всемирной истории. Такая же судьбоносная роль предназначается и проекту «Один пояс один путь».

От своего легендарного предшественника нынешний путь отличается не только масштабами товарооборота, но и многообразием путей доставки товара. Так, если до XVI в. ВШП шел в основном по суше, то теперь почти 90% внешней торговли Китая составляют морские перевозки, и упор делается на соответствующее формирование инфраструктуры, в частности на обустройство портов в бассейнах Индийского океана. В плане дальнейшей диверсификации торговых путей Китай обратил внимание на субполярные морские пути, открывающие возможности оптимизации перевозок, одним из важнейших показателей которой стали более короткие сроки доставки, а также экономия на ряде издержек. Впрочем, не всё так просто: проход по СМП – в отличие от тёплых торговых путей – качественно иная навигация, требующая иных плавсредств, иной подготовки, более детального изучения ледовой обстановки и массы других моментов, многие из которых нашли отражение в научной прессе и публицистике. Мы же постараемся отразить лишь один аспект темы, в каком-то смысле формальный: дать хронологию продвижения Китая в Арктику и рассказать о сопровождавших это продвижение документах, по крайней мере за последнее десятилетие.

Поиск путей, альтернативных беспокойным южным морским маршрутам, толкнул Китай на пробные экспедиции по водам Северного Ледовитого океана.

Летом 2012-го Китай отправил на разведку СМП ледокол «Сюэлун» («Снежный дракон»). Само судно было позиционировано как научное и пробыло в экспедиции 90 дней. Данные похода были проанализированы, и летом 2013 г. уже коммерческое судно China Ocean Shipping Company (COSCO) совершило свой первый рейс из китайского порта Далянь в Роттердам по СМП. Экспеди-

ция заняла 33 дня – примерно 2/3 времени обычного рейса по южным маршрутам. Этот рейс доказал возможность развития коммерческих перевозок по СМП [10, с. 131].

Стало понятно, что выгодный путь надо осваивать, но сделать это можно было только в согласии с Россией, фактической хозяйкой СПМ, для которой он стал национальной дорогой и символом.

Россияне скептически относились к китайской активности участия в арктических делах (в частности, не одобрив в 2013 г. введение Китая в Арктический совет) и проявили настороженность к арктическому сотрудничеству с Китаем. Китай понимал неоднозначность ситуации и не поднимал вопроса о СМП.

Так, в феврале 2014 г. во время визита в Россию председатель Си Цзиньпин пригласил Россию участвовать в программах ОПОП. Президент Путин тогда сообщил о готовности сопрягать Транссибирскую магистраль с китайской инициативой. Речи о СМП тогда ещё не было. В мае 2014 г. во время новой встречи президентов речь тоже шла только об Экономическом поясе Шелкового пути (ЭПП). Очевидно, что тогда Россия не готова была активно участвовать в инициативе «Морского Шелкового пути XXI века» или предлагать Китаю сотрудничество на СМП.

Впрочем, такая сдержанность была с обеих сторон. Для России это понятным образом связывалось с геополитическими соображениями безопасности страны, опасениями того, что Китай будет заинтересован в установлении своего стратегического контроля над СМП, и что он может потребовать предоставления СМП статуса нейтральных вод [6, с. 114]. Были понятны и причины сдержанности Китая: отсутствие официального предложения со стороны России и одна только мысль о массе чисто технических трудностей (отсутствие должной инфраструктуры на СМП, особые требования к судам, навигационные ограничения, высокие страховки, высокие тарифы проводки). Однако обе стороны выбрали активную позицию в отстаивании своих интересов, действуя при этом издали и неторопливо. Что касается Китая, то он стал подводить финансовую и идеологическую базу под будущее.

8 ноября 2014 г. на форуме «Диалог по укреплению взаимного партнерства» Си Цзиньпин объявил о намерении создать фонд для оказания финансовой помощи проектам в рамках иници-

циативы «Один пояс, один путь», и в конце того же года Китай создал Фонд Шелкового пути.

В марте 2015 г. «золотой» аргумент новообразованного Фонда Китай подкрепляет идеологически: Госкомитет по делам развития и реформ, МИД и Министерство коммерции с санкции Госсовета КНР издали научную статью «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» (далее – «Перспективы и действия»), в третьем разделе которой («Основные концепции») было сказано: «В основных направлениях “Один пояс и один путь” будет создаваться новый континентальный мост между Европой и Азией, международные коридоры экономического сотрудничества» [2, с. 4]. Среди основных направлений морской торговли Арктика не фигурирует, подтверждаются и несколько расширяются только старые, традиционные направления. Указываются конкретные задачи в деле формирования будущего сотрудничества: «политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами» [2, с. 5]. При всех хороших и правильных словах о суверенитете, экологичности и т.п. было сказано главное: «страны – участницы проекта должны осуществлять стыковки планов по строительству инфраструктуры и системы технологических стандартов, совместно содействовать строительству международных магистралей и постепенно формировать сеть инфраструктуры у субрегионов Азии, также соединяющую Азию, Европу и Африку» [2, с. 6]. Понятно, что даже при самом детальном учёте особенностей и интересов участников проекта инфраструктуру выстраивает Китай и задаёт параметры оценки её эффективности. Вместе с тем было сказано и о значимой для делового мира очередной инициативе Китая: «Продвигается создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций» [2, с. 15].

Казалось, яснее не скажешь: деньги будут, большие деньги – пора оформлять отношения. Тем не менее, формальных российских инициатив по совместному с Китаем освоению СМП к тому времени не было. Видимо, поэтому СМП не мог быть включен китайским правительством в документ «Перспективы и действия». В действительности Россия не бездействовала, а «сосредотачива-

лась»: исключительно тяжелый воз требовал тщательного «запрягания», которое кому-то могло показаться слишком долгим. А тем временем необходимые шаги на пути к совместному освоению СМП делались обеими сторонами.

В соответствии с положениями «Перспектив и действий» о политической координации деятельности ОПОП с другими региональными образованиями, 8 мая 2015 г. Россия и Китай подписали Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Подписание документа говорит о том, что «Россия поддерживает строительство ЭПШП и готова к тесному взаимодействию с Китайской Стороной в продвижении этой инициативы», и что Стороны будут содействовать, в частности, упрощению взаимного инвестирования. Конкретные объекты (хотя бы СМП) сотрудничества в Заявлении названы не были, но констатировалась необходимость «укреплять взаимосвязанность в сферах логистики, транспортной инфраструктуры и интермодальных перевозок, реализации проектов инфраструктурного соразвития...». Широкое поле для деловых предложений. И тогда своё слово сказал «шёлк XX–XXI веков» – деньги, и в декабре 2015 г. по инициативе Китая для содействия азиатскому инфраструктурному строительству был учрежден заявленный в «Перспективах» Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) со стартовым капиталом 100 млрд долл. Идея такого банка существовала с 2009 г., со времен всемирного валютного кризиса, но официально ее озвучил Си Цзиньпин во время своего визита (октябрь 2013 г.) в Индонезию. Фактически этот банк выходил на роль противовеса МВФ, Всемирного банка, Азиатского банка развития.

Решая свои инфраструктурные задачи, Россия в 2016 г. предложила АБИИ участвовать в проекте СМП и получила согласие, а с 2017 г. вопрос об освоении СМП года стал ключевым в диалоге между Москвой и Пекином. Во всяком случае, он часто поднимался в речах российских официальных лиц.

В марте 2017 г. на IV международном форуме «Арктика – территория диалога» (Архангельск, тема «Человек в Арктике») российская сторона пригласила Китай инвестировать в проекты СМП и его инфраструктуру. Это предложение было повторено в

апреле 2017 г. на российско-китайской конференции «Россия и Китай перед вызовами глобальных изменений» Международного дискуссионного клуба «Валдай».

И вскоре, 14 мая 2017 г., в Пекине, выступая на Международном форуме «Один пояс, один путь», Президент РФ В.В. Путин выразил надежду на то, что Китай сможет использовать арктический маршрут и связать его с маршрутом «Пояса и пути», призвал к совместному его освоению, развитию и процветанию: «Значительные ресурсы (мы) вкладываем в обустройство СМП, чтобы он стал глобальной конкурентной транспортной артерией. Если смотреть шире: инфраструктурные проекты, заявленные в рамках ЕвразЭС и инициативы “Один пояс, Один путь” в связке с Северным морским путём способны создать принципиально новую транспортную конфигурацию Евразийского континента. А это ключ к освоению территорий, к оживлению экономической и инвестиционной активности. Давайте вместе прокладывать такие дороги развития и процветания» [восстановлено с аудиозаписи выступления].

26 мая 2017 г. в ответ на российское предложение совместно развивать СМП под названием «Ледовый Шелковый путь» министр иностранных дел Китая Ван И (на пресс-конференции с С.В. Лавровым 26.05.2017, Москва) подчеркнул, что Китай приветствует и поддерживает данную инициативу «и намерен совместно с другими сторонами разрабатывать арктические морские пути». С другими, то есть не только с Россией, но и по крайней мере с Канадой и США, по территориальным водам которых проходит «Северо-Западная ветка». Заявка Китая на проход по северным морям была сделана «в принципе», без конкретизации маршрутов и без политической привязки. И действительно, не прошло и полгода, как Китай опробовал Северо-Западную ветку, заявив тем самым о своей готовности осваивать разные арктические пути доставки товаров.

20 июня 2017 г. Государственное океанографическое управление и Национальный комитет по развитию и реформам Китая опубликовали совместную работу под названием «Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы “Один пояс, один путь”» (далее – «Концепция»), в которой предлагается активно содействовать строительству Голубого экономического коридора, соединяющего Европу через Северный Ледовитый океан. Но здесь

СМП пока еще не был отдельно упомянут в качестве одной из трех арктических веток (две других означает вдоль американско-канадского побережья и – пока что за не имением ледокольного флота соответствующего класса и ввиду наличия других путей чисто теоретическая – напрямик через Северный полюс). Именно так и следует рассматривать «Концепцию»: на фоне принятого двумя годами ранее другого документа – «Перспектив и действий», как его продолжение, развитие, ибо в «Концепции» к отмеченным ранее морским торговым путям был добавлен Арктический путь, повторим, без уточнения веток, просто Арктика. Казалось бы, просто техническое расширение маршрутов Арктикой, но значение этого шага глобальное. Поэтому и подход к формулировкам тоже глобальный. Так, с самого начала в «Концепции» Китай делает заявление о принадлежности всех морей всем, то есть и Китаю тоже: «Моря и океаны являются самой большой экологической системой планеты Земля, это общая среда обитания, важнейший источник устойчивого развития человечества и его величайшее достояние» [3, с. 1].

Для того, чтобы пользоваться этим богатством в полной мере, «необходимо оберегать международный морской порядок, уважать многообразие концепций развития морской деятельности стран вдоль Морского Шелкового пути, принимать во внимание озабоченности партнеров» [3, с. 2]. То есть, нет такого правила, которое может игнорировать китайскую концепцию сотрудничества вдоль морского пути, его освоения. Китайцы подчёркивают, что ничего особого они пока не требуют, всего лишь соблюдения общепринятых в мировой торговле правил, хотя бы тех, которые заявляет ВТО и которые открыли перед растущими китайскими предприятиями широкий рынок.

Отметим, что и в «Концепции» о СМП не говорится ничего конкретного; здесь говорится о вообще арктической зоне навигации, да и заявление об арктической зоне было вмонтировано в длинный ряд морских путей, через запятую, в самом конце и в самом общем виде: «Будут активизированы совместные действия по созданию и следующего “голубого экономического коридора” – на этот раз проходящего через Северный Ледовитый океан и ведущего в Европу» [3, с. 3–4].

Китайцам – как, впрочем, и всем другим участникам мировой торговли, подчеркивают они – нужен весь океан, все океаны. И на всех этих направлениях должны быть выстроены «взаимовыгодные и взаимовыигрышные партнерские отношения» – в отличие от инструментов сотрудничества, которые были сформированы раньше под тех, кто изначально выстраивал сеть морских перевозок и систему их страхования, а уж тем более тогда, когда речь идёт об экзотических для мировой торговли приарктических путях. И поэтому «предстоит обновить модели сотрудничества, создать площадки сотрудничества, совместно разработать планы действий, начать реализацию серии образцовых проектов сотрудничества, которые должны оказать стимулирующее воздействие» [3, с. 4]. В частности (в подразделе 2 «Сотрудничество в области освоения моря и морских ресурсов»), Китай предлагает новые формы, возможно неподвластные старым структурам: «Нужно путем заключения соглашения о портах-побратимах и создания союза портов интенсифицировать сотрудничество между портами, расположенными на маршрутах Морского Шелкового пути, поощрять китайские предприятия принимать разнообразное участие в строительстве и эксплуатации таких портов» [3, с. 6].

Важным моментом предполагаемой новой инфраструктуры является ее информационная составляющая. Это то новое, чего Китай раньше не имел (по крайней мере в арктическом регионе): «Интенсивное создание взаимосвязанной информационной инфраструктуры. Следует совместными усилиями создавать систему передачи, обработки, управления и использования информации, нормативную систему стандартов в области информационных технологий и систему обеспечения информационной безопасности, [...] а также для совместного использования информационных ресурсов» [3, с. 7].

И, пожалуй, самое главное для темы арктических торговых путей: «Китайское правительство готово совместно со всеми сторонами проводить комплексные научные исследования арктических морских путей, развивать сотрудничество по созданию береговой наблюдательной станции в Арктике, вести исследования по вопросам изменения климата и окружающей среды Арктики и влияния этих изменений на остальной мир, развивать сервис в сфере прогноза состояния морских путей. Оказывать поддержку

государствам, имеющим выход к Северному Ледовитому океану, в улучшении условий функционирования арктических морских путей, поощрять участие китайских предприятий в коммерческом использовании этих морских путей. Китайское правительство хотело бы сотрудничать с соответствующими арктическими странами в сфере оценки ресурсного потенциала арктических территорий. Мы поощряем отечественные предприятия системно участвовать в устойчивом освоении арктических ресурсов, готовы укреплять сотрудничество с арктическими странами в сфере экологически чистых источников энергии, принимать активное участие в мероприятиях, проводимых международными арктическими организациями» [3, с. 7].

Направления, цели указаны, после этого перешли к главному условию, гарантии их достижения – безопасности. Заметим, что всё это относится ко всем морским путям, не только арктическим. Но если в случае южных путей Китай претендует на радикальное преобразование и улучшение того, что было, то в применении к Арктике Китай претендует на новое геополитическое качество, на получение того, чем он раньше не пользовался или пользовался неактивно. Китай заявляет о своей готовности обеспечить материальную сторону вновь создаваемой инфраструктуры морских перевозок, подчёркивая, что речь идёт о надёжности и безопасности маршрутов: «Китайская сторона призывает активизировать оказание помощи по предоставлению оборудования и технической поддержки в сфере морского мониторинга и наблюдения для развивающихся стран, расположенных вдоль Морского Шелкового пути. Китайское правительство готово укреплять международное сотрудничество в области применения спутниковой навигационной системы “Бэйдоу” и спутниковой системы дистанционного зондирования на море, готово предоставить странам – участницам инициативы услуги по применению технологий спутникового позиционирования и информационной системы дистанционного зондирования» [3, с. 8].

Но сами по себе технические усовершенствования мало что значат, если нет конструктивного взаимодействия в институциональном плане. Поэтому китайское правительство заявляет о своей готовности «присоединиться к двусторонним и многосторонним механизмам обеспечения безопасности мореплавания, контроля и

управления возможными рисками, совместно вести борьбу с преступлениями на море и проводить другие мероприятия в сфере нетрадиционных проблем безопасности... наращивать потенциал совместного быстрого реагирования и взаимодействия при ликвидации последствий катастроф, возникновении инцидентов, связанных с туристической безопасностью, и других видов морских чрезвычайных происшествий» [3, с. 8]. На деле это может означать появление ненациональных силовых структур в непосредственной близости от чьих-то территориальных вод или в них самих. По идее, это должно быть легализовано в рамках усовершенствованного морского права. Китай подчёркивает, что «важно создавать и совершенствовать механизмы сотрудничества в сфере совместного применения морского права, правоприменения в рыболовстве, борьбы с терроризмом, подавления беспорядков на море и т.д., способствовать формированию информационной сети правоприменительной работы в области морского права, совместно разработать предварительный план действий на случай чрезвычайных происшествий» [3, с. 9]. В сущности речь идет о формальной интернационализации торговых путей.

Для того чтобы быть на высоте новых вызовов, необходим основательный научный подход, частью которого являются научные исследования водных путей: «Углубление океанографических исследований и укрепление технического сотрудничества в этой области. Совместно со странами, расположенными вдоль Морского Шелкового пути XXI века, разработать программу партнерского сотрудничества в сфере морской науки и техники» и т.д. [3, с. 9]. Слово «совместно» здесь ключевое, потому что отсутствие такого согласования наверняка вызовет конфликтные ситуации. Взять хотя бы статью 11 («Мирный проход через территориальное море») Федерального закона от 31.07.1998 №155-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации», где в пункте 2 говорится, что закон нарушается иностранным государством, в частности в случае «любой деятельности в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов», «проведения исследовательской или гидрографической деятельности», «подъёма в воздух, посадки или принятия на борт любого военного устройства». Разночтения в

том, что считать военным устройством, устройством двойного применения и т.д., могут вызвать конфликт.

Понимая, что пути проходят через юрисдикции многих государств, Китай предлагает «усилить работу по стыковке различных систем морских технологических стандартов, укреплять сотрудничество в сфере передачи технологий, поддерживать совместное создание научно-исследовательскими учреждениями и предприятиями образцово-показательных баз по применению и распространению технологий за рубежом», а также «вести совместные разработки в области обеспечения общего доступа разных стран к океанографическим данным и информации, создать механизм сотрудничества различных центров океанографических данных, объединив их в сеть...» [3, с. 10].

Когда речь заходит о сети, о новой структуре, подступает ощущение, что, будучи простыми и привычными по форме, эти морские товароперевозки решают более глобальные проблемы, меняют геополитику. Именно поэтому могут возникнуть не обозначенные в правилах ситуации. И поэтому придётся выходить на уровень более высокий, чем просто технический: «Важно активизировать создание механизма диалога *на высшем уровне* между странами – участницами инициативы “Морской Шелковый путь XXI века”» (Курсив наш. – Ю. Ч.) [3, с. 11].

Это не только новая структура, но еще и заявка на формирование картины мира: «Нужно совместно разрабатывать международные критерии классификации статистических показателей “голубой экономики”, создавать платформу совместного использования соответствующих данных, провести оценку развития “голубой экономики” в странах, через воды которых пролегает Морской Шелковый путь XXI века» [3, с. 12]. И как итог призыв: «дорожить *общим достоянием* – Мировым океаном, защищать *нашу* “голубую обитель”» [3, с.15]. (курсив наш. – Ю. Ч.)

Через две недели после издания «Концепции», во время визита Си Цзиньпина в Москву, на встрече с премьером Д.А. Медведевым 4 июля 2017 г. была анонсирована Новая стратегия, направленная главным образом на исследование и освоение северных морских проходов Китая совместно с Россией, и получившая в дальнейшем название «Ледяной шёлковый путь». Председатель Си заявил, что Китай готов развернуть сотрудничество с Россией на

СМП для совместного создания «Ледяного Шелкового пути» [6, с. 112]. Фактически мы делимся тем, что у нас уже было, нашим, Китай же получает то, чего у него пока не было. Китаю очень были нужны новые торговые пути, и поэтому он опробовал еще один полярный маршрут – Северо-Западный, вдоль американских и канадских берегов. В октябре 2017 г. китайский ледокол «Сюэлун» прошёл по Северо-Западному (американско-канадскому) проходу в Арктике, преодолев путь из Азии в Северную Америку в рекордно короткие сроки. Событие историческое: китайское судно прошло по этому маршруту впервые. Вне зависимости от официально объявленных целей, этот поход взбодрил «все стороны». Китай явно потираливал потенциальных партнеров.

26 января 2018 г. Госсовет КНР опубликовал «Белую книгу по арктической политике Китая», подтвердившую позицию китайского правительства в отношении Арктики.

Несмотря на то, что Китай начал проявлять активный интерес к арктическому региону еще в 1980-х годов, что подтверждает созданная под руководством Министерства природных ресурсов Китая Арктическая и антарктическая администрация, отдельный документ, раскрывающий планы КНР на Арктику, был представлен миру только теперь, 26 января 2018 г. Там чётко предлагалось построить «Ледяной шёлковый путь» со всеми сторонами. В соответствии с этим КНР стала активно вкладываться в арктическую инфраструктуру РФ и в совместные научные исследования. Китай заявил о своих интересах в Арктике на глобальном уровне, о том, что потепление, экология Севера касается его не в последнюю очередь, что он претендует на вхождение в клуб арктических стран (куда он до сих пор формально не входил), о своей готовности сотрудничать со всеми странами [10, с. 130]

Приглядимся повнимательнее к «Белой книге». Сначала – глобалистский запев: всё вокруг общее, всё оказывает влияние на нас, всё быстро меняется, и поэтому мы просто вынуждены наводить порядок. И если Китай в географическом смысле не стал ближе к Арктике, то «Ситуация в Арктике в настоящее время выходит за рамки ее первоначального... регионального характера, оказывая жизненно важное влияние на интересы государств за пределами региона и интересы международного сообщества в целом, а также на выживание, развитие и общее будущее челове-

ства. Это проблема, имеющая глобальные последствия и международное воздействие» [4, с. 2].

Главное изменение в том, что глобальное потепление и ускоренное таяние льда в Арктическом регионе расширило возможности освоения богатств Арктики, которая «приобретает глобальное значение благодаря своим растущим стратегическим и экономическим ценностям... и природным ресурсам». [4, с. 1]. В освоении этих ценностей есть свои трудности, на которые можно попенять как на пережитки прошлых систем, прошлого видения, и одна из этих трудностей - территориальный суверенитет. Китай делает специальную оговорку, чтобы не сочли его претендующим на чужие права, а чтобы видели в нем отстаивающего только свои: «Государства, расположенные за пределами Арктического региона, не обладают территориальным суверенитетом в Арктике, но у них есть права...», и далее идёт перечисление этих прав, в частности «на разведку и эксплуатацию ресурсов в Арктике», на вполне легитимной основе; и далее идёт перечисление правовой базы и напоминание, что Китай является членом Договора о Шпицбергене, на основании которого Китай имеет право «осуществлять научные исследования, производственную и коммерческую деятельность, такую как охота, рыболовство и добыча полезных ископаемых в этих районах» [4, с. 3].

Почему Китай только сейчас стал претендовать на арктические просторы? Потому что изменились обстоятельства. Китай их представляет как чисто внешние – погода, экология и еще что-то, что влияет на континентальный Китай. И только как бы мимоходом о торговле и безопасности, о переделе мира. Природные изменения в арктическом регионе (ускорение глобального потепления, повышение уровня моря, усиление экстремальных погодных явлений, нарушение биоразнообразия и другие глобальные проблемы), с одной стороны, негативно влияют на экологическую обстановку в Китае, но с другой стороны, открывают дополнительные возможности для коммерческого использования морских путей и освоения ресурсов в регионе. Пока не очень ясно, какую из этих сторон будет сподручнее использовать в продвижении в Арктику, но отмечены обе. Главное, что Китай не скрывает своей устремленности к месту у Полюса: «Китай является важной заинтересованной стороной в арктических делах. Географически Китай является

“приарктическим государством”, одним из континентальных государств, расположенных ближе всего к Северному полярному кругу. Природные условия Арктики и их изменения оказывают непосредственное влияние на климатическую систему и экологическую среду Китая и, в свою очередь, на его экономические интересы в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве, рыболовстве, морской промышленности и других секторах» [4, с. 3–4].

Китаю часто возражают, что самый северный порт Китая – Далянь – на 1600 км дальше от Северного полюса, чем Берлин, но отгороженные Гольфстримом страны Европы не испытывают тех климатических ударов, которые принимают на себя сельскохозяйственные районы китайского северо-востока.

Каждый раз подчеркивая свою давнишнюю (с 1925 г.) причастность к самому старому арктическому клубу – Договору по Шпицбергену, своё членство в Совете Безопасности ООН способствующими «выполнению важной миссии по совместному содействию миру и безопасности в Арктике», Китай идёт дальше в обосновании своих притязаний: «Использование морских путей, разведка и освоение ресурсов Арктики могут оказать огромное влияние на энергетическую стратегию и экономическое развитие Китая, который является крупной торговой державой и потребителем энергии в мире. Ожидается, что капитал, технологии, рынок, знания и опыт Китая сыграют важную роль в расширении сети морских маршрутов в Арктике и содействии экономическому и социальному прогрессу прибрежных государств вдоль этих маршрутов. Китай имеет общие интересы с арктическими государствами и общее будущее с остальным миром в Арктике» [4, с. 4].

В третьем разделе «Белой Книги» Китай заявляет о целях и принципах своей политики в отношении Арктики.

«Целями политики Китая в Арктике являются: понимание, защита, развитие и участие в управлении Арктикой, с тем чтобы защитить общие интересы всех стран и международного сообщества в Арктике и содействовать устойчивому развитию Арктики» [4, с. 4]. Понимание – через наращивание потенциала научных исследований, защита – борьба за сохранение природной среды и традиций коренных народов, издавна населяющих этот ареал. Последнее особенно настораживает, ибо под флагом защиты коренных народов можно «поспорить» с теми, кого в угоду политиче-

ской конъюнктуре можно назвать «некоренными». Что касается развития, то Китай снова заявляет о своей готовности «вносить вклад в экономическое и социальное развитие Арктики, улучшать условия жизни местного населения и стремиться к общему развитию». Границы же участия в управлении Арктикой намечены в «Белой Книге» так общо, политкорректно и пространно, что вывод напрашивается один: Китай в Арктике всерьёз и надолго.

Принципы, которым собирается следовать Китай в достижении отмеченных выше целей, – уважение, сотрудничество, взаимовыгодный результат и устойчивость – практически идеальны и могут обойтись без комментариев.

Относительная конкретизация политики Китая в арктических делах представлена в четвёртой части «Белой Книги» и первом ее пункте – «Углубление изучения и понимания Арктики». Под научную деятельность в этом регионе Китай – справедливо – требует для себя твёрдо гарантированной свободы действия: «Китай уважает исключительную юрисдикцию арктических государств в отношении исследовательской деятельности в рамках их национальной юрисдикции, утверждает, что научные исследования в районах, находящихся под юрисдикцией Арктических государств, должны проводиться на основе сотрудничества в соответствии с законом, и подчеркивает, что все государства имеют свободу научных исследований в открытом море Северного Ледовитого океана» [4, с. 7]. Все – это значит и Китай тоже, и он заявляет о своих далекоидущих планах в этом регионе: «Китай привержен наращиванию своего потенциала в области арктических экспедиций и исследований, укреплению строительства, технического обслуживания и функций исследовательских станций, судов и других вспомогательных платформ в Арктике, а также содействию строительству ледоколов для научных целей» [4, с. 7].

Наука, ради которой строят ледоколы, – важная наука, но и она должна служить практике – защите экологии Арктики и борьбе с изменением климата (2-й параграф) и рациональному использованию арктических ресурсов (3-й параграф). Китай настаивает на том, что использование должно быть законным и рациональным. В соответствии с каким законом и что следует считать рациональным?

«Китай утверждает, что вся деятельность по исследованию и использованию Арктики должна осуществляться в соответствии с такими договорами, как ЮНКЛОС и Договор о Шпицбергене, а также общим международным правом, уважать законы арктических государств и осуществляться устойчивым образом при условии надлежащей защиты экологической среды Арктики и уважения прав человека, интересов и озабоченности коренных народов региона» [4, с. 9]. Впрочем, дежурные либеральные формулы об экологии, правах человека и интересах коренных народов уравновешены заверениями в намерении строго соблюдать местное законодательство. Однако этот пассаж гораздо больше интересен другим. Вот он целиком: «Арктические морские маршруты включают Северо-Восточный проход, Северо-Западный проход и Центральный проход. В результате глобального потепления арктические морские пути, вероятно, станут важными транспортными маршрутами для международной торговли. Китай уважает законодательные, правоприменительные и судебные полномочия арктических государств в водах, подпадающих под их юрисдикцию» [4, с. 9]. А интерес вот в чём: впервые именно здесь, в «Белой Книге», упомянут СМП. Если в «Перспективах» нет ничего об Арктике, в «Концепции» впервые появляется Арктика, но без упоминания СМП, то в «Белой Книге» уже упомянут СМП под ником «Северо-Восточный проход». Но с этим последним трудно, ибо в России – приоритет национального права. И тогда Китай напоминает, что «управление арктическими морскими путями должно осуществляться в соответствии с международными договорами, включая ЮНКЛОС, и общим международным правом, и что свобода судоходства, которой пользуются все страны в соответствии с законом, и их права на использование арктических морских путей должны быть обеспечены. Китай утверждает, что споры по поводу арктических морских маршрутов должны быть надлежащим образом урегулированы в соответствии с международным правом» [4, с. 10].

Понимая, что юридических прав на отдельные опорные точки маршрута пока нет, Китай идёт путём мягкого проникновения – путём участия в обустройстве инфраструктуры и коммерческого освоения пространства: «Китай надеется сотрудничать со всеми сторонами в строительстве “Полярного шелкового пути” путем развития арктических морских маршрутов. Он поощряет свои

предприятия участвовать в строительстве инфраструктуры для этих маршрутов и проводить коммерческие пробные рейсы в соответствии с законом, чтобы проложить путь для их коммерческой и регламентированной эксплуатации». А ещё, «уважая суверенные права арктических государств на нефть, газ и минеральные ресурсы в районах, подпадающих под их юрисдикцию», Китай поощряет свои предприятия «участвовать в разработке нефтяных, газовых и минеральных ресурсов в Арктике» [4, с. 10].

Кроме того, Китай смотрит на Арктику как на перспективный район рыболовства, и поэтому «принимает активное участие в переговорах по регулированию рыболовства в открытом море в Арктике и призывает к заключению юридически обязательного международного соглашения по управлению рыбными ресурсами в части открытого моря Арктики. Соглашение должно разрешать научные исследования и разведочный промысел в арктической части открытого моря и защищать свободу всех государств в открытом море в соответствии с международным правом» [4, с. 13].

В достижении этих целей Китай возлагает большие надежды на работу Арктического совета, аккредитованным наблюдателем при котором он стал в 2013 г.: «Китай, как аккредитованный наблюдатель при Арктическом совете, высоко ценит позитивную роль Совета в делах Арктики и признает его главным межправительственным форумом по вопросам, касающимся окружающей среды и устойчивого развития Арктики» [4, с. 13].

Свои планы Китай может поддержать не только добрым словом, но и силой. В апреле 2015 г. в Издательстве Национального Университета обороны (Пекин) вышла Военная доктрина [5]. Публикация не раз корректировалась (в 2017 и в 2020 гг.). В нашем распоряжении имеется англоязычный вариант издания 2022 г. с поправками от 2020 г., где говорилось, в частности, о готовности Китая отстаивать «свои интересы» в Арктике. Информация об этом сосредоточена буквально на одной странице толстой, в 450 страниц, книге. Там заявляется о наличии у Китая полярных вооруженных сил.

Еще раз отмечены стремление управлять полярными регионами и упрёки тем, кто не хочет пускать Китай в Арктику. Ну, а если кто-то подумал, что Китай хочет кого-то напугать своей военной силой, тот ошибается: армейские мощь, сила, опыт ВС

очень нужны Китаю для оказания помощи своим гражданским проектам. «Необходимо в полной мере использовать роль вооруженных сил в поддержке полярных научных исследований и других операций, а также активно предоставлять оборудование, технологии и медицинскую помощь».

«Будущее использование полярных вооруженных сил должно уделять особое внимание невоенным армейским операциям, таким как спасательные операции, и в полной мере использовать эффективность вооруженных сил в этой области».

А в конце арктического параграфа – традиционное напоминание о том, что «Полярные регионы являются общим достоянием всего человечества» [5, с. 165].

Полгода спустя после выхода «Белой Книги», 8 июля 2018 г. появилось «Совместное заявление РФ и КНР», в котором вновь было заявлено о намерении укреплять сотрудничество в Арктике. Россия подтвердила свои планы в отношении Арктики. 5 марта 2020 г. президент В.В. Путин издал указ от 5 марта 2020 г. «Основные принципы государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года» [1], в котором среди приоритетных интересов названы «обеспечение суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации» и «развитие Северного морского пути в качестве конкурентоспособной на мировом рынке национальной транспортной коммуникации Российской Федерации». Было отмечено наличие серьезных вызовов в сфере обеспечения национальной безопасности, указаны цели, основные направления и задачи государственной политики РФ в Арктике, моменты, тесно связанные с вопросами развития Севера вообще и СМП в частности, моменты как технического, так и институционального порядков. Но перечислить их – значит привести полностью текст Указа. Скажем лишь, что даже в условиях роста напряженности в Арктике «Россия открыта к активному привлечению арктических и внерегиональных государств к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству в Арктической зоне Российской Федерации» [1, с. 9].

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 (ред. от 21.02.2023) «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до

- 2035 года». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347129/ (дата обращения: 15.01.2024).
2. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века. Госкомитет по делам развития и реформ. Министерство иностранных дел и Министерство коммерции (издано с санкции Госсовета КНР). Март 2015 // Россия и АТР. – 2015. – С. 255–270. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prekrasnye-perspektivy-i-prakticheskie-deystviya-po-sovmestnomu-sozdaniyu-ekonomicheskogo-poyasa-shyolkovogo-puti-i-morskogo/viewer> (дата обращения: 10.01.2024).
 3. Полный текст Концепции сотрудничества на море в рамках инициативы «Один пояс и один путь» // Синьхуа новости. – 20.06.2017. – URL: http://russian.news.cn/2017-06/20/c_136381457.htm (дата обращения: 20.01.2024).
 4. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. First Edition 2018. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 12.01.2024).
 5. Xiao Tianliang (ed.) In Their Own Words: Science of Military Strategy 2020. – Beijing: National Defense University Press, 2017. – 452 p.
 6. Ван Шучунь, Чжу Янь, Еремин В.Л. Новая китайская концепция и российско-китайское сотрудничество по Северному морскому пути. – URL: <http://svom.info/entry/785-novaya-kitajskaya-koncepciya-i-rossijsko-kitajskoe/> (дата обращения: 23.01.2024).
 7. Волков П., Емельянова В. Шелковый путь во льдах. Как Китай проникает в Арктику. — URL: <https://ukraina.ru/20230820/1048796597.html> (дата обращения: 24.01.2024).
 8. Куан Цзэнцзюнь, Оу Кайфэй. Новая политика Китая по Арктике (О Белой книге «Политика Китая в Арктике») // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 7. – С. 84–91.
 9. Нефёдов Д. Подводные камни и рифы «Полярного шёлкового пути» // Фонд стратегической культуры. – 13.04.2023. – URL: <https://fondsk.ru/news/2023/04/13/podvodnye-kamni-i-rify-polyarnogo-shyolkovogo-puti.html> (дата обращения: 25.01.2024).
 10. Ушакова Е.Г. Арктические рубежи: Ледяной шёлковый путь и его роль в продвижении Китая в Арктику // Арктика и Север. – 2021. – № 43. – С. 128–143.

ГОРДОН А.В.* МУСУЛЬМАНЕ ФРАНЦИИ МЕЖДУ ЛАИЦИЗМОМ И ИСЛАМИЗМОМ

Аннотация. С начала XXI в. многомиллионное мусульманское меньшинство Франции живет под воздействием двух прямо противоположных, но взаимно питающих друг друга процессов. С одной стороны, форсированная секуляризация, с другой – влияние исламизма в его радикально-фундаменталистских проявлениях. Французским мусульманам, в значительной степени гражданам Франции, государственной властью и праворадикальными политическими силами при поддержке консервативной части населения предъявлен ультиматум: либо ассимиляция, либо возвращение в страну предков. В основе секуляризации законы Третьей республики о так называемом лаицизме, которые трактуются расширительно как запрет выражения религиозности в публичной сфере. Секуляризации в ее радикальном варианте лаицизма придается ценностное значение оплота республиканского строя. Становясь критерием верности Франции и принимая принудительный характер, лаицизм оборачивается для мусульман ограничением традиционной обрядовости, что вызывает их неприятие, которое создает благоприятную почву для прозелитизма исламистских группировок. Исламизм как политико-религиозное направление, отражавшее кризисные явления модернизации мусульманского общества, стал внедряться во Франции в последние десятилетия XX в., выражая нарастание фрустрации среди новых поколений выходцев из иммиграции, травмированных дискриминацией и маргинальностью во французском обществе. Исламистская угроза сделалась

* Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

серьезным фактором общественно-политической жизни страны, обостряя конфликт между различными политическими силами.

Ключевые слова: мусульмане Франции; исламизм; секуляризация; лаицизм; Закон разделения церквей и государства 1905 г.; Н. Саркози; Э. Макрон.

GORDON A.V. French Muslims Between Laicism and Islamism

Abstract. Since the beginning of the 21st century, the multi-million Muslim minority in France has been living under the influence of two directly opposite, but mutually nurturing processes. On the one hand, forced secularization, on the other, the influence of Islamism in its radical manifestations. French Muslims, to a large extent citizens of France, were presented with an ultimatum by the state authorities and right-wing political forces, with the support of the conservative part of the population: either assimilation or return to the country of their ancestors. Secularization is based on the laws of the Third Republic on the so-called laicism, which are broadly interpreted as a ban on the expression of religiosity in the public sphere. Secularization in its radical version of laicism presents a sacred value significance of the stronghold of the republican system. Becoming a criterion of loyalty to France and taking on a coercive character, laicism turns out to be a restriction of traditional rituals for Muslims, which causes their active rejection. That creates a favorable background for the proselytism of Islamist groups. Islamism as a political-religious trend, reflecting the crisis phenomena of the modernization of Muslim society, began to take root in France in the last 10 years of the twentieth century, expressing increasing frustration among new generations of immigrants, traumatized by discrimination and marginality in French society. The Islamist threat has become a serious factor in the socio-political life of the country, exacerbating the conflict between the right and left parts of the political spectrum.

Keywords: French Muslims; Islamism; secularization; 1905 French law on the Separation of the Churches and State; laicism; N. Sarkozy; E. Macron.

Для цитирования: Гордон А.В. Мусульмане Франции между лаицизмом и исламизмом // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 2. – С. 33–59. – DOI: 10.31249/rva/2024.02.03

Во франковедческой литературе заметно искушение при рассмотрении проблем интеграции мусульманского сообщества сосредоточиться на исламистской угрозе. Такой подход представляется односторонним без учета фактора принудительной секуляризации. Ее протагонисты опираются на республиканскую традицию, отстаивая основополагающее значение для современной Франции законов, принятых при Третьей республике, и прежде всего Закона 1905 г. о разделении церквей и государства.

Закон 1905 г.

Со времен Третьей республики Франция живет (за исключением периода Виши, 1940–1944) в режиме религиозно-конфессиональной нейтральности государства, который получил название «лаицизма», буквально – «обмирщения», от *laïc* (мирянин). Исходно подобная нейтральность была установлена Законом 9 декабря 1905 г. прежде всего в отношении католицизма, в прошлом государственной религии страны, хотя и касался всех религиозных культов. В политической сфере, медиа-пространстве и даже среди исследователей отмечается существенное различие в его трактовке, да и сама концепция *laïcité*¹ в последнее время обрела отчетливую динамику. Был ли это только юридический документ, правовой акт, регулирующий отношения государства с католической церковью и другими религиозными институтами? Или подразумевалась новая государственная идеология, как выяснилось впоследствии? И как *laïcité* сделалась во Франции республиканским культом?

Собственно термин *laïcité* появился еще в Педагогическом Словаре Ф. Бюиссона в 1882 г., но и в начале 1900-х он оставался неологизмом, однако, как подчеркивалось в специальной статье Словаря, он необходим, поскольку «никакой другой термин не выражает напрямую (*sans périphrase*) тот же смысл в его полноте». Смыслом же определялось исключение церковного вмешательства в какую-либо из ветвей власти и ликвидация контроля духовенства

¹ Распространенный во Франции термин обычно переводится как «светскость», что трудно назвать удачным переводом, учитывая коннотации типа «светские манеры». Лучше перевод «секуляризация», но при этом скрадывается ее французская специфика, близкая к воинствующему атеизму.

над «целокупностью общественной и частной жизни». Многозначительным для понимания специфической радикальности французской модели секуляризации было пояснение, что *laïcité* является завершением секуляризации, а утверждение (Законом 1905 г.) делает Францию «самым секуляризованным, самым лаицистским государством в Европе»¹.

Закон 1905 г. гласил: «Республика подтверждает свободу совести. Она гарантирует свободное отправление культов», при этом «не признает, не оплачивает (служителей культа. – А. Г.) и не субсидирует ни один из культов» [31, р. 321]. Этому акту предшествовал закон 8 марта 1882 г., «закон Ферри», по имени министра образования Жюль Ферри – яркого республиканца. Этот акт, вводивший всеобщее и обязательное начальное образование, заменял религиозное образование «обучением нравственности и гражданственности». Статья 2 требовала выделения учебного времени (один день в неделю, помимо воскресенья) для религиозного обучения «вне помещения школы». Последнее предусматривалось факультативно в частных школах. Статья 3 отменяла положения закона 1850 г. о праве служителей культа контролировать обучение в государственных школах.

Законы Третьей республики отличались, что немаловажно в их динамике, революционным происхождением, став развитием революционных актов 1789–1795 гг., когда, констатировал Словарь Бюиссона, впервые «предельно отчетливо выявилась идея лаицистского государства (*l'Etat laïque*)» как «государства, нейтрального в отношении всех культов, независимого от всякого духовенства, свободного от какой бы то ни было теологии»². И, подобно революционным актам, законы Третьей республики рождались в ожесточенной политической борьбе с клерикально-монархической реакцией, угрожавшей самому существованию Республики. Знаменательны статьи закона 11 августа 1884 г. – «республиканская форма правления не может стать предметом пересмотра (Конституции. – А. Г.)» и «члены правивших во Франции династий не могут быть избраны президентами Республики» [31, р. 308].

¹ *Laïcité* // Dictionnaire de pédagogie et d'instruction primaire / Publié sous la direction de F. Buisson. Edition. – 1911. – URL: <https://ife.ens-lyon.fr/>

² Ibid.

Как и во время Великой французской революции, Церковь в образе клерикальных кругов, добивавшихся восстановления ее позиций в общественной и государственной жизни, вместе с традиционалистской частью верующих католиков оказалась на стороне монархистов. Республиканцы постарались предупредить развитие событий по сценарию 1793–1794 гг., когда религиозный разлад положил начало гражданской войне, получившей название Вандейской и охватившей вместе с одноименным департаментом Запад Франции, что стоило стране 600 тысяч жертв и опустошения целых районов.

Отправление культов допускалось «с отдельными ограничениями в интересах поддержания общественного порядка», и в законе 1905 г. был специальный раздел из 11 статей, регулирующих внешние проявления церковной жизни («Police des cultes»). Две статьи (31 и 32-я) предусматривали наказание для тех, кто станет, угрожая священникам или беспорядками в церквях, препятствовать отправлению культа. То была очевидная реплика на акты революционной «дехристианизации» 1793 г., когда радикальные активисты захватывали храмы, подменяли религиозную службу торжествами рационалистического культа Разума, заставляли священников отказываться от сана и т.п. В большей мере, однако, законодатели были озабочены поведением самих священнослужителей. Богослужение должно было проходить под контролем местных властей, отдельными статьями запрещалось проведение в храмах собраний политического характера или «оскорбление» должностных лиц. В случаях высказывания или распространения в культовых помещениях текстов, «содержащих прямое подстрекательство к сопротивлению исполнению закона или законных актов государственной власти, или намерение поднять одну часть граждан против другой», священнику грозило тюремное заключение на срок от трех месяцев до двух лет. Если, как гласила статья 35, «подстрекательство» не приводило к отягчающим обстоятельствам – «мятежу, восстанию или к гражданской войне» [31, р. 321–322], все религиозные церемонии подпадали под действие законов о поддержании общественного порядка. Распространение знаков и символов культа ограничивалось культовыми зданиями, могильными памятниками, а также музейными экспозициями. Колокольный звон регулировался распоряжением муниципалитетов.

Итак, лаицизм изначально был политической мерой, при этом носил боевой, наступательный характер, и соображения общественной безопасности отчетливо обозначили озабоченность законодателей утверждением республиканского строя и поддержанием его стабильности. При этом учредители Республики замахивались на нечто неизмеримо большее. Секуляризация предполагала создание новой социальной общности и, следовательно, носила фундаментальный характер. Уже первым конституционным актом – Декларацией прав человека и гражданина 1789 г. французы освобождались от «религиозных обетов» в ряду всех «обязательств, противных естественным правам или Конституции» [3, с. 114]. На смену традиционных обязательств выдвигались новые; «духовную» религию Священного Писания должна была заместить «гражданская» с универсальными ценностями Конституции и Прав человека.

Прообразом видится концепция «гражданской религии», которую разрабатывал еще Жан-Жак Руссо в «Общественном договоре» и в которой религиозные обеты должны были заменить обязательства, налагаемые на членов общества в силу их соглашения («общественного договора») и контролируемые в части их исполнения государственной властью. По идее классика Просвещения суверен не может требовать от человека отчета в том, «в какой форме тот представляет себе божество»; но имеет право «надзирать», насколько члены общества верны «общественному договору», выполняя свои обязательства. Целью становится обеспечение общественного порядка, а принцип веротерпимости, в позднейшем толковании как свобода совести, оказывается инструментом предотвращения межрелигиозных конфликтов [6, с. 184].

Уже в отношении Революции 1789 г. Токвиль заметил сплетение у последователей Руссо политического смысла с религиозной страстью, придавшее поведению участников подобие фанатизма верующих, а самой Революции крайний радикализм. Распространяемая «посредством проповеди и пропаганды», направленная «еще более к возрождению человечества, чем к преобразованию Франции»; Революция, писал классик политической мысли, «наводнила всю землю своими солдатами, апостолами и мучениками», приняв вид «религиозной революции». Опираясь, подобно мировым религиям, на «самую природу человека», выра-

батывая принципы, которые «одинаково могут быть приняты всеми и повсюду могут быть применены», она и сделалась «чем-то вроде новой религии» [19, с. 27–30].

При Третьей республике, воспринявшей революционные идеи заодно с символами (триколор, Марсельеза, день Бастилии), сплав политики и религиозности породил культ Республики – с «Пантеоном, мартирологией, агиографией, многообразной и всепроникающей литургией», своеобразной, по словам П. Нора, религией, которая «изобрела свои мифы, свои ритуалы, воздвигла свои алтари, выстроила свои храмы», превратив свои скульптуры, настенную живопись, уличные вывески, школьные учебники в «перманентное воспитательное зрелище» [45, р. 159].

Отмеченное соединение в период Великой французской революции «политической» и «религиозной» революций отчетливо отложилось в режиме лаицизма, придав особый характер процессу секуляризации во Франции и выведя его за пределы утверждения свободы совести. Как заметил за сто лет до нынешних страстей по «проблеме ислама» выдающийся российский правовед С.А. Котляревский, французский «боевой антиклерикализм» в стремлении создать альтернативную моральную основу для нового общественного порядка слишком многое заимствовал у своего политического противника, и в результате у представителей «*esprit laïc* (духа светскости)» выявляется подобие «светской теократии» как «скрепы, предохраняющей современную демократию» [5, с. 612].

Многообразие – благо

Антиисламский аспект принцип лаицизма в его современном прочтении приобрел не сразу. Еще в 80-х годах XX в. верующим мусульманам предоставлялись на предприятиях места и время для моления, в столовых имелись блюда «халяль» и т.п. Замечательна во многих отношениях Хартия разнообразия 2004 г., подписанная представителями 33 французских предприятий и объединений, список которых с тех пор расширился до 1400 [27]. Смысл ее был выражен подзаголовком «Различия – это богатство». Подписавшиеся обязались добиваться, чтобы персонал их предприятий отражал культурное и этническое многообразие населения.

С аналогичной инициативой выступило Министерство государственной службы. Еще раньше подобные акции были предприняты в рамках правящей коалиции. Николя Саркози, тогда генеральный секретарь Союза за народное движение, в августе 1999 г. обязался позаботиться, чтобы в списках партийных кандидатов нашлось место для выходцев из иммигрантов: «Если мы хотим представлять Францию, нужно научиться ее собирать» [32, р. 467].

В общей тенденции к принятию культурных различий характерный случай произошел в 1989 г. в небольшом старинном городе Крей (Пикардия), где директор коллежа потребовал от трех учениц снять традиционный головной убор, так как в учебных заведениях не допускается разделение учащихся по религиозному принципу. С подобными требованиями выступила администрация других учебных заведений. Конфликт получил широкую огласку в прессе и отклик в Национальном собрании.

В резолюции Государственного совета от 27 ноября 1989 г. говорилось: «Ношение учащимися знаков, которыми они намерены выразить свою религиозную принадлежность, само по себе не является несовместимым с принципом лаицизма постольку, поскольку он предполагает свободу выражения и демонстрации религиозных чувств». Содержался, однако, ряд оговорок, прежде всего о недопустимости, чтобы такое самовыражение было следствием давления на девочку или становилось средством пропаганды прозелитизма, а также о необходимости «нормального функционирования (*service public*)», надо понимать, школьного распорядка. Тогда в Министерстве национального образования (министром был социалист Л. Жоспен) решили, что ношение указанного головного убора не противоречит принципам светского образования и «уважение к традициям французов иммигрантского происхождения не создает проблемы» [32].

До начала 2000-х годов в конфликтных ситуациях между ученицами, их родителями и школьной администрацией преобладало разрешение девочкам носить *хиджаб*. Закон 15 марта 2004 г. знаменовал «полный переворот»: «запрещение становилось принципом, разрешение – исключением» [28].

От мультикультурности – к ассимиляции,
от интеграции к интегрizmu

Стоит отметить, такой политико-административный поворот юридически опирался на решение экспертной комиссии, созданной президентом Шираком в 2003 г. Выяснилось давление на девочек и их родителей со стороны исламистских групп, но отмечалось и вполне добровольное ношение *хиджаба*. Прозаседав четыре месяца и проведя многочисленные слушания, комиссия все же приняла единодушное решение в пользу запрета. Но чтобы он не носил одностороннего, затрагивающего одну конфессию характера, заодно с *хиджабом* запретили ношение в школе иудейской *ки-пы* и крестов. Европейский суд по правам человека отказался признать этот запрет нарушением.

Между тем при принятии решения вопрос стоял лишь о государственных школах и школьницах. «Не было вопроса, – свидетельствует член комиссии Патрик Вейль, – о запрещении религиозных символов ни в университетах, ни где бы то ни было в мире взрослых: взрослые располагают средствами защиты, отсутствующими у детей» [58, р. 70]. О том же говорил тогдашний министр внутренних дел Николя Саркози: «Закон нисколько не препятствует женщине носить покрывало в частной жизни: идя на работу, посещая учебные занятия, сопровождая детей... Речь не идет о запрещении носить покрывало во французском обществе, но лишь о запрете пользования им в коллежах и лицеях» [52, р. 119].

Однако дело приняло крайний оборот: ограничения распространились на взрослых женщин, и раздражителем сделалась именно панорама городских улиц. Закон о запрете ношения одежды, скрывающей лицо (сентябрь 2010), затронул не только 2000 женщин, носящих, по официальным данным, традиционное мусульманское одеяние *бурка* (арабское *никаб*), но и косвенно мусульманскую общину в целом. «Я за запрет *бурка* в закрытых общественных местах, как банки и супермаркеты. Но я не могу согласиться с тем, что из-за страха перед исламом или интегризмом¹ покушаются на наши конституционные свободы на

¹ Католический фундаментализм.

улице»¹, – заявил Рашид Некказ, французский политический деятель и бизнесмен арабского происхождения, учредивший фонд помощи женщинам, которых оштрафуют по закону.

Очень характерно, что «закон антибурка» (как его окрестили в прессе) был принят в обстановке широкой мобилизации сторонников унитарно-ассимиляционной модели интеграции и агрессивной защиты принципов лаицизма. На законодателей и политиков обрушился шквал изданий типа «Изнанка вуали 1989–2009: 20 лет исламского наступления на республиканский лаицизм», «Гнев французов» (на обложке элегантная француженка рядом с бесформенными фигурами арабов в традиционной одежде), «Республиканское сопротивление» (на обложке единоборство Марианны с фигурой, закутанной в чадру).

Борьба за лаицизм начала приобретать черты своего рода культурного расизма, причем направление последнего стало смещаться с иудейской общины, как было во времена «дела Дрейфуса» и «Аксёэн франсез» Шарля Морраса [1, с. 158–176], на мусульманскую. К концу XX в., как констатирует Е.О.Обичкина, во Франции наблюдался бурный «рост этноцентризма», ярко выявившийся в ответах (опрос 1995 г.) на вопросы: «Чувствуете ли вы себя в своей стране по-прежнему уютно?», «Надо ли строить мечети во Франции?», «Считаете ли вы, что иммигранты слишком многочисленны?». Вначале этот рост можно было объяснить социальными и экономическими причинами. В 1988 г. среди тех, кто заявил, что «не чувствует себя больше во Франции, как у себя дома», 42% составляли рабочие и лишь 16% – чиновники, интеллигенты и руководители предприятий. В 1995 г. рабочие составили в этой категории 33%, а доля чиновников, предпринимателей и интеллигентов осталась прежней – 16% [12, с. 60].

Такой эффект нетрудно было ожидать: в контексте начавшейся деиндустриализации рабочие-французы боялись конкуренции иммигрантов. Но далее вмешался внешнеполитический фактор: теракты «Аль-Каиды» в США, вызвавшие шок среди французского общества, и обострение арабо-израильского конфликта, отзывавшееся нападениями хулиганствующей молодежи иммигрантского происхождения на синагоги и евреев. В результа-

¹ См. : french.peopledaily.com.cn/.../7348132.html

те президентская кампания 2002 г. во Франции проходила на фоне межрелигиозных и межэтнических конфликтов и все больше французов, заключает Е.О. Обичкина, «стали прислушиваться» к лидеру ультраправого Национального фронта Ле Пену, «проводившему чёткую параллель между терроризмом, исламом и иммиграцией» [12, с. 60].

Жак Ширак победил на этих выборах как альтернатива ультраправым, препятствие сползанию государственной политики иммиграции в сторону исламофобии и расизма. Идеологи запрещения мусульманского одевания очень постарались, чтобы такие запреты не были истолкованы как проявление исламофобии. Официально закон был представлен борьбой за конституционные свободы против дискриминации по религиозному и половому признаку. «Бурка, – доказывала Доминик Шнаппер, авторитетный специалист по иммиграции, – символизирует неравенство в положении женщин», а это ключевой вопрос для фундаментализма всех разновидностей, общей чертой которых является «контроль за поведением женщин, эвентуально варварским способом». *Бурка* попирает принцип демократических обществ как «открытых обществ» в самом широком смысле. Наконец, она затрудняет человеческое общение, которое предполагает, что вступающий в контакт человек демонстрирует свое лицо как признак личностной идентичности [54, р. 461].

Демократические принципы, продолжала Шнаппер, требуют «уважать особые традиции» сограждан. «Но до какой степени?» Уважение частных традиций не может подрывать верность общим принципам, таким, как равенство всех людей, что несовместимо с неравенством женщин, проявляющимся в «эксцизии»¹ у девочек, неравенстве между сыновьями и дочерьми, принудительных браках и ношении бурка». Собрав привычные мусульманские «стигматы», Шнаппер подводила к традиционному постулату: «Иммигранты должны быть приняты как иностранные гости. Они должны получить те же социальные, юридические и гражданские права, что и местные жители (nationaux). Но важно также, чтобы

¹ Аналогичное обрезанию ритуальное действие, присущее некоторым патриархальным африканским обществам (в том числе мусульманским), сделалось во Франции жупелом для обывателей, хотя нет никаких данных о его распространенности среди французских мусульман.

они, со своей стороны, приняли основы демократического порядка» [54, р. 470–472].

Суждения видного социолога и члена Конституционного совета Франции клонились к предъявлению мусульманскому сообществу ультиматума. От последнего требовалось принять основы установленного во Франции порядка, включая лаицизм, как нормы демократии, как универсальные права человека. Именно в ультимативной форме такое требование было сформулировано в апреле 2006 г. Филиппом де Вилье. Оговорившись, что знает мусульман, которые любят Францию «всем сердцем, всей душой», он потребовал от всех иммигрантов выбора: «ты любишь Францию, или ее покидаешь». Заявление было весьма симптоматичным прежде всего фигурой автора.

Виконт Филипп ле Жоли де Вилье де Сентиньон – вандеец не только по происхождению, но и по духу, основавший в Пюидю-Фу, очаге восстания 1793 г. против Французской республики, мемориальный парк, где регулярно проводятся исторические действия той эпохи, субпрефект и председатель генсовета департамента, основатель Движения за Францию, с 2021 г. член созданной Э.Земмуром ультраправой партии «Реконкиста», где во имя «христианских корней Франции» он выступает против арабo-африканской иммиграции.

Знаменательно! Наследники врагов Французской республики вмешались в полемику о соблюдении лаицизма, выступив в защиту республиканских порядков с ультрапатриотических позиций. Так, вне зависимости от идейных и духовных предпосылок возник консенсус ультраправых с истовыми защитниками лаицизма, которых Р.Кастель назвал «республиканскими интегритами», присовокупив, что «их нетерпимость (intransigence) равна той, в которой они обвиняют мусульманских фундаменталистов» [25, р. 796; 26; 42]. Консенсус, отразивший политическое поправление с угрозой дальнейшей радикализации иммиграционной политики Франции [8; 9].

Христианские корни

Идейные основы консенсуса правоцентристов и ультраправых были представлены Саркози во время визита в Ватикан в 2007 г.

в знаменитой, вызвавшей одобрение в католических кругах [41] и возмущение левых [49] Латеранской речи, где он представил новое толкование лаицизма как республиканской идеологии, совместимой с христианской верой и устоями католической церкви. Перед клиром и прихожанами папской базилики Св. Иоанна на Латеранском холме президент Республики оправдывался за Закон 1905 г., за те страдания, которые тот принес Церкви, священникам, всем верующим католикам. Лаицизм попытался «оторвать Францию от ее христианских корней, чего не должен был делать», – заявил Саркози.

Знаменательной явилась апология «христианских корней» Франции. Убедительно и, думается, вполне искренне представив благотворную роль католицизма, Саркози не объяснил, почему тот стал восприниматься «угрозой», по его же формулировке. Целенаправленно он обошел вниманием инквизицию, религиозные войны, преследование протестантов, борьбу Церкви против Республики. Понять благородный порыв забыть старые грехи несложно. Однако такое забвение сделало двусмысленной защиту лаицизма, апологетом которого Саркози себя позиционировал.

Судя по Латеранской речи, лаицизм оказывался, если не заблуждением, то некоей исторической случайностью. Данью времени и изменившимся настроениям (понимай: утрате веры) у французов! Отменять Закон 1905 г. нельзя: он сделался «предпосылкой гражданского мира» и, став зрелым, теперь олицетворяет свободу вероисповедания. Нужно, обращаясь президент к французам, «принять (assumer) христианские корни Франции и даже восславить (valoriser) их, защищая тем не менее лаицизм, наконец, достигший зрелости» [33].

Рассматривая отныне религию не «угрозой», а «благом (un atout)», такой «позитивный лаицизм» будет «искать диалога с великими религиями Франции» и станет «облегчать повседневную жизнь великих духовных течений, а не искать, как им усложнить ее» [33].

Принцип конфессиональной нейтральности государства в трактовке Саркози подвергся заметной эрозии, переходя на практике к двойным стандартам. Местные власти большей частью терпимо относятся к публичным манифестациям католического культа вроде колокольного звона и крестного хода, государственные

деятели участвуют в ритуальных церемониях, происходящих в католических храмах. Католические праздники Рождества и Пасхи и ряд других дат церковного календаря отмечаются официально. При том что публичные манифестации мусульманского культа подвергаются рестрикции.

Вопреки заверениям Саркози, став благоприятным в отношении христианства, лаицизм в его политике начал поступательно осложнять жизнь мусульманского сообщества. Уже в Латеранской речи прозвучала реплика о ношении *хиджаба*: «...французский народ... пылко пожелал запрета появления в школе вызывающих (*ostentatoires*) знаков». Затем «французский народ» в виде его определенной части, с подачи Саркози, столь же пылко пожелал запретить *бурка*.

Выступив в небольшой горной деревне на юго-западе страны на тему сельской депрессивности, Саркози перевел разговор в ту область, которая его больше всего увлекала – французской идентичности, придав последней цивилизационное измерение. Причиной экономического упадка он провозгласил в том числе исчезновение былой «формы цивилизации, передававшихся по наследству ценностей, культуры труда». «Стать французом, – заявил он крестьянам, – может только тот, кто усвоит /этот/ тип цивилизации, ценности, нравы». Адресат был хорошо известен, и оратор снискал аплодисменты, когда аудитория услышала: «Франция – страна, где нет места для *бурка*... Франция – страна терпимости и уважения; но она требует, чтобы и ее уважали» [46].

Стремясь к переизбранию на выборах 2012 г., Саркози в вопросах интеграции мусульманской общины избрал угрожающий тон: «За слова, противоречащие республиканским ценностям, последует немедленное изгнание из Французской республики. Без всякого исключения. Без всякого снисхождения!» Во главу угла интеграции ставился принцип равноправия мужчин и женщин как «фундамент французской демократии». Равноправие при этом выглядело поверхностным, принцип – упрощенно бытовым: «В больнице – один врач для мужчин и женщин, в бассейне одни и те же часы работы», в школьной столовой – «одно и то же меню для всех детей лаицистской Республики (*République laïque*)» [43].

Современный «позитивный» лаицизм», провозглашенный Саркози, на деле становился «лаицизмом устранения (*laïcité*

d'exclusion)» для мусульманского сообщества [24]. А лаицистская идея религиозной нейтральности государства трансформировалась, по выражению социолога Ж.-Ф. Байяра, в «лаицистскую идеологию и национальную религию для политического контроля над исламом» [22]. И такая квазирелигия сосредоточилась не столько на ортодоксии, «правильном мышлении», сколько на «правильном поведении» – «ортопраксии в отношении одежды или еды» [47].

Не случайно в целом правление Саркози профессор Университета короля Сауда в Эр-Рияде Ахмад Элайс назвал одним из худших периодов для мусульманской общины во Франции. В контексте инициированной Саркози дискуссии о национальной идентичности христианство было заявлено национальным культурным достоянием, а ислам – «иностранный религией». Возобладало убеждение, что «ее распространение угрожает французской идентичности», а лаицизм – «преграда» для этой опасности, – констатировал саудовский профессор [44].

Ожидаемой реакцией на навязывание лаицистской «ортопраксии» и разнузданную антиисламскую риторику в медиапространстве [8; 17] явилось ожесточение во всем мусульманском мире, для которого Франция сделалась самой odioзной из стран, где преследуют эту религию. Кампанию борьбы с мусульманской одеждой довершило тиражирование карикатур на Пророка, ставшее форменным издевательством над чувствами верующих в навязчивом стремлении привить им безрелигиозность современного французского общества. Все это обернулось самыми кровавыми террористическими актами в истории Пятой республики.

Исламизм

Кризис политики иммиграции и поворот к ассимиляции в политике интеграции французских мусульман обоснованно считают одной из главных причин радикализации внутри мусульманского сообщества Франции. О ней заговорили после кровавых терактов 2015 г. При этом, как заметила Н.В. Сафонова, произошло как бы второе рождение термина «исламизм». Во времена Вольтера, довольно благосклонно относившегося к исламу, имелась в виду религия Мухаммеда, или Магомета в тогдашней огласовке, –

магометанство (mahométisme). Соответственно «исламистом» мог считаться любой ее исповедующий. [17, с. 110].

С началом модернизации «исламист» – это ортодоксальный адепт, а «исланизм» – политико-религиозное движение¹, протестовавшее против прихода в мусульманский мир из Европы цивилизации Нового времени (Модерности), в которой участники движения усмотрели угрозу для своей религиозной идентичности [38, р. 45]. Они противопоставили модернизации с ее секуляризацией постулат превосходства религии как «трансцендентного порядка вещей» над миром повседневности и государственной властью в том числе [38, р. 50].

Хаким Эль Каруи, эксперт правительственных структур, уточняет: «Исламизм как социальный проект разрабатывался в течение всего XIX в., пока не был сформулирован в 20-х годах XX в. Однако стал массовым движением в мусульманском мире только после 1970–1980-х годов» [35, р. 27], а достиг Европы в 1990-х. По мнению Эль Каруи, первопричиной следует считать «чрезвычайно быструю модернизацию арабских обществ» в последние 50 лет, в результате которой кардинально изменилось положение женщин. Высокого уровня достигло женское образование, среди молодого поколения женщин это полная грамотность и учеба в университетах, где в некоторых случаях их стало больше, чем юношей. Это сопровождающее успехи образования повышение брачного возраста с 22 лет (1990-е) до 26–30 и снижение фертильности с 5 детей до 3 (в Иране 1,7) [35, р. 27].

Выход женщин на рынок труда, их карьерные амбиции потрясли семейные структуры с их патриархальной иерархией. В арабском мире началась трансформация общественного пространства. Ответом стали не только многочисленные препоны на пути продвижения женщин в общественной жизни, но и реанимация архаических традиций. В таком контексте и произошел стремительный рост популярности исламизма как консервативной реакции.

Кроме социальных, возникли и собственно мировоззренческие предпосылки в виде «автономизации исламистского дискурса». Исламизм со своими концептами и видением мира сделался

¹ Поэтому нередко исламизм интерпретируют, как «политический ислам» [13].

могущественным культурным проектом, предлагающим альтернативу, доказывает Эль Каруи, духовной гегемонии Запада: это «наш взгляд на нас самих!» [35, р. 75]. Попытка разрешения проблем, возникших в мусульманском обществе под влиянием привнесённой колониализмом модерности, в рамках самой мусульманской традиции и ее собственной динамики [35, р. 12]. Поэтому исламизм, по Эль Каруи, надо рассматривать как «автономное явление» в культурном плане.

Следует ли считать исламизм среди французских мусульман самодостаточным? Скорее наоборот – я бы сказал, «импортированным». Прежде чем стать, жертвой «глобального джихада», Франция подверглась вторжению глобального исламизма в образах сначала «братьев-мусульман» (запрещены в РФ), затем салафитов [17, с. 143–168]. Общим направлением их пропаганды и деятельности во Франции стала изоляция мусульманского сообщества с противопоставлением его французскому обществу. «Строгое отделение от французского общества, – излагают доктрину исламизма исследователи, – должно происходить во всех областях. Прежде всего оно затрагивает положение женщины. Она должна быть полностью подчинена мужчине, не работать и не выходить из дому, насколько это возможно. Ее роль передавать традиции своим детям. Ее одежда – центральный пункт в программе салафитов. Они требуют ношения *jilbeq*, закрывающего все тело за исключением лица и рук. Подлежат запрету браки мусульманок с немусульманами, чтобы воспрепятствовать их интеграции во французское общество». Принципиальное значение приобретает вопрос о еде. Не только мясная пища, вся еда «должна быть халяльной» [30].

Исламизм диктует верующим «заповеданный» образ жизни, определенный тип социального поведения, в основе которого разделение на «своих» и «чужих». Это манихейский мир «мы» и «они», где «они» – это Запад, обиталище разврата, которое угрожает «нам», «добрым мусульманам». Спасая от этой угрозы, салафиты занялись «яростным прозелитизмом», стремясь привить свое толкование вероучения всем мусульманам [36].

Возрождая патриархальную иерархию, возвышая мужскую идентичность и внушая «покорность» женщинам, «братско-салафитский» исламизм, как подчеркивает Эль Каруи, стремится преодолеть фрустрацию мужчин на почве изменения социальных

ролей [36]. В иммигрантских кварталах он способствует формированию специфической молодежной субкультуры «мачо», носителями которой выступают подростковые группировки [2, с. 13–14]. Проповедуя обучение на дому, салафиты в том числе добиваются усиления своего влияния именно на женщин-матерей.

Насколько успешны салафиты в своем прозелитизме, удалось ли им навязать мусульманскому сообществу Франции свою сепаратистскую программу? Составленный Эль Каруи, хорошо понимающим, как видим, исламистскую угрозу, доклад Института Монтеня 2016 г. носил между тем название «Французский ислам возможен». В доказательство автор ссылаясь на интервьюирование более 1000 представителей мусульманского сообщества, из которых 46%, по его оценке, можно отнести или к «совершенно секуляризованным, или пребывающим в стадии завершения своей интеграции» [34]. Заметим, секуляризованность выступает критерием интегрированности, и некоторые критики этим пользуются, чтобы опровергнуть слишком оптимистический, по их мнению, вывод Эль Каруи.

Какая секуляризованность, если большинство предпочитает традиционную еду «халяль», одобряет ношение «хиджаба» и соблюдает ритуал? 70% зондированных постоянно покупают мясо «халяль», 22% – иногда и только 6% никогда. А 65% допускают ношение «хиджаба» и 60% – даже в школе. 40% еженедельно посещают мечеть, а из остальных половина молится на дому или рабочем месте. Ужас! Подобный пиетизм, считают критики, толкает к разрыву верующих мусульман с Республикой, хотя на словах они признают ее законы и даже полезность лаицизма как гарантии свободы исповедования [53].

Более значимой такие критики считают другую оценку из доклада, что 28% зондированных следует отнести к «радикалам, полностью оторвавшимся от Республики». Это молодежь, которая, по мнению журналистки Элизабет Шемла, проанализировавшей в «Фигаро» материалы доклада, все больше утверждает в пригородах законы шариата. Чтобы остановить «медленное, но очевидное скатывание (glissade) большинства мусульман к исламизму», власть должна действовать «быстро и решительно, структурировав (читай сконструировав. – А. Г.) французский ислам» [53].

Фантом «глиссады» стремительно развивался, дойдя до доктрины «войны цивилизаций» с пугалом замещения французско-христианской цивилизации арабо-мусульманской [9]. Тем не менее основательность «глиссады» была оспорена изначально в методологии зондирования мусульманского сообщества. Как заметил социодемограф Патрик Симон, авторы обзоров типа тех, что проводил Институт Монтеня под руководством Жиля Кепеля и Хакима Эль Каруи, склонны были оценивать в антиреспубликанском духе амбивалентные по смыслу ответы опрошенных. Так, при отрицательном ответе на вопрос: «Считаете ли вы, что лаицизм во Франции позволяет свободно практиковать вашу религию», обзревающие делали заключение об «оспаривании лаицизма (*contestation de la laïcité*)». Однако, пишет Симон, «необязательно быть мусульманином чтобы считать развивающуюся в последние годы принудительную секуляризацию затрудняющей обрядовость». Можно не разделять критическое мнение о лаицизме, но «заключать из этого о разрыве с обществом слишком поспешно». Иначе даже «значительную часть немусульманского населения придется отнести к (мусульманским. – А. Г.) фундаменталистам» [56].

О некорректности подобных интерпретаций свидетельствует и отношение к *хиджабу*. «Вы имеете дело прежде всего с девочкой-подростком, а отнюдь не с опасной для общества религиозной фанатичкой», – объясняла учителям Ханифа Шерифи¹. А потому не следует устраивать гонения на «опасных мусульманок», лучше разъяснить девочкам, что «ношение платка просто не отвечает их интересам, ибо в дальнейшем будет препятствовать карьере» [7].

Новый лаицизм

Распространение в мусульманском сообществе исламизма и ужесточение режима лаицизма с начала XXI в. шли параллельно, взаимодействуя и питая друг друга. Попытка навязать лаицизм мусульманскому сообществу Франции, раскалывая самих французов, вызвала неприятие последнего и обернулась ростом влияния исламизма, что, в свою очередь, крайне встревожило французское

¹ Она занималась при Министерстве образования улаживанием подобных конфликтов.

общество. С закона 2004 г. о запрете *хиджаба*, по выражению Раффика Шекката, началась эпоха «нового лаицизма» [28].

Конечно, запреты мусульманской одежды нашли и продолжают находить многочисленных защитников, пытающихся доказать, что в них нет ничего враждебного исламу. Так, Ален Кристнахт, член Наблюдательной комиссии по соблюдению принципа лаицизма, признает, что запрет *бурка* «противоречит самому принципу *laïcité*», однако оправдывает авторов, поскольку они «преподнесли» его как меру общественной безопасности, поскольку одежда, закрывающая лицо, затрудняет полицейский контроль и видеонаблюдение [16, с. 5]. Иначе говоря, утверждение режима лаицизма стало превращаться в «секьюритизацию» проблемы ислама и мусульманского сообщества, которая стала рассматриваться сквозь призму национальной безопасности. Национальная идентичность слилась с национальной безопасностью, цивилизационное неприятие – с полицейскими процедурами, придавая секуляризации выраженную антиисламскую направленность. При этом провозглашенная Законом 1905 г. свобода совести и конкретно свобода отправления культа сменилась ограничением этой свободы. В контексте «нового лаицизма» системный принцип свободы совести низводится до «легитимации отторжения» верующих представителей мусульманского сообщества [40].

Сменились не просто акценты – с разрешения на запреты. Последние сводятся к контролю за социальным поведением и чем дальше, тем больше требуют устранения из него признаков религиозности. Совершенно не важным сделалось, приводят ли эти признаки к образованию мятежных сборищ, чего особенно боялись авторы Закона 1905 г.; ношение *бурка* само по себе воспринимается бунтарством.

Дело не просто в переходе к более жесткой трактовке законоположений 1905 г., которую отмечает в своем обзоре последнего законодательства К.Коше [29]. Правовой подход, как показывают авторитетные французские юристы, замещается идеологическим, а потому несоблюдение секулярных норм расценивается как проявление антигражданскости, и те, кто носит *бурка*, могут быть признаны «плохими гражданками» и вообще «негражданками». С 2010 по 2014 г. 700 женщин были привлечены к ответственности

за нарушение закона «антибурка» [39]. «Новый лаицизм» становился «все более репрессивным» [28].

Нетрудно констатировать, что в отношении политики лаицизма французский политический класс остается глубоко расколотым. Ультраправые, поддерживая эту политику и даже требуя ее ужесточения, таким способом, говоря словами историка международного революционного и рабочего движения Ж.-П.Скота, «маскируют свой антиарабский и антимусульманский расизм»; ультралевые отрицают лаицизм с позиций «культурного релятивизма», иначе говоря – самоценности различных культур. Для центристов, с позиции которых выступает Скот, лаицизм – необходимое звено в «диалектике освобождения», и они вспоминают Жореса, который еще в 1910 г. провозгласил, что нужно бороться за лаицизм, так же, как за социальный прогресс, ибо они нераздельны [55].

Раскол среди французской элиты дополнился расколом среди активной части мусульманского сообщества по отношению к принятию лаицизма. Попытка властей опереться на мусульманские организации и прежде всего на созданное по инициативе Саркози их объединение Французский совет мусульманского культа успехом не увенчалась. Причиной тому были не только внутренние разногласия, обусловленные различным толкованием вероучения и различием секуляризованности отдельных общин, сложившихся по этническому признаку. Главным, видимо, было то, о чем пишет М.Руае: «Трудно было добиться согласия, когда лаицизм воспринимается, как несправедливый диктат властей» [51].

Логикой борьбы с исламизмом в самом лаицизме реанимировались признаки воинствующей антирелигиозности, зародыши которой существовали в нем изначально. Характерная коллизия возникла в политическом курсе Э. Макрона. В отличие от Саркози действующий президент не собирался акцентировать тему интеграции мусульманского сообщества. Не случайно ему неизменно задавали вопрос о том, как он понимает лаицизм, не случайно он уклонялся от ответа. Многозначительно, что он в конце концов по примеру предшественника сделал акцент не на правах человека, а на обязанностях граждан: «Лаицизм в нашей Республике – это свобода верить или не верить. Но абсолютный долг¹ уважать законы

¹ У верующих «абсолютным долгом» считается только долг перед Богом.

Республики независимо от религии... Это... возможность для каждой и каждого исполнять ритуалы своей религии, *если* это не приводит к нарушению общественного порядка, *если* это не наносит урон уважению законов Республики (курсив мой. – А. Г.)» [50].

Были в заявлениях президента оговорки. Лаицизм – «оплот Республики», «сердце наших республиканских принципов»; нужно добиваться его повсеместного утверждения. «Но, – предостерегал Макрон, – нельзя превращать его в орудие борьбы с религией или средство отвоения территорий¹ (от исламизма – А. Г.)». Однако получилось именно так, как опасался президент. Попытка сосредоточиться на исламском сепаратизме, придав борьбе с ним сугубо политический характер и отделив ее от проблемы эмансипации мусульманского сообщества, успехом не увенчалась. В возникшей коллизии Макрон выдвинул весьма спорное положение о «строительстве» во Франции реформированного ислама, «ислама Просвещения» [50]. Даже убежденные сторонники лаицизма как средства решения проблемы «французского ислама» находили роль, отводимую государству в религиозной политике Макрона, чрезмерной. Не дело государства реформировать ислам!

Более широкую поддержку нашла сформулированная конкретным образом культурная программа. В центре ее оказалась школа, на которую приверженцы «усиленного лаицизма» (по выражению Макрона) возлагают большие надежды. Во-первых, государственная школа со времен Третьей республики стала цитаделью секуляризации, опорным пунктом утверждения режима лаицизма, Школа оказалась в эпицентре жесткого противостояния республиканцев с клерикально-монархической реакцией. Совершенно не случайно, что и при Пятой республике, в XXI в. французское учительство остается на переднем крае борьбы за лаицизм, да и первые запретительные меры против мусульманской одежды были инициированы учительством.

Не случайно и то, что исламисты, используя кстати соответствующую статью Закона 1905 г., форсировали развитие домашнего обучения в обход государственной школы. «Тысячи детей были лишены воспитания гражданственности, доступа к (французской. –

¹ Реплика Макрона адресована тем, кто доказывал, что пригороды Парижа и других крупных городов Франции «завоеваны исламистами» [57].

А .Г.) культуре, к нашей истории, к нашим ценностям, к пониманию различий (à l'expérience de l'altérité)», – возмущался президент Макрон. Необходимо «изменить парадигму», жестко ограничив домашнее образование [50]. С начала 2021 г. было регламентировано обязательное начальное обучение в государственной школе.

«Хотя государство не может вмешиваться в религиозные противоречия, – пишут приверженцы ортодоксального лаицизма, – оно может и должно продвигать республиканские ценности, а это опосредованно станет средством борьбы с исламизмом. В этом плане ведущая роль принадлежит школе, ибо именно молодежь оказалась наиболее затронута распространением этих радикальных идей». Приведя пример скандинавских протестантских стран, авторы доказывают, что и во Франции школа должна давать не только знания, но и формировать гражданина. Для этого она должна культивировать «мораль лаицизма». При этом на «уроках лаицизма» нельзя ограничиться только изложением теоретических принципов лаицизма, нужно добиваться, чтобы ученики усвоили их.

Сославшись на опыт анкетирования учащихся-мусульман, часть которых, усваивая современные научные знания, сохраняет убеждение в превосходстве ислама над наукой, эти авторы требуют от школы усвоить «культуру полемики», а от учителей – уметь «выслушивать учеников и обсуждать с ними аргументированным способом вопросы общественной жизни или морали» [30]. Пока, однако, подобное умение нередко замещается навязыванием своей точки зрения, вызывая активное неприятие учащихся из мусульманских семей, если затрагивает усвоенные в семье представления об этике и эстетике, а тем более религиозные чувства. Не случайно школа становится одним из избранных объектов поджогов и разрушений во время молодежных бунтов в пригородах. Характерны и теракты, поводом для которых становилась бесцеремонность некоторых поборников навязывания «морали лаицизма» учащимся из мусульманских семей.

На этой почве произошли и кровавые акты 2015 г., поводом к которым для джихадистов сделались карикатуры на Пророка, чем занималась редакция сатирического журнала. Так, обнажается порочный круг: «джихадисты и лаицисты становятся взаимно дополняющими антиподами (*ennemis complémentaires*), усиливая друг друга своей взаимной ненавистью» [22]. Можно ли, вместе с

автором этой печальной констатации, надеяться, что в противоборстве радикального исламизма и фундаментального лаицизма за мусульманское сообщество Франции восторжествует в конечном итоге «разум и здравый смысл» [47]? Вопрос, на который пока не находится ответа.

Список литературы

1. Гордон А.В. Историческая традиция Франции. – Москва : Контент-Пресс, 2013. – 368 с.
2. Гордон А.В. Социальная аномия иммигрантских кварталов во Франции // Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 3. – С. 5–28.
3. Документы истории Великой французской революции. – Москва : Изд-во МГУ, 1990. – Т. 1. – 528 с.
4. Долгов Б.В. Арабо-мусульманское сообщество во Франции: исламская идентификация и светская демократия (1980–2016 годы). – Москва : Ленанд, 2017. – 160 с.
5. Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / сост. А.А. Златопольская. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2005. – 832 с.
6. Занин С.В. Гражданская религия Руссо // Французский ежегодник. – 2004. – С. 181–206.
7. Калмыков М. Французские учителя объявили забастовку из-за того, что девочки из мусульманских семей ходят в школу в платках // ИТАР-ТАСС («Вести с пяти континентов»). – 1999. – 11 января.
8. Лапина Н.Ю. «Исламский фактор» и общественно-политическая дискуссия по вопросам иммиграции в современной Франции // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 10. – С. 81–89.
9. Лапина Н.Ю. Эрик Земмур: человек, взорвавший политическое пространство // Актуальные проблемы Европы. – 2023. – № 4. – С. 130–154.
10. Любарт М.К. Национальная идентичность и миграционный фактор в современной Франции // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 3. – С. 26–48.
11. Новоженова И.С. Дискуссия о национальной идентичности во Франции // Актуальные проблемы Европы. – 2010. – № 4. – С. 114–144.
12. Обичкина Е.О. Франция на рубеже XX–XXI веков: кризис идентичности. – Москва : МГИМО-Университет, 2003. – 137 с.
13. Олейник В.И. Политический ислам в светском государстве: проблемы радикализации : на материалах Западной Европы : диссертация на соискание уч. степени канд. политич. наук. – Краснодар, 2017. – 192 с.
14. Осипов Е.А. Умеренный ислам во Франции как перспектива выхода из кризиса идентичности // Новая и новейшая история. – 2019. – № 5. – С. 156–165.

15. Петрашкова Н.С. Трансформация общественного сознания во Франции в вопросе национальной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2013. – № 1. – С. 198–207.
16. Религии и радикализм в постсекулярном мире / ред. Е.И. Филипповой, Ж. Радвани. – Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН : Горячая линия – Телеком, 2017. – 326 с.
17. Сафонова Н.В. Исламский фактор в общественно-политической жизни Франции (2005–2021) : дисс. на соискание уч. степени кандидата исторических наук. – Москва : РГГУ, 2023. – 271 с.
18. Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / под ред. Е.И. Филипповой, К. Ле Торривеллека. – Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН : Горячая линия – Телеком, 2018. – 344 с.
19. Токвиль А. Старый порядок и революция. – Изд. 8-е. – Челябинск : Социум, 2020. – 374 с.
20. Чернега В.Н. Франция: кризис политики интеграции мигрантов // Актуальные проблемы Европы. – 2016. – № 4. – С. 140–156.
21. Шмелева Н.В. Иммиграционная политика Франции в 2000-е годы: побуждение и принуждение к интеграции // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2. – С. 135–140.
22. Bayart J.-F. Les fondamentalistes de l'identité. Laïcisme versus djihadisme. – Paris : Karthala, 2016. – 104 p.
23. Bonal C., Équy L. L'identité nationale selon Sarkozy // Liberation. – 2009. – 2 novembre. – URL : https://www.liberation.fr/france/2009/11/02/l-identite-nationale-selon-sarkozy_591481/ (дата обращения : 31.01.2024).
24. Canto-Sperber M., Ricœur P. Une laïcité d'exclusion est le meilleur ennemi de l'égalité // Le Monde. – 2003 – 10 décembre. – URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/2003/12/10/une-laicite-d-exclusion-est-le-meilleur-ennemi-de-l-egalite-par-monique-canto-sperber-et-paul-ric-ur_345441_1819218.html (дата обращения : 21.01.2024).
25. Castel R. La discrimination négative : le déficit de citoyenneté des jeunes de banlieue // Annales. Histoire, Sciences Sociales. – 2006. – A. 61, N 4. – P. 777–808.
26. Castel R. La discrimination négative. Citoyens ou indigènes. – Paris : Le Seuil, 2007. – 129 p.
27. Charte de la diversité. – URL: Charte de la diversité | Charte de la diversité (charte-diversite.com) (дата обращения : 31.01.2024).
28. Chekkat R. Une «nouvelle laïcité» toujours plus répressive // Orient XXI. – 2023. – 31 août. – URL : <https://orientxxi.info/magazine/abaya-interdite-a-l-ecole-ou-l-extension-d-une-laicite-repressive,6676> (дата обращения : 31.01.2024).
29. Cochet C. La laïcité et le vivre ensemble en République française // Revue du droit des religions. – 2023 – N 15. – P. 127–144.

30. Cohen E., Galland O., Grunberg G. Réflexions sur le rapport El Karoui. – Telos, 2018. – 11 octobre. – URL : <https://www.telos-eu.com/fr/societe/reflexions-sur-le-rapport-el-karoui.html> (дата обращения : 31.01.2024).
31. Constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789. – 7-me éd. – Paris : L.G.D.J., 1952. – LXXVI, 708 p.
32. Différence culturelle: Une reformulation des débats. Colloque de Cerisy. – Paris : Balland, 2001. – 477 p.
33. Discours de Nicolas Sarkozy au Palais du Latran le 20 décembre 2007 // Le Monde. – 2007. – 21 décembre. – URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2007/12/21/discours-du-president-de-la-republique-dans-la-salle-de-la-signature-du-palais-du-latran_992170_823448.html (дата обращения : 31.01.2024).
34. El Karoui H. Un islam français est possible. Rapport. – Paris : Institut Montaigne, 2016. – Septembre. – 133 p.
35. El Karoui H. La fabrique de l'islamisme. Rapport. – Paris : Institut Montaigne, 2018. – Septembre. – 615 p.
36. El Karoui: "Le salafisme est une idéologie, et une idéologie, on la combat". – URL : https://www.lexpress.fr/idees-et-debats/el-karoui-le-salafisme-est-une-ideologie-et-une-ideologie-on-la-combat_2135611.html (дата обращения : 22.01.2024).
37. Emmanuel Macron à Mulhouse pour s'engager contre "le séparatisme islamiste" // Ouest-France. – 2020. – 18 février. – URL : <https://www.ouest-france.fr/politique/emmanuel-macron/emmanuel-macron-mulhouse-pour-s-engager-contre-le-separatisme-islamiste-6741461> (дата обращения : 22.01.2024).
38. Étienne B. L'islamisme comme idéologie et comme force politique // Cités. – 2003. – Vol. 14, N 2. – P. 45–55.
39. Faure S. "La présence de la religion est désormais jugée insupportable" // Liberation. – 2014. – 28 novembre. – URL : https://www.liberation.fr/societe/2014/11/28/la-presence-de-la-religion-est-desormais-jugee-insupportable_1152826/ (дата обращения : 22.01.2024).
40. Fetouh M. La laïcité : d'un principe cohésif à une légitimation du rejet // Cahiers de la LCD. – 2017. – Vol. 1, N 3. – P. 45–58.
41. Garrigues J.-M. Discours du Latran, une leçon de magnanimité politique // Le Figaro. – 2008. – 5 janvier. – <https://www.lefigaro.fr/debats/2008/01/05/01005-20080105ARTFIG00013-discours-du-latran-une-lecon-de-magnaninite-politique-.php> (дата обращения : 22.01.2024).
42. Gèze F. Les intégristes de la République et les émeutes de novembre // Mouvements. – 2006. – N 44. – P. 88–100.
43. Guénois J.-M. Sarkozy met en garde l'UOIF contre la dérive islamiste // Le Figaro. – 2012. – 3 avril. – URL : <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/2012/04/03/01016-20120403ARTFIG00761-sarkozy-met-en-garde-l-uoif-contre-la-derive-islamiste.php> (дата обращения : 25.01.2024).
44. Helaiss A. Vu de Riyad. Le «problème musulman» en France // Orient XXI. – 2020. – 5 novembre. – URL : <https://orientxxi.info/magazine/vu-de-riyad-le-probleme-musulman-en-france,4266> (дата обращения : 25.01.2024).
45. Identités religieuses en Europe. – Paris : La Découverte, 1996. – 336 p.

46. Jeudy B. Sarkozy : la gauche a «peur» de l'identité nationale. Par Bruno Jeudy – Envoyé spécial à La Chapelle-en-Vercors (Drôme) // Le Figaro. – 2009. – 13 novembre. – URL : <https://www.lefigaro.fr/politique/2009/11/13/01002-20091113ARTFIG00008-sarkozy-la-gauche-a-peur-de-l-identite-nationale.php>
47. Livre: “Les fondamentalistes de l'identité” par Jean-François Bayart. – URL : <https://www.graduateinstitute.ch/communications/news/livre-les-fondamentalistes-de-lidentite-par-jean-francois-bayart> (дата обращения : 25.01.2024).
48. Lutte contre les séparatismes le verbatim intégral du discours d'Emmanuel Macron // Le Figaro. – 2020. – 10 février. – URL : <https://www.lefigaro.fr/politique/lutte-contre-les-separatismes-le-verbatim-integral-du-discours-d-emmanuel-macron-20201002> (дата обращения : 25.01.2024).
49. Melenchon J.-L. Réplique au discours de Nicolas Sarkozy, chanoine de Latran. – Paris : Amazon.co.uk : Books, 2008. – 80 p.
50. Protéger les libertés en luttant contre le séparatisme islamiste : conférence de presse du Président Emmanuel Macron à Mulhouse // Elysee. – 2020. – 18.02. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/18/protoger-les-libertes-en-luttant-contre-le-separatisme-islamiste-conference-de-presse-du-president-emmanuel-macron-a-mulhouse> (дата обращения : 25.01.2024).
51. Royer M. Laïcité : désamorcer les identités de combat. Article publié le 20 octobre 2023. – URL : <https://www.cahiers-pedagogiques.com/laicite-desamorcer-les-identites-de-combat/> (дата обращения : 25.01.2024).
52. Sarkozy N. La République, les religions, l'espérance. – Paris : Ed. du Cerf, 2004. – 208 p.
53. Schemla E. Rapport El Karoui : la frontière entre islam et islamisme est plus poreuse qu'on ne le disait // Le Figaro. – 2016. – 22 septembre. – URL : <https://www.lefigaro.fr/vox/societe/2016/09/22/31003-20160922ARTFIG00309-rapport-el-karoui-la-frontiere-entre-islam-et-islamisme-est-plus-poreuse-qu-on-ne-le-disait.php> (дата обращения : 25.01.2024).
54. Schnapper D. Par delà de burka : les politiques d'intergration // Etudes. – 2010. – Vol. 413, N 11. – P. 461–472.
55. Scot J.-P. Laïcité : confusions, dérives et impostures // La Pensée. – 2015. – Vol. 3, N° 383. – P. 13–26. – URL : <https://www.cairn.info/revue-la-pensee-2015-3-page-13.htm> (дата обращения : 25.01.2024).
56. Simon P. La fabrique du coupable musulman. – URL : <https://aoc.media/analyse/2018/06/15/fabrique-coupable-musulman/> (дата обращения : 25.01.2024).
57. Territoires conquis de l'islamisme / B. Rougier (dir.). – Paris : Presses universitaires de France, 2020. – 360 p.
58. Weil P. La République et sa diversité: Immigration, integration, discriminations. – Paris : Seuil, 2005. – 111 p.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

ЗАКИРОВА М.Х.* ТУРКЕСТАНСКИЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ КАК ФАКТОР ИМПЕРСКОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIX–XX вв.

Аннотация. В статье на основе архивных материалов, отложившихся в Российском государственном военно-историческом архиве, Отделе письменных источников Государственного исторического музея и Фонде письменных источников Политехнического музея, рассматривается имперская экономическая политика России в Центральной Азии через призму туркестанских промышленных и сельскохозяйственных выставок, проводившихся в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. В статье представлены: Московская политехническая выставка 1872 г.; Туркестанская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в Ташкенте 1890 г.; Среднеазиатская выставка в Москве 1891 г.; XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем-Новгороде 1896 г.; Выставка сельского хозяйства и промышленности в Хабаровске и Чите 1899 г. и XXV юбилейная Туркестанская сельскохозяйственная, промышленная и научная выставка 1909 г. Автор приходит к выводу, что туркестанские промышленные и сельскохозяйственные выставки способствовали притоку российских промышленников в Центральную Азию. Кроме того, выставки отражали не только достижения в области промышленности, сельского хозяйства и науки, в основе выставок были также заложены высокохудожественные идеи, для организации которых помимо ученых и общественных деятелей привлекались архитекто-

* © Закирова Маргарита Хайдаровна – научный сотрудник Отдела истории техники и технических наук Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

ры, художники и писатели. Таким образом, просматривается ориенталистический дискурс в отношении восприятия российской общественностью материальной и духовной культуры народов Центральной Азии через призму промышленных выставок конца XIX – начала XX в., которые в своей основе помимо сугубо практического характера также имели общекультурное значение.

Ключевые слова: Туркестанский край; Российская империя; выставки; экономика; промышленность.

ZAKIROVA M.Kh. Turkestan Industrial and Agricultural Exhibitions as a Factor of Imperial Russian Policy in Central Asia in the XIX–XX Centuries

Abstract. The article, based on archival materials deposited in the Russian State Military Historical Archive, the Department of Written Sources of the State Historical Museum and the Fund of Written Sources of the Polytechnic Museum, examines the imperial economic policy of Russia in Central Asia through the prism of the Turkestan industrial and agricultural exhibitions held in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries. The article presents: Moscow Polytechnic Exhibition in 1872; Turkestan Exhibition of Agricultural and Industrial Items in Tashkent in 1890; Central Asian Exhibition in Moscow in 1891; XVI All-Russian Industrial and Art Exhibition in Nizhny-Novgorod in 1896; Exhibition of Agriculture and Industry in Khabarovsk and Chita in 1899 and XXV Anniversary Turkestan Agricultural, Industrial and Scientific Exhibition in 1909. The author concludes that the Turkestan industrial and agricultural exhibitions contributed to the influx of Russian industrialists to Central Asia. Moreover, the exhibitions reflected not only the achievements in the field of industry, agriculture and science, the exhibitions were also based on highly artistic ideas, for the organization of which architects, artists and writers were involved in addition to scientists and public figures. Thus, we can see the Orientalist discourse regarding the Russian public's perception of the material and spiritual culture of the peoples of Central Asia through the prism of industrial exhibitions of the late 19th – early 20th centuries, which, in addition to their purely practical nature, also had a general cultural significance.

Keywords: Turkestan region; Russian Empire; exhibitions; economy; industry

Для цитирования: Закирова М.Х. Туркестанские промышленные и сельскохозяйственные выставки как фактор имперской российской политики в Центральной Азии в XIX–XX вв. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 2. – С. 60–82. – DOI: 10.31249/RVA/2024.02.04

Туркестанский край в конце XIX – начале XX вв. с развитием судоходства, строительством железнодорожной трассы и обеспечением внутренней безопасности туркестанской администрацией становится привлекательным регионом для развития экономики. Однако вливание российского капитала в экономику Туркестанского края шло медленно, что было связано с плохой информированностью российской общественности с результатами научных исследований, а также достижениями промышленной и сельскохозяйственной деятельности в Туркестанском крае. Для привлечения промышленников в Туркестанский край российским правительством организовывались промышленные и сельскохозяйственные выставки, на которых демонстрировались различные виды промышленной и сельскохозяйственной деятельности, существовавшие в Центральной Азии. Впервые подобная практика была осуществлена в 1872 г., когда на Московской политехнической выставке были представлены кустарные промыслы и сельское хозяйство Туркестанского края. В 1890 г. в честь 25-летия со дня утверждения имперской власти в Ташкенте прошли Туркестанская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в Ташкенте и в 1891 г. Среднеазиатская выставка в Москве. Данные мероприятия совпадали с открытием Закаспийской железной дороги, строительство которой непосредственно влияло на развитие торговых отношений в Туркестанском крае. Туркестанской администрацией были представлены Среднеазиатские отделы также на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем-Новгороде в 1896 г. и передвижной Выставке сельского хозяйства и промышленности в Хабаровске и Чите в 1899 г. Итоги развития российской экономики в Туркестанском крае с 1865 по 1909 гг. демонстрирует XXV юбилейная Туркестанская сельскохозяйственная, промышленная и научная выставка 1909 г.

В историографии проблема туркестанских промышленных и сельскохозяйственных выставок кратко освещалась в исследованиях: А.А. Азатьяна [1], Г.Н. Чаброва [2], В.А. Прищеповой [3],

С.М. Горшениной [4], А.А. Комоловой и И.С. Пармузиной [5]. Среди советских изданий следует выделить труды Научно-исследовательского института культуры «Очерки истории музейного дела в СССР», всего было опубликовано семь выпусков с 1957–1971 гг., в которых есть публикации, посвященные истории все-российских промышленных и сельскохозяйственных выставок в России в XIX–XX вв. [6]. Особого внимания заслуживает много-томное издание «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» и, в частности, десятый том «Культурное наследие Узбекистана в музеях Москвы», в котором представлены сведения о среднеазиатских коллекциях Государственного исторического музея и Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства [7]. Отдельно воспоминания участников выставок и фотографии с туркестанских промышленных и сельскохозяйственных выставок XIX–XX вв. периодически публикуются на страницах художественного исторического альманаха «Письма о Ташкенте» [8].

В современной историографии проблема организации туркестанских выставок и их значение в имперской российской политике не рассматривалась. Таким образом, представляется необходимым осветить историю организации наиболее значимых туркестанских промышленных и сельскохозяйственных выставок в контексте российской имперской экономической политики в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв. Базой исследования послужили архивные источники отложившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, Отделе письменных источников Государственного исторического музея, Фонде письменных источников Политехнического музея и опубликованные работы конца XIX – начала XX в., в числе которых следует выделить: Н.А. Маева [9], В.Э. Иверсона [10], М.И. Бродовского [11], В.Ф. Миллера [12] и А.И. Добросмыслова [13]. Отдельного внимания заслуживает сборник «Русский Туркестан» подготовленный к Московской политехнической выставке 1872 г. [14] К каждой выставке также публиковались каталоги, путеводители, программы и доклады. Кроме того, в работе были использованы материалы периодических изданий – «Туркестанские ведомости», «Московские ведомости» и «Вестник Туркестанской сельскохозяйственной промышленной и научной выставки», содержащие сведения о туркестанских про-

мышленных и сельскохозяйственных выставках в конце XIX – начале XX в.

Московская политехническая выставка 1872 г.

В 1872 г. на политехнической выставке, организованной Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАиЭ) в честь 200-летнего юбилея Петра Великого, проходившей в Москве с 30 мая по 1 сентября, наряду с павильонами, демонстрирующими достижения в области науки и техники Российской империи одним из необычных павильонов являлся Туркестанский отдел [15].

Оргкомитет политехнической выставки преследовал несколько задач: во-первых, ознакомить русское общество с естествознанием как с научной, так и с практической стороны. Во-вторых, продемонстрировать научные труды и учебные пособия. В-третьих, показать наглядную картину состояния ремесел и промыслов в Российской империи и на ее окраинах. И, в-четвертых, ознакомить русских фабрикантов, промышленников и мастеровых с более усовершенствованными машинами, аппаратами и инструментами, как с русскими, так и с иностранными, назначенными для различных технических производств и сельского хозяйства. В целом, оргкомитету было важно показать гостям выставки собрание естественно-научных коллекций и различные виды ремесел и направления в промышленности [16, л. 2]. Особое внимание на выставке приобрели такие виды промыслов, как: садоводство и огородничество; виноделие; табаководство; шелководство; пчеловодство; рыболовство; птицеводство; охота за зверями и птицами; а также разные виды производств, основанные на ручном труде. Министр внутренних дел генерал-адъютант А.Е. Тимашев отмечал, что необходимо продемонстрировать промышленникам и в целом посетителям какие «именно производства, утвердившиеся, в известной местности, могли быть перенесены с выгодой для населения и в другие местности, представляющие благоприятные условия для их развития. Таким образом, вызванное политехнической выставкой изучение этих производств и собрание самих изделий может иметь благоприятные результаты для экономического развития населения [Российской] империи ...» [16, л. 2об].

В отношении Туркестанского края, в конце 1871 г. туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман обратился к президенту ИОЛЕАиЭ, профессору геологии и минералогии Московского университета Г.Е. Щуровскому с просьбой включить в комиссию по содействию организации Туркестанского отдела политехнической выставки географа и исследователя Памира и Центральной Азии А.П. Федченко. К.П. фон Кауфман отмечал, что «...желал бы, чтобы в состав этой комиссии вошел г. Федченко, близко знакомый как с положением Туркестанского отдела, так и с предположениями здешнего комитета относительно устройства помещения» [17, с. 153–154]. Рабочую группу по организации Туркестанского отдела политехнической выставки возглавил А.П. Федченко, в целом в группу по разработке Туркестанского отдела политехнической выставки входили: Г.Е. Щуровский, В.Ф. Ошанин, А.П. Богданов, П.С. Овсянников, Д.Л. Иванов, И.И. Краузе и М.И. Бродовский [1, с. 105].

Выставочное пространство Туркестанского отдела занимало место в специально отстроенном павильоне в Кремлевском саду. Фасад павильона был расписан по эскизам Д.Л. Иванова в стиле самаркандских мозаик по мотивам росписи медресе Шердор, датируемой XVII в. По воспоминаниям натуралиста В.Э. Иверсена, павильон Туркестанского отдела своим видом сразу переносил в Центральную Азию [10, с. 507].

Туркестанский отдел политехнической выставки включал: географический, естественно-исторический, сельскохозяйственный, технический, этнографический и военный отделы. В формировании экспозиций следует выделить научную деятельность ИОЛЕАиЭ и ИРГО. По линии научных обществ проводились экспедиции в Центральной Азии, итоги которых могли стать основой для создания Туркестанского отдела политехнической выставки. Комплектование павильона экспонатами осуществлялось, в основном, за счет коллекций собранных А.П. Федченко в период его экспедиций по Туркестанскому краю между 1869 и 1871 гг. [18]. Так, устройством естественно-исторического отделения заведовал А.П. Федченко. Им были представлены снопы кормовых трав придарьинских лугов (между Чардарой и Байракумом); О.А. Федченко был собран гербарий растений Туркестанского края. Кроме того, на политехнической выставке были представлены собранные

А.П. Федченко в период его экспедиций скелеты, черепа и шкуры животных [19, л. 32].

В минерально-геологической секции инженером Н.Г. Майером был представлен уголь с Актаксыбулакского каменноугольного месторождения в Каратаусском хребте. Зоологическая секция представляла коллекции, собранные экспедицией под руководством зоолога Н.А. Северцова, им были привезены экспонаты птиц степной и горной фауны, в числе которых была ворона редкой разновидности, обитающей исключительно в пустыне Кызылкум. Коллекция полужесткокрылых была представлена энтомологом В.Ф. Ошаниным [20, с. VII]. В.Э. Иверсен, ознакомившись с политехнической выставкой отмечал, что Туркестанский край богат железной, медной и свинцовой рудами, бирюзой, каменной солью, графитом, каменным углем и торфом [10, с. 507–525]. Среди представленных предметов также следует выделить пейзажи Туркестанского края, представленные А.К. Саврасовым, О.А. Федченко и Д.В. Ивановым [20, с. VI].

Высокая оценка художественной отделки и внутреннего убранства павильона Туркестанского отдела была дана в газете «Московские ведомости». Так, в статье отмечалось, что внутри павильона располагался небольшой дворик, в центре которого был разбит цветник с растениями, характерными для Центральной Азии. В средней части размещался восточный базар и различные базарные сцены, украшенные фигурами 40 манекенов и чучел животных. Среди бытовых сцен особенно выделялись странствующие монахи; киргиз на быке, ведущий двух верблюдов, навьюченных мешками; сарт и сартянка на осле. На базаре было размещено шесть лавок: лавка цирюльника, лавка с посудой, чайная, лавка вышивальщика, лавка с местной одеждой и «мелочная» лавка с различным восточным товаром от сладостей до изделий из дерева и кожи. Кроме того, так как в Центральной Азии лавки часто совмещали с мастерской, и чтобы в полной мере передать восточный колорит на выставке при лавках также были мастера, готовые продемонстрировать размотку шелка, изготовление тканей и вышивание. После базара размещался этнографический отдел, где были представлены манекены различных типов центральноазиатских народов.

В левой части павильона были представлены географический, естественно-исторический, сельскохозяйственный, технический и военный отделы. В статье подчеркивалось, что внимание гостей выставки привлекал сельскохозяйственный и технический разделы, где размещался туркестанский хлопок и виды производства хлопковой нитки и ткани. Интересным также являлся стенд, на котором были представлены экземпляры различных сортов шелка [21].

К открытию Туркестанского отдела политехнической выставки также был выпущен трехтомный сборник «Русский Туркестан» под редакцией писателя и редактора газеты «Туркестанские ведомости» Н.А. Маева. При содействии А.П. Федченко для создания сборника были привлечены копии документов, относящихся к военным донесениям российских военных, в частности: донесение генерала В.А. Перовского о движении отряда под Хиву в 1839 г., донесение о взятии Ак-Мечети (форт Перовского); донесение о занятии крепости Джулек 16 мая 1861 г. и краткое указание всех боевых действий на Сырдарьинской линии до 1860 г., которые ранее не были известны широкой общественности [22, л. 1, 1об]. Таким образом, Туркестанский отдел политехнической выставки имел важное стратегическое значение, так как демонстрировал достижения российских военных, ученых и промышленников в Туркестанском крае, что впоследствии способствовало еще большему притоку российских промышленников и купцов в Центральную Азию. Следует отметить, что в 1873 г. после успеха Туркестанского края на Московской политехнической выставке 1872 г. экспонаты Туркестанского отдела Политехнического музея¹ также

¹ Туркестанский отдел Политехнического музея состоял из коллекций, предоставленных А.П. Федченко в период его экспедиций по Туркестанскому краю с 1869 по 1871 г. Впоследствии, уже в 1876 г. Туркестанский отдел пополнился экспонатами, предоставленными К.П. фон Кауфманом, и в 1879 г. некоторые экспонаты из Центральной Азии были предоставлены генерал-адъютантом Н.О. Розенбахом. В период с 1880–1881 гг. в Туркестанский отдел от К.В. Струве поступили предметы из Токио, и в 1885 г. коллекция пополнилась этнографическими материалами по крымским татарам, собранные этнографом и директором Туркестанского отдела Политехнического музея В.Ф. Миллером. В 1887 г. в Политехнический музей Н.И. Лыжиным были переданы коллекции кустарных изделий из Индии. Кроме того, после Среднеазиатской выставки в Москве в 1891 г. часть естественно-научной коллекции была передана Политехническому музею.

были представлены на Всемирной выставке в Вене, расположенные в северной галерее Русского отдела Всемирной выставки [23, с. 179].

Туркестанская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в Ташкенте 1890 г.

Следующая туркестанская выставка была организована в 1890 г. в честь 25-летия со дня установления российского контроля над городом Ташкент (16 июня 1865 г.), демонстрирующая как естественно-научные знания, полученные исследователями, так и отметившая успехи российских промышленников в Туркестанском крае [24, л. 39]. Следует отметить, что до организации сельскохозяйственной и промышленной выставки 1890 г. в Туркестанском крае были организованы две промышленные и сельскохозяйственные выставки. Первая сельскохозяйственная и промышленная выставка состоялась в 1878 г., и вторая кустарно-промышленная выставка была организована в 1886 г. одновременно с выставкой плодов и овощей, организованной местным отделом Императорского общества садоводства [25]. Первоначально прошедшая выставка 1890 г., по предположению генерал-адъютанта Н.О. Розенбаха, должна была состояться в 1888 г.¹ Но официальный приказ о назначении комитета по устройству Туркестанской сельскохозяйственной и промышленной выставки был принят 15 сентября 1889 г. [9, с. 4–5]. Организационным комитетом по устройству выставки 1890 г. подчеркивалась необходимость сделать данное мероприя-

В 1896 г. за счет Всероссийской выставки в Нижнем-Новгороде 1896 г. Туркестанский отдел пополнился дендрологической коллекцией. В 1897 г. по решению Комитета Политехнического музея часть экспонатов из коллекции Туркестанского отдела, в том числе предметы, относящиеся к Индии, Китаю и Японии, были переданы в Румянцевский этнографический музей, а часть по Центральной Азии осталась в Политехническом музее. Однако дальнейшая судьба экспонатов Туркестанского отдела Политехнического музея нам не известна. См.: Миллер В.Ф. Краткая историческая записка об Отделах Туркестанском и Промышленности окраин России в Музее // Двадцатипятилетие Музея прикладных знаний в Москве. 30 ноября 1872 г. – 30 ноября 1897 г. – Москва, 1898. – С. 55–56.

¹ Причиной переноса даты открытия выставки являлись Верненское землетрясение в Семиреченской области 1887 г. и продолжавшиеся землетрясения в Туркестанском крае в 1888 г.

тие систематическим, так как подобные сельскохозяйственные и промышленные выставки способствовали знакомству российской общественности с природными ресурсами, ремеслами и видами промышленности в Центральной Азии. В частности, предстоящее открытие Закаспийской железной дороги дало бы новый толчок для развития промышленности в Туркестанском крае, в связи с чем организация подобной выставки была перспективной в плане привлечения российских промышленников в Центрально-Азиатский регион.

Под председательством военного губернатора Сырдарьинской области генерал-майора Н.И. Гродекова была создана особая комиссия по организации Туркестанской сельскохозяйственной и промышленной выставки, которая была открыта в Ташкенте 30 августа 1890 г. Особой комиссией была подготовлена программа выставки и утвержден бюджет на организацию предстоящего мероприятия [26, л. 8–21]. Расходы на организацию выставки составили 27 295 руб. [26, л. 6].

Проект сельскохозяйственной и промышленной выставки был спроектирован инженером Е.П. Дубравиным. Павильоны были устроены в Ташкентском городском саду, оформленном по проекту садовника П.Л. Гребера. С 1889 г. контроль за данным проектом осуществлялся почетным членом Туркестанского отдела Российского Императорского общества садоводства Н.Н. Касьяновым [9, с. 7]. При устройстве Туркестанской выставки 1890 г. в числе различных сооружений в Ташкентском городском саду была установлена статуя солдата, водружающего русское знамя на развалине крепостной стены [26, л. 24].

На выставки были представлены отделы по добывающей и обрабатывающей промышленности, а также труды по естественно-научным исследованиям, проводимым российскими учеными в Центральной Азии. Так, отдел садоводства демонстрировал садовую культуру Туркестанского края. Отдел охоты и рыболовства представил посетителям виды животных, рыб и в том числе орудия охоты и ловли. Отдел горной промышленности включал различные минералы и виды их обработки, в том числе золото, свинец, серебро, уголь, нефть и селитру с различных месторождений Центральной Азии. В отделе хлопководства и шелководства были представлены различные сорта хлопка и шелка, технологии обра-

ботки и виды готовой продукции [9, с. 110, 121]. Сельскохозяйственным отделом и отделом скотоводства и коневодства также были представлены различные виды полеводства и животноводства [9, с. 137–162]. Особое значение на выставке имел железнодорожный павильон, так как строительство железной дороги в Центральной Азии являлось одним из крупных и дорогостоящих проектов, осуществление которого непосредственно влияло на экономику региона, в основном экспортировали хлопок, пшеницу, кожи и фрукты, ковры, краски, шелк, шерсть, табак и сало [9, с. 18, 35, 48, 62, 74, 83–86].

Отдел научных трудов представил работы ученых, среди которых следует выделить исследования П.П. Семенова, В.Ф. Ошанина, Н.А. Северцова, А.П. Федченко, Г.Д. Романовского и И.В. Мушкетова. В том числе были продемонстрированы карты, научные пособия и заметки путешественников и исследователей. Отдельного внимания заслуживает военно-исторический отдел, в котором были представлены книги, карты, оружие и предметы искусства, отражающие исторические периоды взаимоотношений Российской империи с центральноазиатскими ханствами.

Промышленная выставка 1890 г. действительно имела важное значение в развитии экономики Туркестанского края. Так, в 1898 г. общим собранием Туркестанского сельскохозяйственного и Туркестанского технического обществ отмечалось, что в период выставки 1890 г. «... шли оживленные сделки по покупке огромных партий мануфактуры, и многие фирмы, не имевшие дел в Средней Азии, завязали с ней прочные отношения. Местное сырье, появившись на выставке [1890], привлекло к себе внимание тех фабрикантов, которые не рискнули, ... посетить Ташкент, и с этого времени началась оживленная торговля кожами и шерстью» [27, л. 3–4]. В отношении транспортировки грузов общим собранием также подчеркивалось, что «различные сорта винограда и других фруктов, представленные в отделе садоводства, не могли появиться на рынках [Российской] империи, так как их разделял трудный колесный путь. Высокое качество древесины ореха и его наплывов, привлекая внимание промышленников, удерживало последних от решительных шагов, так как для того, чтобы доставить товар, его необходимо вывезти из гор и сотни верст тащить гужом по стране, где не хватает перевозочных средств для транспортировки

продуктов. Горный отдел, образцами богатых содержанием руд яркими штрихами рисовал картину выгод металлургических мероприятий, но он также сталкивался с вопросом о транспортировке» [27, л. 4–6]. Общим собранием также подчеркивалось, что с открытием в 1901 г. Закаспийской железной дороги данный вопрос был решен, так как согласно данным экономического развития в Туркестанском крае в период с 1890 по 1898 г. показатели торгового оборота стали выше.

Таблица

Экономическое развитие Туркестанского края до 1890 г. и после открытия Закаспийской железной дороги с 1890 по 1898 гг. [27, л. 3–6]¹

Город	Торговый оборот до 1890 г. в руб.	Торговый оборот 1890–1898 гг. в руб.
Ташкент	85 000 000	120 000 000
Андижан, Коканд, Маргелан, Наманган	65 000 000	145 000 000

Данная таблица позволяет отметить значительный рост торгового оборота в Туркестанском крае с 1890 г. Однако объяснить подъем экономического потенциала в Центральной Азии в конце XIX – начале XX в., можно с различных позиций: во-первых, возведение железной дороги, что сократило расходы на транспортировку грузов; во-вторых, организация туркестанской администрацией безопасности, так как Туркестанский край находился на военном положении, и в первые годы развитие экономики было проблематичным в связи с возможными рисками на фоне нестабильного положения в регионе; в-третьих, благодаря проводимым исследованиям появились новые естественно-научные сведения о Центральной Азии, так как прежде чем вкладывать финансовые и материальные ресурсы было необходимо понять, насколько те или иные проекты могли быть успешными; в-четвертых, промышленникам и торговцам предоставлялись различные льготы; в-пятых, следует выделить промышленные и сельскохозяйственные вы-

¹ В источнике не указано, с какой даты начался подсчет прибыли в Туркестанском крае до 1890 г., можно предположить, что счет вели с основания Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г.

ставки, которые по своей сути являлись площадками для знакомства промышленников с результатами научно-исследовательской деятельности ученых и перспективными направлениями в промышленности и сельском хозяйстве, существовавшими в Центральной Азии. Таким образом, необходимо отдельно выделить роль Туркестанской выставки предметов сельского хозяйства и промышленности 1890 г. в развитии экономики, совпавшей с открытием Закаспийской железной дороги, так как именно с этого периода началось планомерное развитие промышленности и сельского хозяйства в Туркестанском крае.

Среднеазиатская выставка в Москве 1891 г.

С успехом Туркестанской выставки предметов сельского хозяйства и промышленности 1890 г. уже в следующем году по инициативе московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова и начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина в Москве была открыта Среднеазиатская выставка, которая продолжалась с 11 мая по 18 ноября. Задачей комитета по устройству Среднеазиатской выставки являлась ознакомить московское общество как с естественными богатствами Центральной Азии, так и с имеющимися ремеслами и видами промышленности в Закаспийской области [28, л. 1, 18–26]. В докладе к общему собранию учредителей Среднеазиатской выставки подчеркивалось, что выставка послужит «ознакомлению местного и русского общества с естественными богатствами Средней Азии, предметами привоза и вывоза и бытовыми особенностями русских владений в Средней Азии смежных ханств, а также Персии» [29, с. 3].

Комитет по устройству Среднеазиатской выставки в Москве возглавил историк и филолог А.А. Майков, состоявший в должности гофмейстера Высочайшего двора. Павильон Среднеазиатской выставки размещался в 20 залах второго этажа Императорского Всероссийского исторического музея. Кроме того, комитетом Среднеазиатской выставки в аудитории музея было устроено пять публичных чтений, главной задачей которых было ознакомить публику с географией, этнографией и материальной культурой Центральной Азии [30, л. 182].

Среднеазиатская выставка, совпавшая отчасти с Французской выставкой на Ходынском поле в Москве, содействовала приливу посетителей и в Императорский Всероссийский исторический музей, в числе которых было много иностранцев [30, л. 180]. Общее число посетителей в 1891 г. составило 138 271 человек, причем наибольшее число посещений попало на те месяцы, в которые продолжалась Среднеазиатская выставка. Для сравнения, если в феврале музей посетило 1803 человека, то в июле – 24 127 человек [30, л. 181]. В частности, следует отметить, что 19 мая Среднеазиатскую выставку посетил император Александр III с императрицей Марией Федоровной, в сопровождении княжны Ксении Александровны, князя Михаила Николаевича, князя Александра Михайловича, князя Сергея Александровича и княгини Елизаветы Федоровны, что в полной мере подтверждает успех работы комитета Среднеазиатской выставки и интерес общественности к Центральной Азии [30, л. 179, 179об].

В ГИМ хранится Альбом Среднеазиатской выставки 1891 г. состоящий из 23 фотографий, в котором представлены: изображения зала кустарно-заводской промышленности; железнодорожный и этнографический отделы; самаркандский базар и почетная галерея в зале самаркандского базара; зал «сырья» ввозимого из Центральной Азии; зимний сад с растениями Центральной Азии; картографический отдел Главного штаба (работы высочайше учрежденной экспедиции по исследованию старого русла реки Амударьи) и военно-исторический отдел [31]. Кроме общих разделов Среднеазиатская выставка включала учёно-учебный отдел, в котором были представлены карты, учебные пособия и сочинения по Центральной Азии [28, л. 17].

XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде 1896 г. и Выставка сельского хозяйства и промышленности в Хабаровске и Чите 1899 г.

Среди других выездных промышленных выставок Туркестанского края, следует отметить участие туркестанской администрации в выставках, проходивших в Нижнем Новгороде в 1896 г. и в Чите и Хабаровске в 1899 г.

В 1896 г. Туркестанский край принял участие в XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде, организованной Министерством путей сообщения и проходившей с 28 мая по 1 октября [32, л. 1]. В Ташкенте были учреждены: Комитет по организации отдела Средней Азии и торговли России с Персией и вспомогательные комитеты в Самарканде и Новом Маргелане под председательством военных губернаторов: в Новой Бухаре – под председательством статского советника и политического агента П.М. Лессара; в городе Петро-Александровске для Амударьинского отдела и Хивы под председательством начальника отдела генерал-майора Н.О. Разгонова [32, л. 30].

Отдел Средней Азии и торговли России с Персией размещался в павильоне, выполненном по проекту архитектора А.Н. Померанцева в мавританском стиле, украшенном башнями-минаретами и балкончиками. Особенностью отдела Средней Азии и торговли России с Персией являлась демонстрация гончих собак и коллекции живых зверей и птиц, среди которых наибольший эффект произвели восемь аквариумов с речными и морскими рыбами [33, с. 90–91]. На выставке также были экспонированы предметы из коллекции Политехнического музея, в числе которых следует выделить манекены этнографических типов центральноазиатских народов, обстановку внутреннего убранства традиционного дома [34, л. 48, 48об, 49] и дендрологическую коллекцию [35, л. 79, 79об].

По итогам XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. Туркестанский край был отмечен высокими наградами в области сельского хозяйства, лесоводства, кустарных промыслов и животноводства. Так, Отдел Средней Азии и торговли России с Персией был награжден золотой медалью. В том числе, фабрично-заводской и фабрично-ремесленный отделы, охотничий, пушных и рыбных промыслов Туркестанского края были отмечены серебряной медалью. В частности, была выделена деятельность Товарищества большой ярославской мануфактуры, Памирского поста и Самаркандской гренажной станции [36].

В 1899 г. по распоряжению министра земледелия и Государственных имуществ А.С. Ермолова прошла Выставка сельского хозяйства и промышленности: в Хабаровске – с 1 по 15 сентября для Амурской и Приморской областей и в Чите с 20 августа по

10 сентября для Забайкальской области [37, л. 1]. На выставке был представлен Среднеазиатский отдел, который включал разделы: полеводства и сельской промышленности; садоводства и огородничества; лесоводства; горного дела; животноводства; охоты и рыбной ловли; учебного дела; переселенческого дела; кустарной, ремесленной и фабрично-заводской промышленности.

XXV юбилейная Туркестанская сельскохозяйственная, промышленная и научная выставка в Ташкенте 1909 г.

В начале XX в. в Туркестанском крае также проходили промышленные выставки, среди которых следует выделить XXV юбилейную Туркестанскую сельскохозяйственную, промышленную и научную выставку, организованную Туркестанским обществом сельского хозяйства в Ташкенте с 13 сентября по 1 октября 1909 г. [38, л. 197]. Однако в силу того, что выставка имела большой успех среди посетителей, то по решению оргкомитета она была продлена до 15 октября 1909 г. [39]

В оргкомитет выставки входили туркестанский генерал-губернатор генерал-лейтенант А.В. Самсонов и генерал-лейтенант П.И. Мищенко, председатель Совета министров П.А. Столыпин и военный министр генерал В.А. Сухомлинов. Председателем выставки был назначен директор Ташкентского восьмиклассного коммерческого училища В.Н. Дунин-Барковский¹. Согласно общему положению выставки, участниками выставки могли быть все желающие лица, учреждения и торгово-промышленные предприятия Российской империи и сопредельных территорий. На выставке было представлено 100 павильонов, 50 отделений для кустарей, Бухарский и Хивинский отделы, а также военный отдел с 12 подотделами. Выставка располагалась в Ташкентском городском саду и была открыта 13 сентября, уже к 20 сентября её посетило 15 000 человек [40]. Кроме того, выставка была отмечена императором Николаем II, который в телеграмме на имя туркестанского генерал-губернатора обратился с пожеланиями оргкомитету «... чтобы выставка послужила дальнейшему развитию и благосостоянию края» [41].

¹ Вначале председателем выставки был утвержден медик и ботаник И.И. Краузе (7 января 1845 г. – 8 августа 1909 г.)

Сельскохозяйственная и промышленная выставка 1909 г., в большей степени была посвящена добывающий и перерабатывающий хлопковой промышленности в Туркестанском крае. На выставке были представлены различные сорта хлопка и основные этапы производства из хлопка нитки и ткани. Неслучайно в нескольких номерах Вестника Туркестанской сельскохозяйственной промышленной и научной выставки размещалась обширная статья корреспондента К.А. Тимаева «Богатства Туркестана», в которой подчеркивалась исключительная роль туркестанского хлопка в экономике Российской империи. В частности, К.А. Тимаев, отмечая значение хлопковой культуры в развитии российской промышленности, подчеркивал объемы получаемого хлопка в Туркестанском крае. Так, согласно данным, предоставленным К.А. Тимаевым: «...в Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской и Закаспийской областях нашего края засеивается хлопком в среднем ежегодно около 175 тыс. десятин, с которых получается ежегодно в среднем приблизительно 8½ млн пудов хлопка. Кроме того, Бухара дает ежегодно около 6 200 000 пудов хлопка со 120 тыс. десятин, Хива – 1 200 000 пудов с 28 тыс. десятин» [42].

Однако помимо хлопкоперерабатывающей промышленности, на выставке также были представлены крупные отделы по горному делу, сельскому хозяйству, ирригации, среднеазиатской железной дороге, шелководству, кустарным промыслам и научные разделы, освещающие развитие науки и образования в Центральной Азии. Отдельного внимания заслуживает отдел рыболовства, которым заведовал генерал-майор Н.М. Козловский. Отделом были представлены достижения российской промышленности на Аральском море и озере Балхаш [43]. Также следует упомянуть специальный художественный отдел, разработанный художником С.П. Юдиным, где были представлены картины, хранящиеся в Туркестанском музее и предметы искусства, предоставленные Академией художеств, в том числе в отделе были показаны работы местных мастеров ковроткачества и шелкоткачества [45]. Кроме того, в выставке принимали участие российские мануфактуры по производству различных видов фабрично-заводской продукции.

В числе отделов, отражавших научное и промышленное развитие Центрально-Азиатского региона, был включен крупный блок по военной истории Туркестанского края – отделы военный и

военно-исторический. Член организационного комитета выставки генерал-лейтенант Г.К. Рихтер, отмечая важность организации Туркестанской сельскохозяйственной, промышленной и научной выставки 1909 г., подчеркивал, что «устройство военного отдела выставки имеет не только местное значение выставки, но главным образом преследует более широкую и общую для военного дела идею: поднять в русском обществе заглухшее патриотическое чувство, служа контрпропагандой столь развивающимся за последнее время космополитическим и антимилитаристическим тенденциям» [38, л. 201, 201об]. В рамках программы военного и военно-исторического отдела были проведены открытые лекции по истории и географии Центральной Азии. Так, начальником Штаба 1-го туркестанского армейского корпуса В.Г. Ласточкиным была прочитана лекция «Географический очерк Кашгарии» [38, л. 277] и подполковником Ф.И. Корольковым подготовлено сообщение на тему «История завоевания русскими Средней Азии» [38. л. 344, 344об].

В рамках выставки проходил Первый общекраевой Съезд деятелей по сельскому хозяйству, организованный Туркестанским обществом сельского хозяйства с 9 по 12 октября 1909 г. Целью Съезда являлось обсуждение вопросов, выдвигаемых на 1909 г. состоянием сельскохозяйственных отраслей Туркестанского края. В рамках Съезда работали секции по садоводству, виноградарству и виноделию, сельскохозяйственной энтомологии и микологии, пчеловодству, шелководству, специальных ценных технических промышленных культур (хлопководству, табаководству и др.), земледелию, ирригации и животноводству [44].

Выводы

Промышленные и сельскохозяйственные туркестанские выставки являлись действующим механизмом в демонстрации как потенциальных возможностей для российских промышленников, так и уже достигнутых успехов российской экономики в Центральной Азии в конце XIX – начале XX в.

Впервые подобный опыт был отмечен в 1872 г., когда на Московской политехнической выставке был представлен Туркестанский отдел; данная выставка способствовала притоку россий-

ских капиталов в Туркестанский край. В этот период туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом разрабатывался проект по развитию хлопководства в Центральной Азии¹. В Туркестанском крае активно создавались акционерные общества и промышленные предприятия, открывались банки и купцам предоставлялись льготы².

С открытием Закаспийской железной дороги, соединившей Красноводск с Самаркандом и впоследствии с Оренбург-Ташкентской железной дорогой, были созданы новые благоприятные условия для развития промышленных и торговых отношений в Туркестанском крае так как, во-первых, увеличились объемы грузоперевозок и, во-вторых, существенно сократились сроки доставки грузов по сравнению с речным и сухопутным способом перевозки³. Следовательно, Туркестанская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в Ташкенте в 1890 г. и Среднеазиатская выставка в Москве 1891 г. способствовали демонстрации российской общественности существовавших возможностей для развития промышленности и торговых отношений в Туркестанском крае. В частности, на общем собрании соединенных Сельскохозяйственного и Технического туркестанских обществ 8 апреля 1898 г. отмечался успех Туркестанской выставки предметов сельского хозяйства и промышленности в Ташкенте 1890 г. в развитии российской экономики в Туркестанском крае, так как выставка способствовала заключению новых торговых сделок и расширению деятельности акционерных и промышленных обществ в Центральной Азии.

Туркестанские отделы на выставках в Нижнем Новгороде в 1896 г., Хабаровске и Чите в 1899 г. также имели важное значение, так как способствовали привлечению нижегородских и забайкальским промышленников и купцов в Центральную Азию. В частности, еще в 1890 г. Нижегородским отделением Русского Императорского технического общества отмечались большие перспективы в раз-

¹ В 1871–1873 гг. по поручению К.П. фон Кауфмана ИОЛЕАиЭ были разработаны меры по развитию хлопководства в Туркестанском крае.

² Ташкентское отделение государственного банка было открыто в 1875 г.

³ Закаспийская железная дорога открыта в 1901 г.; Оренбург-Ташкентская железная дорога открыта в 1906 г.

витии паромства на реке Амударье, способствующего торговле Российской империи с Бухарским ханством.

К 1909 г. на фоне экономических преобразований в Туркестанском крае как наиболее крупную и значимую промышленную выставку в регионе следует выделить XXV юбилейную Туркестанскую сельскохозяйственную, промышленную и научную выставку в Ташкенте. На выставке были представлены 150 павильонов, демонстрирующих различные виды промышленности и сельского хозяйства, существовавшие в Туркестанском крае, Бухаре и Хиве.

Кроме промышленных и сельскохозяйственных отделов на выставках также имелись научные и учебные разделы, освещающие достижения науки, образования и культуры в Туркестанском крае. В связи с чем необходимо отметить художественное оформление выставок, проекты которых готовились известными архитекторами и садоводами. В целом, все представленные выставки являлись открытыми, их мог посетить любой желающий по входному билету.

В заключение следует отметить, что промышленные и сельскохозяйственные туркестанские выставки имели важное значение в развитии российской экономики и культуры в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв. Выражаясь современным языком, подобные выставки можно охарактеризовать как спланированные российской администрацией «рекламные кампании», направленные на привлечение потенциальных промышленников и купцов в Туркестанский край, так как выставки представляли собой открытые площадки для демонстрации промышленных, сельскохозяйственных и научных достижений, а также способствовали знакомству между российскими промышленниками и купцами из различных регионов Российской империи. Однако своеобразную «маркетинговую стратегию» российского правительства по урегулированию экономических вопросов в Туркестанском крае посредством промышленных выставок нельзя считать сугубо «деловым мероприятием», так как в основе выставок также были заложены высокохудожественные идеи, отраженные в самой организации выставок, в рамках которых были разделы, посвященные культуре и образованию. Таким образом, с одной стороны, выставки являлись площадкой для презентации перспективных на-

правлений промышленности и сельского хозяйства в Туркестанском крае, с другой – выставки выполняли общекультурную и общеобразовательную функции.

Список источников и литературы

1. Азатьян А.А. А.П. Федченко – географ и путешественник. – Москва : Географгиз, 1956. – 127 с.
2. Чабров Г.Н. Туркестан на всероссийских и всемирных выставках. 1867–1914 гг. // Труды Среднеаз. гос. университета. Новая серия. – 1958. – Вып. 142 : Историч. Науки, Кн. 30. – С. 41–60.
3. Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX в. в собраниях Кунсткамеры. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – 449 с.
4. Gorshenina S. La construction d'une image «savante» du Turkestan russe lors des premières expositions «coloniales» dans l'Empire russe: analyse d'une technologie culturelle du pouvoir // Cahiers d'Asie centrale [En ligne], 17/18 | 2009, mis en ligne le 26 mai 2010, consulté le 19 avril 2019. – URL: <http://journals.openedition.org/asiecentrale/1187> (дата обращения 23.12.2023)
5. Комолова А.А., Пармузина И.С. Юбилей Петра Великого и Политехническая выставка 1872 года в Московском Кремле. – Москва : Музеи Московского Кремля, 2022. – 143 с.
6. Михайловская А.И. Из истории промышленных выставок в России первой половины XIX века (Первые всероссийские промышленные выставки) // Очерки истории музейного дела в СССР. – Москва : Советская Россия, 1961. – Вып. 3. – С. 79–155.
7. Культурное наследие Узбекистана в музеях Москвы. Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира. – Ташкент : Silk road media : East star media, 2020. – 480 с.
8. Открытие Туркестанской сельхоз выставки в городском саду, 1890 года // Художественный исторический Альманах «Письма о Ташкенте» [Электронный ресурс]. – URL: Открытие Туркестанской сельхоз выставки в городском саду, 1890 год – Письма о Ташкенте (mytashkent.uz) (дата обращения 25.11.2023).
9. Маев Н.А. Туркестанская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в Ташкенте 1890 г. – Ташкент : типо-лит. С.И. Лахтина, 1890. – 163 с.
10. Иверсен В.Э. Отчет о поездке на Московскую политехническую выставку // Труды Императорского вольного экономического общества. – 1873. – Т. 1. – С. 204–221, 507–525.
11. Бродовский М.И. Колониальное значение наших среднеазиатских владений для внутренних губерний. Средне-Азиат. выст. в Москве 1891 г. – Москва : Ком. Средне-Азиат. выст. в Москве 1891 г., 1891. – 19 с.
12. Миллер В.Ф. Краткая историческая записка об Отделах Туркестанском и Промышленности окраин России в Музее // Двадцатипятилетие Музея приклад-

- ных знаний в Москве. 30 ноября 1872 г. – 30 ноября 1897 г. – Москва, 1898. – С. 55–56.
13. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем : исторический очерк. – Ташкент : Электропаровая типолитогр. О.А. Порцева, 1912. – 520 с.
 14. Русский Туркестан : сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. – Москва : В Университетской тип. (Катков и Ко), 1872. – Вып. 1–3.
 15. Политехническая выставка Императорского общества любителей естествознания в Москве 1872 году. – Москва : Унив. тип., 1870. – 8 с.
 16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1396. Оп. 2. Д. 469.
 17. Письмо туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана – Президенту общества любителей естествознания Г.Е. Щуровскому с просьбой о создании в Москве комиссии для содействия Туркестанскому отделу Политехнической выставки и включение в эту комиссию А.П. Федченко. 1871 г. декабрь // Федченко А.П. Сборник документов / сост.: З.И. Агафонова, канд. ист. наук Н.А. Халфин ; [вступ. статья канд. геогр. наук А.А. Азатьяна]. – Ташкент : Госиздат УзССР, 1956. – С. 153–154.
 18. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан (1868–1871). – Москва : Географгиз, 1950. – 486 с.
 19. Фонды письменных источников Политехнического музея (ФПИ ПМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 16523/22.
 20. Общее обозрение Московской политехнической выставки Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. – Москва, 1872. – XVI с.
 21. Московские ведомости. – 1872. – № 110, 4.05.
 22. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 307.
 23. Указатель Русского отдела Венской всемирной выставки 1873 г. – Санкт-Петербург, 1873. – 176 с.
 24. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1537.
 25. Маев Н.А. Туркестанская выставка 1886 года. – Ташкент : Туркестанск. отд. Росс. о-ва садоводства, 1886. – 82 с.
 26. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1367.
 27. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2658.
 28. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1428.
 29. Доклад общему собранию учредителей Среднеазиатской выставки в Москве 1891 г. – Москва : тип. М.Г. Волчанинова, 1893. – 24 с.
 30. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. НВА. Оп. 1. Д. 52.
 31. ОПИ ГИМ. Ф. 1ф. Оп. [-]. Д. 156.
 32. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1708.
 33. XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде. Альбом. – Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2016. – С. 90–91.
 34. ФПИ ПМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16492/30.
 35. ФПИ ПМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16493/52.

36. Туркестанские ведомости. – 1896. – №72, 26.09.
37. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2378.
38. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 480.
39. Туркестанские ведомости. – 1909. – № 211, 6.11.
40. Туркестанские ведомости. – 1909 г. – № 201, 22 сентября.
41. Вестник Туркестанской сельскохозяйственной промышленной и научной выставки. – Ташкент, 1909. – № 3, 16.09.
42. Вестник Туркестанской сельскохозяйственной промышленной и научной выставки. – Ташкент, 1909. – № 1. – 10.09.
43. Вестник Туркестанской сельскохозяйственной промышленной и научной выставки. – Ташкент, 1909. – № 2, 13.09.
44. Вестник Туркестанской сельскохозяйственной промышленной и научной выставки. – Ташкент, 1909. – № 6, 22.09.
45. Туркестанские ведомости. – 1909. – № 203, 24.09.

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* АДАПТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА В СТРАНАХ САХЕЛЯ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Большая часть населения региона Сахель подвергается повторяющимся шокам в результате аномальных климатических явлений и вооруженных конфликтов. Домохозяйства вынуждены прибегать к множеству негативных стратегий выживания в ответ на возникающие кризисные ситуации. Это в особенности касается беднейших домохозяйств и лишает их перспектив выйти из состояния бедности и социальной уязвимости. В таких условиях для борьбы с бедностью в странах Сахеля растет значимость социальной защиты, а именно современного системного подхода – адаптивной социальной защиты, призванного обеспечить эффективную помощь уязвимым слоям населения в условиях кризисов.

Ключевые слова: Сахель; адаптивная социальная защита; борьба с бедностью; изменение климата; уязвимые слои населения.

PRYAZHNIKOVA O.N. Adaptive Social Protection in the Sahel Countries: Directions and Prospects of Development

Abstract. Large part of the population of the Sahel region is subject to repeated shocks, particularly because of abnormal climate impacts and conflicts. Households follow a variety of negative coping strategies to respond to emerging crisis situations. This is especially true for the poorest households and deprives them of prospects for escaping poverty cycle and social vulnerability. In the context of the poverty reduction policy in the Sahel countries the importance of social

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН.

protection is growing, in particular of the modern systemic approach – adaptive social protection, aimed to ensure assistance to vulnerable segments of the population during crisis.

Keywords: Sahel; adaptive social protection; poverty reduction policy; climate change; vulnerable segments of the population.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Адаптивная социальная защита в странах Сахеля: направления и перспективы развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 2. – С. 83–94. – DOI: 10.31249/RVA/2024.02.05

Регион Сахеля¹, один из беднейших в мире, периодически страдает от разного рода потрясений. По данным на 2019 г., 65% домохозяйств в Сахеле столкнулись хотя бы с одним из видов кризисных ситуаций. К подобным кризисам относят индивидуальные (идиосинкразические)², климатические³, а также кризисы, связанные с вооруженными конфликтами. Часто домохозяйства региона уязвимы перед несколькими шоками. Так, примерно 42% всех домохозяйств Сахеля обычно сталкиваются только с одной категорией потрясений, 16% – с двумя и 9% страдают от потрясений всех трех категорий [4, р. 2]. При этом индивидуальные и климатические потрясения наиболее распространены – им подвергаются от 40 до 50% населения региона. От последствий конфликтов страдают примерно 12% домохозяйств. Надо отметить, что шоки, связанные с погодными аномалиями, более равномерно распределены по региону. Тогда как кризисные явления, вызванные военными конфликтами, чаще происходят в Мали, чем в других странах региона. В Мали данные шоки затрагивают половину населения страны. В остальных странах Сахеля значительно меньше домохо-

¹ В статье рассматриваются следующие страны региона Сахель: Буркина-Фасо, Чад, Мали, Мавритания, Нигер и Сенегал.

² Индивидуальные или идиосинкразические шоки, которые могут затрагивать отдельные домохозяйства, включают болезнь члена домохозяйства, кражу разнообразных активов, прекращение доступа к регулярным социальным выплатам и т.д.

³ Основным типом климатических кризисов в регионе являются последствия засухи, наводнений, пожаров, оползней.

зяйств (менее 5%) сообщают, что на них напрямую влияют военные конфликты [4, р. 3].

Согласно ряду исследований бедность, с одной стороны, является ключевым фактором, повышающим уязвимость к кризисам. Например, в Буркина-Фасо в 2017–2019 гг. беднейшие домохозяйства в три раза чаще по сравнению с другими социальными группами испытывали проблемы по причине климатических аномалий [4, р. 10]. С другой стороны, разного рода бедствия способствуют росту бедности, оказывая заметное воздействие на повышение ее уровня. Такое воздействие происходит по множеству каналов [13, р. 63].

1. Кризисные явления тормозят экономический рост, который является главным фактором роста доходов и благосостояния населения.

2. Шоки негативно воздействуют на уровень образования (это в первую очередь касается развивающихся стран Африки). По оценкам специалистов, в африканских регионах, страдающих от засухи, показатели поступления в учебные заведения вследствие аномальных климатических явлений снижаются в среднем на 20% в краткосрочном периоде [13, р. 72]. Военные конфликты подрывают и без того низкий уровень предоставляемых образовательных услуг. Так, в 2018–2019 гг. в Буркина-Фасо в результате вооруженных нападений закрылось более 3300 школ, что затронуло 650 тыс. детей и 16 тыс. учителей [6, р. 2].

3. Разные бедствия напрямую и косвенно оказывают негативное воздействие на здоровье людей. Напрямую – в виде вспышек эпидемий (например, холеры в результате наводнений) и недоступности услуг здравоохранения. В Мали в зонах конфликтов при их обострении закрываются почти 25% медицинских учреждений [6, р. 2]. Косвенные негативные эффекты для здоровья населения обусловлены снижением потребления во время и после кризиса или бедствия. В странах Сахеля бедные домохозяйства реагируют на погодные потрясения, сокращая, в том числе для детей, качество питания, которое и так не соответствует мировым стандартам. Сейчас в регионе только 13% детей в возрасте от 6 месяцев до 2 лет получают питание, соответствующее рекомендациям Всемирной организации здравоохранения по минимальному разнообразию рациона [10]. Кроме того, в условиях кризисов сокра-

щается и количество обращений в медицинские учреждения (в том числе по поводу лечения больных детей). Это имеет краткосрочные и долгосрочные негативные последствия для здоровья, особенно для детей младше 2 лет [13, р. 73].

4. Еще одним фактором снижения благосостояния ввиду бедствий является сокращение инвестиций в активы домохозяйств в связи с высокими рисками понести ущерб в результате шоков. Когда люди живут в условиях подверженности разного рода рискам, они с большей вероятностью предпринимают экономическую деятельность с низким уровнем риска (при этом и менее доходную) и снижают свои инвестиции в средства производства (что уменьшает доходность активов).

Высокая уязвимость к кризисным явлениям бедных домохозяйств региона Сахель обусловлена отсутствием у них сбережений, ограниченным доступом к финансовым и страховым услугам, к системе социальной защиты. Это во многом ограничивает их возможности справляться с последствиями потрясений. Чтобы поддержать жизнеспособность в краткосрочном периоде после той или иной шоковой ситуации, наиболее бедные домохозяйства часто обращаются к негативным стратегиям выживания. Например, они могут забрать детей из школы и направить их на работу для получения дополнительного дохода для домохозяйства; брать кредиты под высокие проценты; продавать имущество, в том числе производственные активы и т.д. В краткосрочном периоде подобные стратегии выживания могут быть эффективны, но в долгосрочном – они подрывают усилия по борьбе с бедностью и негативно влияют на человеческий капитал.

Во многих странах мира центральным компонентом стратегий, нацеленных на увеличение доходов бедных домохозяйств и на защиту уязвимых групп населения от разнообразных потрясений, угрожающих потерей или сокращением средств к существованию, являются программы социальной защиты. По некоторым оценкам, подобные программы в настоящее время охватывают более 2 млрд человек во всем мире [2, р. 59].

В странах региона Сахель высока потребность населения в социальной защите: здесь от 38 до 45% населения живет за чертой бедности в условиях постоянно возникающих продовольственных кризисов. Так, во время неурожайного сезона 2022 г. более 13 млн

человек в регионе столкнулись с серьезной нехваткой продовольствия [5, р. 4]. При этом, уровень охвата населения программами, предполагающими получение денежных трансфертов для поддержания приемлемого уровня жизни, в Чаде, Буркина-Фасо, Нигере и Мавритании очень низок: по данным на 2020 г., этот показатель колебался от 0,4 до 1,6% [12, р. 9]. Вместе с тем определенный оптимизм вызывает тот факт, что в последнее десятилетие страны Сахеля начали инвестировать в систему адаптивной социальной защиты (АСЗ). В результате создаются национальные программы сетей социальной защиты, которые предлагают регулярную поддержку представителей беднейших слоев населения.

Основные элементы АСЗ

Основы концепции АСЗ сформулированы в докладе Всемирного банка «Адаптивная социальная защита: Повышение устойчивости к потрясениям» [3]. АСЗ способствует достижению устойчивости домохозяйств в кризисных ситуациях через программы социальной поддержки. Устойчивость в данном контексте определяется как «способность домохозяйств подготовиться к потрясениям, справиться с ними и адаптироваться к ним» [3, р. 6]. Обладая подобной устойчивостью, население уменьшает риски снижения благосостояния и роста бедности в результате потери доходов.

Первый элемент АСЗ включает меры по подготовке уязвимых групп населения к кризису. На этом этапе происходит распространение среди бедных слоев населения к информации о возможных рисках, с которыми они сталкиваются или могут столкнуться. Благодаря росту понимания рисков и причин уязвимости у людей появляется возможность принять превентивные меры по адаптации к последствиям кризисов и уменьшить свою уязвимость, например, путем диверсификации источников дохода.

Второй элемент АСЗ представляет собой набор мер, помогающих справиться с шоками и минимизировать их воздействие на домохозяйства. На этом этапе поддержка населения осуществляется в виде денежных трансфертов, обеспечения доступа к инструментам социальной защиты и страхования, предоставления продо-

вольственной помощи для поддержания уровня потребления в ситуации сокращения или потери доходов.

Третий элемент АСЗ имеет целью сокращение уязвимости к потрясениям в долгосрочной перспективе. В него входят меры по повышению устойчивости бедных домохозяйств путем формирования у них способности делать долгосрочные инвестиции в активы, поддерживающие их благосостояние, или способности оплатить свое перемещение в безопасные регионы. Этот этап предполагает такие меры политики АСЗ, как регулярные денежные трансферты бедным слоям населения, программы профессионального обучения и повышения квалификации для расширения возможностей получения достойной занятости, программы общественных работ и т.д. [1, с. 108].

Особенности практической реализации АСЗ в Сахеле

При поддержке Всемирного банка в марте 2014 г. была запущена «Программа адаптивной социальной защиты Сахеля» (ПАСЗС)¹. Ее целью является разработка и внедрение систем АСЗ в шести странах Сахеля: Буркина-Фасо, Чаде, Мали, Мавритании, Нигере и Сенегале. Системы АСЗ Сахеля призваны помочь бедным и уязвимым домохозяйствам повысить экономическую устойчивость, адаптироваться к воздействию изменения климата и других потрясений, а также расширить возможности получения дохода. Данная программа призвана поддержать усилия стран Сахеля, чьи правительства в условиях роста кризисных ситуаций и погодных аномалий все чаще прибегают к мерам АСЗ и начинают планомерно инвестировать в системы АСЗ. В частности, специалистами Всемирного банка разработан и реализуется системный подход для имплементации и раскрытия потенциала АСЗ. Он основан на формировании четырех операционных блоков АСЗ, обес-

¹ Программа адаптивной социальной защиты Сахеля (Sahel Adaptive Social Protection Program – SASPP) реализуется под эгидой Всемирного банка и при поддержке многостороннего донорского трастового фонда (multi-donor trust fund – MDTF), Федерального министерства Германии по экономическому сотрудничеству и развитию, Французского агентства развития (Agence Française de Développement); Министерства иностранных дел Дании, Министерства иностранных дел Великобритании.

печивающих эффективность реагирования на шоковые ситуации [5, р. 5].

1. Создание институциональных механизмов для налаживания партнерства и координации функций между органами власти и разнообразными акторами, а также для четкого распределения между ними ролей и обязанностей при реализации мер АСЗ.

2. Создание современных систем сбора информации и обработки данных, чтобы гарантировать актуальность информации об уязвимости домохозяйств к разного рода потрясениям, их способности справляться с трудностями и восстанавливаться после кризисов.

3. Создание программ и систем доставки помощи, предусматривающих не только реагирование на потрясения, но их предвидение и подготовку к ним.

4. Разработка стратегии финансирования рисков, позволяющей заранее планировать меры оперативного реагирования в чрезвычайной ситуации и обеспечивать доступность финансовой поддержки для уязвимых групп населения в случае шока.

ПАСЗС направлена на укрепление системы АСЗ благодаря привлечению инвестиций на реализацию мер развития по всем четырем выше перечисленным направлениям. В целом, с момента запуска ПАСЗС в 2014 г. в шести странах региона соответствующие проекты были профинансированы на сумму 172,95 млн долл. (из них 40 млн долл. было инвестировано в Буркина-Фасо, 6 млн долл. – в Чаде, 2,4 млн долл. – в Мали, 20 млн долл. – в Мавритании, 30 млн долл. – в Нигере и 30 млн долл. – в Сенегале). Оперативные задачи в рамках ПАСЗС направлены на: 1) формирование углубленных знаний о влиянии сезонности на благосостояние и возникновение различных видов риска, о влиянии потрясений на человеческий капитал; 2) диагностику систем раннего предупреждения, платежных систем и инструментов финансирования рисков; 3) оперативное руководство формированием реестров бенефициаров АСЗ, механизмов финансового реагирования на шоки и инструментов поддержки перемещенных лиц [11, р. 12].

Следует отметить, что страны Сахеля добились значительного прогресса в создании основы для систем АСЗ. Это сделало возможным предоставлять регулярные денежные переводы бедным группам населения и реагировать на некоторые потрясения

(например, продовольственные кризисы), хотя и с некоторыми задержками и ограниченным охватом. Страны Сахеля также активно апробируют инновационные подходы, развивая системы раннего оповещения о возможных шоках. Наибольшие успехи наблюдаются в Мавритании и Сенегале по направлениям построения систем сбора и обработки данных и информации, а также внедрения систем доставки помощи по программам АСЗ. В настоящий момент охват системы социальной защиты в этих двух странах стал всеобъемлющим, т.е. распространяется на бедные и уязвимые группы населения, что обеспечивает надежную основу для реализации АСЗ в ответ на кризисы [7, р. 12; 5, р. 7].

Стоит отметить, что прогресс в развитии систем АСЗ не является одинаковым по странам региона. В Буркина-Фасо, Чаде, Мали и Нигере охват населения системами социальной защиты остается на недостаточном уровне, что препятствует эффективной имплементации подхода АСЗ. При этом все рассматриваемые страны уже создали системы регистра или реестры уязвимого населения. Однако неэффективные подходы к сбору соответствующей информации в сочетании с ограниченным охватом населения системой социальной защиты приводят к потенциально устаревшим или неполным данным о нуждающихся в поддержке и затрудняют выявление уязвимых к разного рода кризисам домохозяйств [12, р. 6]. Еще одним фактором, тормозящим развитие АСЗ в Сахеле, является низкий уровень развития цифровизации, а именно цифровых платежных систем, что значительно ограничивает возможности стран по внедрению современных систем доставки денежной помощи бенефициарам АСЗ [9, р. 4].

В целом, страны Сахеля менее всего продвинулись в сфере, связанной с разработкой и реализацией финансовых стратегий АСЗ, мобилизацией и координацией соответствующего финансирования. Например, в Мавритании исторически отсутствовала четко выстроенная финансовая система реагирования государства на кризисы, подрывающие продовольственную безопасность. В результате урегулирование подобных кризисов носит в основном ситуативный и реактивный характер [8]. Так, продовольственный кризис 2012 г. повлек за собой незапланированные расходы, эквивалентные 10% годового бюджета Мавритании, что привело к значительному дефициту бюджета. Экспертный анализ расходов на

ционального бюджета Мавритании за период 2010–2020 годов выявил крайне нестабильные государственные расходы на обеспечение продовольственной безопасности, распределяемые по нескольким бюджетным статьям между различными министерствами [14, р. 3]. Кроме того что отсутствие предварительного финансового планирования ухудшало эффективность бюджетной деятельности, оно снижает качество управления АСЗ и подрывает возможности оперативного реагирования на кризисы, что, в свою очередь, усугубляет их последствия.

Направления совершенствования социальной защиты в Сахеле

Все правительства стран Сахеля ставят перед собой цели внедрения АСЗ и демонстрируют приверженность этим целям. Однако имплементация АСЗ еще далека от практического завершения. В связи с этим для достижения прогресса в каждой стране региона необходимо следовать согласованному с разнообразными акторами и тщательно выверенному плану действий по всем блокам АСЗ. Важно подчеркнуть, что перспективы эффективного развития АСЗ в Сахеле зависят от решения целого ряда задач [5, р. 9–12].

Во-первых, в большинстве стран Сахеля институциональной среде, необходимой для имплементации АСЗ, не хватает четкой функциональной привязки, распределения ролей и координации действий разнообразных вовлеченных акторов – государственных органов и внешних партнеров, принимающих участие в управлении рисками стихийных бедствий и иных кризисов. Актуальным для всех стран региона остается: 1) внедрение функций и инструментов реагирования на шоки и программ АСЗ в национальные стратегии социальной защиты; 2) разграничение ролей и обязанностей и построение механизмов координации действий среди более широкого круга участников АСЗ; 3) усиление лидерской функции правительств в ходе имплементации АСЗ для обеспечения согласованности действий гуманитарных некоммерческих организаций и интеграции их финансовой и операционной поддержки в национальные системы социальной защиты.

Во-вторых, непростой задачей в Сахеле является регулярное обновление социальных реестров, что важно для их использования

при кризисных ситуациях. В настоящее время, страны региона собирают информацию о домохозяйствах периодически, это ограничивает их способность поддерживать адекватность текущих данных. В связи с этим требуется: 1) расширить охват социальных реестров на все географические районы и все домохозяйства, уязвимые к разного рода потрясениям; 2) внедрить протоколы регулярного обновления социальных реестров; 3) содействовать использованию данных социальных реестров широким кругом участников, обеспечивая их конфиденциальность.

В-третьих, во всех странах Сахеля системы доставки АСЗ еще не полностью готовы к использованию, что препятствует возможности правительств стран региона своевременно и экономически эффективно реагировать на шоки. В такой ситуации предварительное планирование и меры по обеспечению готовности инструментов кризисного реагирования имеют решающее значение. Кроме того, крайне важно создать механизмы, позволяющие оперативно масштабировать системы доставки помощи и совершенствовать механизмы доставки денежных выплат нуждающимся.

В-четвертых, в Сахеле процедуры мобилизации финансирования для реагирования на кризисы обычно носят «разовый» характер, что делает их дорогостоящими и снижает их оперативность. Ни одна страна в регионе не имеет стратегии финансирования мер реагирования на кризисные ситуации в рамках АСЗ, а также страны региона не внедрили финансовые инструменты для АСЗ (за исключением Мавритании) [5, р. 12]. По этой причине реагирование на шоки обычно финансируется со значительными задержками и в основном за счет финансирования международных и гуманитарных организаций или экстренного перераспределения бюджетных средств стран региона. Таким образом, странам Сахеля необходимо определить варианты создания инструментов финансирования программ реагирования на кризисные ситуации с использованием механизмов социальной защиты. Это, в свою очередь, поможет обеспечить постепенный переход от финансирования АСЗ разнообразными донорами, к государственному финансированию, что будет способствовать большей стабильности АСЗ [9, р. 9].

Заключение

По всей Африке растет число адаптивных систем социальной защиты. Опираясь на традиционные системы социальной защиты, которые на регулярной основе предоставляют денежную помощь и другие услуги бедным домохозяйствам, они реагируют на потрясения в основном посредством оперативных денежных выплат пострадавшим домохозяйствам. Роль АСЗ как механизма борьбы и с последствиями изменения климата (засухами, наводнениями, продовольственными кризисами), и с иными кризисами, связанными с растущей нестабильностью в Сахеле, осознается правительствами стран региона. АСЗ рассматривается ими как система, которая может поддерживать устойчивость беднейших и наиболее уязвимых перед рисками разнообразных потрясений домохозяйств, а также защитить их, поддержать их инвестиции в производственные активы и человеческий капитал.

В заключение в качестве ключевых элементов, которые будут иметь решающее значение для устойчивости систем АСЗ в регионе в долгосрочной перспективе, необходимо выделить важность: 1) государственного руководства в определении приоритетов планирования и инвестирования и координации усилий разных участников; 2) политической приверженности продвижению АСЗ в регионе на местном, национальном и международном (в лице международных организаций) уровнях; 3) четкой привязки инструментов АСЗ к элементам имеющейся в странах Сахеля институциональной инфраструктуры; 4) усилий гуманитарных организаций по продвижению в обществе признания значимости АСЗ.

Список литературы

1. Пряжников О.Н. Всемирный банк о социальном развитии: изменение подходов // Экономические и социальные проблемы России. – 2021. – № 4 (48). – С. 97–109.
2. 2022 Global Food Policy Report: Climate Change and Food Systems / International Food Policy Research Institute. – Washington, DC : International Food Policy Research Institute, 2022. – 182 p.
3. Adaptive Social Protection: Building Resilience to Shocks / T. Bowen, C. Del Ninno, C. Andrews, S. Coll-Black, U. Gentilini, K. Johnson, Y. Kawasoe, A. Kryeziu, B. Maher, A. Williams ; World Bank. – 2020. – XVI, 134 p.

4. Brunelin S., Ouedraogo A., Tandon Sh. Five Facts About Shocks in the Sahel / World Bank. – 2020. – 25 p. – (SASPP policy note series ; note 2).
5. Coudouel A., Fuselli S., Saidi M. Stress Testing Adaptive Social Protection Systems in the Sahel. Summary report (Executive Summary) / World Bank. – 2023. – 12 p.
6. Grun R., Saidi M., Bisca P.M. Adapting Social Safety Net Operations to Insecurity in the Sahel / World Bank. – 2020. – 17 p. – (SASPP policy note series ; note 1).
7. International Development Association Project Appraisal Document on a Proposed Credit in the Amount of euro 90.2 million (US\$100 Million Equivalent) to the Republic of Senegal for an Adaptive Safety Net Project. Report No: PAD4836 / World Bank. – 2022. – 64 p. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/362331655308211699/pdf/Senegal-Adaptive-Safety-Net-Project.pdf> (дата обращения: 02.01.2024).
8. Lung F. 5 Myths About Disaster Risk Financing for Adaptive Social Protection in the Sahel // World Bank blogs. – 2023. – 30.01. – URL: <https://blogs.worldbank.org/african/5-myths-about-disaster-risk-financing-adaptive-social-protection-sahel> (дата обращения: 02.01.2024).
9. Lung F. Disaster Risk Financing: What It Is and What It Isn't for Adaptive Social Protection in the Sahel / World Bank. – 2022. – 15 p. – (SASPP policy note series ; note 5).
10. Preventing Early Childhood Undernutrition in the Sahel Region: Recommendations for Small-Quantity Lipid-Based Nutrient Supplement Interventions / Lufumpa N., Hilger A., Ng O., De La Brière B.L. ; World Bank. – 2023. – 8 p. – (SASPP policy note series ; note 9).
11. Sahel Adaptive Social Protection Program. Annual Report 2023 / World Bank. – 2023. – 85 p.
12. Schnitzer P., Stoeffler Qu. Targeting for Social Safety Nets: Evidence from Nine Programs in the Sahel / World Bank. – 2021. – 40 p. – (Policy Research Working Paper ; 9816).
13. Unbreakable: Building the Resilience of the Poor in the Face of Natural Disasters / S. Hallegatte, A. Vogt-Schilb, M. Bangalore, J. Rozenberg ; The World Bank. – 2017. – ix, 187 p.
14. Van der Borght R., Ishizawa O.A., Lefebvre M. Proactive Approach: the Mauritania National Fund for Food and Nutrition Crisis Response / World Bank. – 2023. – 7 p. – (SASPP policy note series ; note 8).

БЕРЕЖНОВ А.И.* С.Л. ЛУНЬИИГО О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В УГАНДЕ. Рец. на кн.: Lunyiigo S.L. Uganda: an Indian Colony 1897–1972. – Kampala : The African Studies Bookstore, 2021. – 224 p.¹

Аннотация. Книга профессора из Уганды Луньиго Самвири Лванга является прекрасным примером проявления африканского национализма и афроцентризма в науке. В своей книге он показывает, как изменялось положение индийцев в Уганде с конца XIX в. до настоящего времени и какую роль они играли в экономической и политической жизни страны. На момент независимости Уганды индийцы занимали доминирующие позиции в экономике страны, контролировали большую часть торговли и эксплуатировали местное население, поэтому автор приходит к выводу, что до прихода к власти Иди Амина Уганда оставалась индийской колонией. В духе афроцентризма профессор Луньиго критикует современную политику властей и верит, что Африка сама сможет справиться со своими проблемами, поэтому нет никакой нужды в привлечении иностранного капитала, а также в возвращении индийцев в Уганду после их изгнания.

Ключевые слова: Уганда; индийская диаспора; Британская империя; колониализм; экономическое развитие; политика Иди Амина.

BEREZHN OV A.I. S.L. Lunyiigo on Activities of The Indian Diaspora in Uganda. Book Review: Lunyiigo S.L. Uganda: an Indian Colony 1897–1972. Kampala: The African Studies Bookstore, 2021. – 224 p.

* © Бережнов Андрей Игоревич – младший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-01829 «Индия и Китай в последние полвека: сопоставление путей социально-исторической эволюции»).

Abstract. Lunyiigo Samwiri Lwanga's book is an excellent example of the manifestations of African nationalism and Afrocentrism in science. The book examines how the position of Indians in Uganda has changed from the end of the 19th century to the present, and what role they have played in the economic and political life of the country. When Uganda became independent, Indians occupied a dominant position in the country's economy, controlled most of the trade and exploited the local population. Therefore, the author comes to the conclusion that, until Idi Amin came to power, Uganda remained an Indian colony. Professor Lunyigo, in the spirit of Afrocentrism, criticizes the current policies of the authorities and believes that Africa itself can cope with its problems, so there is no need to attract foreign capital, as well as to return Indians to Uganda after their expulsion.

Keywords: Uganda; Indian diaspora; British Empire; colonialism; economic development; Idi Amin's policy.

Для цитирования: Бережнов А.И. С.Л. Луньиго о деятельности индийской диаспоры в Уганде // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 2. – С. 95–103. – Рец. на кн.: Lunyiigo S.L. Uganda: an Indian Colony 1897–1972. – Kampala : The African Studies Bookstore, 2021. – 224 p. – DOI: 10.31249/rva/2024.02.06

С 1980-х годов активно начинают развиваться идеи афроцентризма, который является ответной реакцией на униженное и угнетенное положение африканцев, европейское высокомерие и расизм [2, с. 63]. Африканские ученые и общественные деятели пересматривают не только европейские ценности, но влияние Востока на свои страны, что особенно актуально в связи с активизацией деятельности азиатских держав в Африке. Прекрасным примером этого может служить книга «Уганда: индийская колония 1897–1972», в которой не только рассказывается история взаимодействия Уганды с индийцами, но и делается попытка перенести опыт прошлого на настоящее.

Автором книги является профессор Луньиго Самвири Лванга, который читает курсы по истории в Университете Макерере и археологии в Университете Ганы. Большинство работ автора посвящены анализу колониальных практик в Уганде и борьбе с ними: «The Struggle for Land in Buganda 1884–2005» и «Mwanga II:

Resistance to Imposition of British Colonial Rule in Buganda 1884–1889».

Данная книга рассказывает о доминирующем положении индийцев в экономике Уганды на протяжении более 75 лет. Автор рассматривает любую экономическую деятельность индийцев преимущественно в негативном свете. Для профессора Луньиго индийцы – это чужеродный элемент, который занимается эксплуатацией местного населения и ресурсов страны. Автор даже посвящает свою книгу всем тем, кто боролся с господством индийцев в экономике в период с 1897 по 1972 г. Основные выводы автора основываются, прежде всего, на качественных и субъективных оценках; не хватает комплексного анализа экономических процессов. Например, заявления о том, что сейчас Африка становится колонией Азии, что индийцы снова «захватывают» Уганду, поскольку для них созданы самые благоприятные условия, имеют националистический характер и нуждаются в более тщательной проработке с большим привлечением статистических материалов, различных документов и оценок других исследователей. Автор не останавливается только на анализе колониальной экономики Уганды и положения индийской диаспоры при колониальном управлении, а стремится распространить свои выводы на настоящее, хотя он не является в этом специалистом. Это приводит к тому, что работа начинает терять научную составляющую и переходит в публицистический жанр с яркими оценками и лично выраженным мнением. Но это не менее ценно для российских исследователей, поскольку позволяет понять, какие взгляды, стереотипы и предубеждения существуют в современном угандийском обществе.

Отдельный вопрос вызывает название работы, поскольку автор в своей книге не дает чёткого определения понятия колонии. Называя Уганду индийской колонией, профессор Луньиго делает акцент на доминировании индийской диаспоры в экономике страны. Но тогда следовало бы назвать книгу «Уганда – колония индийцев 1897–1972», поскольку Индия не имеет никакого отношения к деятельности индийцев в Уганде. Британские колониальные власти в Индии способствовали миграции трудовой силы в Африку, но после получения Индией независимости правительство Дж. Неру взяло курс на поддержку национально-освободительных

движений и призывало индийцев идти на сотрудничество с новыми властями. Наличие диаспоры в странах Африки рассматривалось Индией скорее как помеха для развития отношений [4, с. 226]. Хотя с приходом к власти БДП был сделан акцент на поддержание более тесных связей с диаспорой, до сих пор влияние Индии на диаспору в Африке носит ограниченный характер [6, р. 166], поскольку только у 174 тыс. из более 2,5 млн индийцев, проживающих в Африке, есть гражданство Индии [1]. Спорное отождествление колониальной Индии с независимой Индией позволяет автору сделать вывод о том, что новый приток индийских инвестиций и мигрантов снова подорвет экономический суверенитет Уганды.

В чем же обвиняет автор индийцев? Ответ на этот вопрос профессор Луньиго дает во введении. Во-первых, они эксплуатировали местное население, поскольку завышали цены на продажу товаров и занижали на их покупку, тем самым способствовали обеднению населения, у которого даже не хватало денег, чтобы отправлять детей получать образование, которое было необходимо для службы в колониальной администрации. Во-вторых, индийцы всячески принижали африканцев, называли их «тупыми обезьянами», держались обособленно и не позволяли им пользоваться своей посудой и туалетами. Возмущение автора справедливо, поскольку индийцы продолжали жить общинами и следовать своим традициям, включая соблюдение кастовой системы. В начале XX в. расистские настроения существовали не только среди белого населения, но среди индийцев. Ярким примером этого является деятельность и взгляды молодого М. Ганди, о чем и упоминает автор в своей работе. В-третьих, профессор Луньиго подробно разбирает экономическую деятельность индийцев в Уганде и упрекает их в том, что они не давали африканцам заниматься торговлей и производством хлопка. В заслугу автору можно поставить то, что он приводит большое количество исторических материалов, анализирует деятельность британских колониальных властей и миграционные потоки индийцев.

Глава 1 «Проникновение» посвящена приходу индийцев в Уганду. В ней анализируются причины миграции индийцев в Африку, их положение и деятельность на территории колониальной Уганды. Автор рассказывает об участии индийских солдат в по-

давлении восстаний африканцев против колониальных властей, а также о строительстве железной дороги на территории Уганды, которая «вбила индийский клин в сердце Африки» [7, р. 7]. Описывая страдания индийцев в процессе строительства дороги, автор говорит, что взамен они получили возможность создавать свои торговые посты. Положение простых индийских рабочих было тяжелым, многие умерли или были вынуждены вернуться на родину, поэтому виновниками в установлении «гегемонии» в Уганде являются богатые купцы с Занзибара. Автор подчеркивает, что богатые индийцы осуществляли реальную власть на местах и неофициально управляли делами колониальных властей в Уганде. Помимо этого, в данной книге описывается привлечение индийцев к работе в колониальной администрации, создание отдельных индийских школ, а также экономическая деятельность азиатов. Из всех индийцев автор выделяет исмаилитов, которые с большей человечностью относились к африканцам [7, р. 21].

В главе 2 «Торговля до индийцев» автор пытается доказать, что торговля и промышленность в Уганде были развиты до прихода европейцев. В работе подробно рассказывается о производстве соли в Кибиро, Катве и Бвераньянге и Карагве. На территории Уганды до европейцев и индийцев производили керамические изделия, ткани и железные инструменты. В регионе активно велась торговля слоновой костью, которую меняли на ружья и другие европейские товары. С приходом колонизаторов начались процессы деиндустриализации и деурбанизации, закрепилась монополия британцев в торговле слоновой костью. Данный экономический анализ основан на качественных данных и оценках автора, поэтому, например, восхищения автора диким хлопком в Уганде и возможностями его промышленной переработки могут вызвать определенные сомнения у читателя.

В главе 3 «Индийское доминирование в колониальной экономике» описывается состояние угандийской экономики в колониальный период. Автор анализирует экономическую политику колониальных властей, которая привела к усилению позиций индийцев. Например, британское законодательство позволяло индийцам «доить» местных жителей, поскольку африканцы платили налог в 29% от дохода, а неафриканцы – 5,4%. Отдельно рассматривается проникновение японских компаний в хлопковую про-

мышленность в 1920-е годы, которые тоже активно занимались эксплуатацией местного населения. Производство хлопка было важнейшей составляющей экономики Уганды. В 1925 г. доля хлопка в общем экспорте Уганды составляла 94%, а в 1950 г. – 64% [7, р. 47]. У большинства африканцев не было ресурсов для создания хлопковых плантаций, более того, существовали различные законодательные ограничения на ведение экономической деятельности, поэтому угандийцы были фактически исключены из большей части сфер экономической жизни страны.

В главе 4 «Сопротивление эксплуатации I» и главе 5 «Сопротивление эксплуатации II» автор исследует борьбу угандийцев за свои права в колониальный период. В Уганде сложилось несправедливое распределение труда и оплаты за него. Местное население производило большую часть всех товаров, по низким ценам продавало их англичанам и индийцам, которые получали с этого огромные прибыли. Особое внимание уделяется кооперативному движению и реформам английского губернатора Эндрю Бенджамина Коэна в 1950-х годах. В книге подробно исследуется британское колониальное законодательство в области регулирования деятельности кооперативов в 1940–50-х годах, оценивается его вклад в африканизацию экономики Уганды [7, р. 84]. В целом профессор Луньиго положительно оценивает деятельность британского правительства в 1950-х годах. Понимая основные проблемы, с которыми сталкивается зарождающаяся буржуазия в Уганде, правительство Э.Б. Коэна пыталось предоставлять африканцам технологии, доступ к капиталам и кредитам, возможности оптовой продажи, способствовало решению земельного вопроса и логистических проблем [7, р. 108].

В главе 6 «Индийцы дают отпор» проводится анализ деятельности индийского капитала в Уганде в первые годы независимости до прихода к власти Иди Амина в 1971 г. Автор считает, что 50 индийских семей продолжили контролировать экономику Уганды и после независимости. Для аргументации своей точки зрения профессор Луньиго исследует связи индийских олигархов, в частности представителей семьи Мадхвани и клана Мехты, с угандийскими политиками. Например, Джайант Мадхвани, «друг» президента М. Оботе, был назначен главой Экспортно-импортной корпорации, что позволяло ему и дальше контролировать эконо-

мику Уганды [7, р. 127]. Автор приводит фотографии, на которых показаны деловые встречи данных олигархов, а также ссылается на их мемуары, в которых они пишут про свою экономическую деятельность в Уганде, уход от налогов через офшоры и высокую прибыльность их плантаций. Новому правительству Уганды нужны были средства на проведение реформ, которые оно заимствовало у индийских магнатов. В связи с этим политика президента страны Милтона Оботе подвергается жесткой критике в данной книге. Автор считает, что первоначальная конституция нарушалась и была даже переписана в интересах индийцев, а демократии вообще не было, потому что продолжали существовать рабские практики на плантациях [7, р. 136]. Меры правительства частично или вообще не затрагивали крупных индийских магнатов, индийцы продолжали эксплуатировать африканцев, даже банки преимущественно давали кредиты представителям индийской диаспоры.

В главе 7 «К независимости» автор исследует политику Иди Амина в отношении индийцев. В данной работе в целом поддерживаются действия Иди Амина, приводятся цитаты из его речей, в которых индийская диаспора обвиняется в различных экономических преступлениях и несправедливости [7, р. 159]. Профессор Луньиго оправдывает высылку индийцев из страны, поскольку индийцы были готовы к изгнанию и пытались «нахапать» как можно больше, а также не проявляли патриотизма, имели несколько гражданств, плохо относились к африканцам и эксплуатировали их. Стоит отметить, что большинство высланных индийцев уехало в Великобританию и только малая часть вернулась на родину. Придерживаясь курса Дж. Неру, Индия не могла оказать им значительную поддержку, поэтому она ограничилась лишь резкими заявлениями в рамках международных организаций и дала ряд невыполнимых обещаний [5, с. 39].

По мнению автора, главное достижение Иди Амина – это то, что он дал угандийцам надежду и уверенность в себя, научил их жить без подачек со стороны индийцев. Автор не отрицает экономические неудачи Иди Амина, но считает, что изгнание индийцев того стоило, поскольку он «смог порадовать африканских фермеров» тем, что они «избавились от эксплуататоров». Профессор Луньиго считает, что жителям Уганды не нужна индийская экономика. Даже причины массовых репрессий при Иди Амине автор

видит в том, что президент участвовал в подавлении восстания Мау-Мау в Кении, а значит, именно британцы научили его всем этим зверствам [7, р. 170]. Таким образом, после прочтения этой главы перед читателем Иди Амин предстает в образе национального героя Уганды, который спас страну от индийского экономического ига.

В главе 8 «Повторение?» автор коротко описывает социально-экономические и политические процессы в Уганде в 1980-х и 1990-х годах, дает обзор политики Индии в Африке и размышляет о будущем развитии страны. В главе анализируются последствия от принятия Угандой Вашингтонского консенсуса, а также возвращение индийского капитала в страну. Подробно рассматривается политика М. Оботе по отношению к высланным индийцам, а также участие Великобритании в восстановлении его во власти [7, р. 177]. Автор возмущается тем, что индийские корпорации забирают землю у крестьян, эксплуатируют африканцев на плантациях, а им за это возвращают отобранную при Иди Амине собственность и выплачивают компенсации. В духе африканского национализма профессор Луньиго считает, что у Африки есть собственные ресурсы для развития, поэтому угандийцам не надо полагаться на помощь извне [7, р. 182]. Он сравнивает индийцев с китайцами и обвиняет всех в том, что они не соблюдают экологические стандарты, контролируют логические цепочки и не создают новых рабочих мест. Автор пишет об империализме Востока, который не требует наличия демократического режима и не беспокоится о правах человека, но хочет получать сырье, землю и выплаты по кредитам. Это более коварный способ, чем у западного империализма в XIX–XX вв. Критикуя политику, направленную на возвращение индийцев в страну, профессор Луньиго не учитывает, что, по некоторым оценкам, 27 тыс. индийцев, проживающих в Уганде, платят до 60% прямых налогов в бюджет страны [3, с. 87]. Призывы автора к своим согражданам изменить свои представления, преодолеть синдром зависимости, перестать надеяться на кого-то и поверить в себя, чтобы полностью стать хозяевами своей страны [7, р. 196], могут привести к бегству капитала и экономическому кризису.

Трудно согласиться с многими выводами автора в данной книге. Некоторые из них требуют большего анализа и научной

обоснованности. Распространение радикальных националистических идей вызвало серьезный экономический кризис в Уганде и привело к гражданской войне. Попытки оправдать политику Иди Амина могут иметь опасные последствия и снова ввергнуть страну в хаос и нестабильность. Также стоит отметить, что в данной книге преимущественно исследуются экономические процессы, а автор по своей профессии является больше историком, чем экономистом, поэтому некоторые выводы выглядят очень неубедительно. Но тем не менее данная работа заслуживает внимания, потому что она показывает особый африканский взгляд на исторические события в Уганде в XIX–XX вв., а также на проблемы современного экономического развития страны.

Список литературы

1. Гулевич В.А. Африканская политика Индии // Международная жизнь. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/22544> (дата обращения: 02.01.2024).
2. Давидсон А.Б., Филатова И.И. Исторические пласты афроцентризма // *Rac Africana: континент и диаспора в поисках себя : сборник научных статей* / отв. ред. А.Б. Давидсон. – Москва : Изд. дом гос. ун-та - ВШЭ, 2009. – 437 с.
3. Прокопенко Л.Я. Стратегия Дели в странах Восточной Африки // Дейч Т.Л., Корендясов Е.Н. Поворот Африки на «восток» и интересы России. – Москва : ИАФР РАН, 2018. – С. 79–89.
4. Усов В.А. Африканская политика Дели и индийские общины в странах Африки: современное состояние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2016. – № 2. – С. 226–235.
5. Усов В.А. Индия и Африка на рубеже тысячелетий. Прошлое, настоящее, будущее / ИАФР РАН. – Москва, 2010. – 192 с.
6. Dubey A.K. Indian Diaspora in Africa and Changing Policies of India // *Indians Abroad* / Ed. S.D. Singh, M. Singh. – Kolkata : MAKAIAS, 2003. – P. 153–171.
7. Lunyiigo S.L. Uganda: an Indian Colony 1897–1972. – Kampala : The African Studies Bookstore, 2021. – 224 p.

АЛЕКСАНИЯ Л.М.* КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

Аннотация. Африка занимает всё более важное место в современной геополитической структуре мира в силу своего географического расположения, обеспечивающего контроль над стратегически важными морскими и океанскими коммуникациями. Кроме этого, Африка обладает богатыми природными ресурсами, человеческим капиталом, многообещающим рыночным потенциалом, определяющими ее геостратегическое значение во внешней политике различных стран мира. Демографический рост и укрепление экономического потенциала Африки указывают на перспективу усиления значения континента в международных отношениях, что подталкивает мировых и региональных лидеров к борьбе за влияние в Африке. Не остается в стороне Турция, для которой континент становится базой для борьбы за превращение в лидирующую державу в регионе, а также возвышение в глобальной перспективе.

В статье характеризуется культурная стратегия Турции, инструменты и механизмы, применяемые для обеспечения турецкого присутствия в религиозно-культурном ландшафте Африки. Особое внимание уделено образовательным программам, реализуемым Анкарой в африканских государствах. Подчеркивается, что культурная политика Турции направлена на формирование положительного имиджа страны в глазах африканцев и мирового сообщества как способа влияния на континенте.

* Алексанян Лариса Мгеровна – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Ключевые слова: Турция; Африка; культурная дипломатия; турецкие школы; турецкие сериалы.

ALEKSANYAN L.M. Cultural Diplomacy as Tool to Increase Turkey's Soft Power in Africa

Abstract. Africa holds increasingly important position in the geopolitical structure of the modern world due to its geographical location, which provides control over strategically important sea-lines of communication. In addition, Africa has a large quantity of natural resources, human capital and promising market potential, which determine its geostrategic importance in the foreign policies of various countries of the world. Africa's demographic growth and strengthening economic potential point to the prospect of becoming a key actor in international relations. This prospect pushes regional and global powers to compete for influence in Africa. The "Scramble for Africa" has also attracted the interest of Turkey, which intends to strengthen and expand its position in the continent with the aim of becoming a leading power. The basis of Turkish expansion into Africa is also the country's strategic calculation to secure its position as a world power.

This article is devoted to the study of Turkish cultural diplomacy towards Africa. Special attention is paid to the study of Turkish educational programs implemented in African countries. The tools and mechanisms used to ensure the Turkish presence in the religious and cultural landscape of Africa are analyzed in detail. The author concludes that Turkey's cultural policy towards African states is aimed at creating a positive image of Turkey in the eyes of Africans as well as world community and gaining leverages throughout the continent.

Key words: Turkey; Africa; cultural diplomacy; Turkish schools; Turkish TV series.

Для цитирования: Алексанян Л.М. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» Турции в отношении Африканского континента // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 2. – С. 104–112. – DOI: 10.31249/RVA/2024.02.07

Роль и место Африки во внешней политике Турции

Африканское направление занимает приоритетное место во внешней политике Турецкой Республики. Геостратегическое зна-

чение континента для Турции отражается в рамках неоосманской идеологии, предусматривающей создание зоны влияния Турции на бывших территориях Османской империи. Для этой же цели Турция формировала нарратив [15], согласно которому в историческом прошлом Османская империя выступала в качестве «защитника» Северной и Восточной Африки. Продвигая этот нарратив, Турция акцентирует культурно-религиозную общность с африканскими странами, выступая в качестве дружественной страны, готовой защищать интересы континента на международной арене. В целом, данный стратегический нарратив стал для Турции идеологическим прикрытием экспансии в Африку.

Приоритетное значение Африки обусловлено также стремлением Анкары получить доступ к многообещающему рынку сбыта товаров и услуг. Кроме того Турция заинтересована в доступе к природным ресурсам континента, которые необходимы для промышленности государства и удовлетворения растущего внутреннего спроса на топливо.

Турецкое руководство рассматривает отношения со странами Африки как предпосылку повышения своей международной значимости. Поэтому она старается выступать от имени Африки на международной арене и использовать свои связи с африканскими государствами «в вопросе реформирования ООН и расширения состава постоянных членов Совета Безопасности» [1, с. 72].

Внешнеполитическая стратегия Анкары в отношении Черного континента была разработана еще в конце XX в. под названием «Политика открытия Африки», а конкретные шаги и систематические действия были предприняты при руководстве Партии справедливости и развития. Стартовой точкой стал 2005 г., когда турецкое руководство объявило о проведении «Года Африки» в стране. В 2008 г. Турция получила статус стратегического партнера Африканского союза. С этого момента Африку регулярно посещают турецкие официальные лица, а Эрдоган стал неафриканским лидером, чаще всех посещавшим Африку. За 2008–2024 гг. количество турецких диппредставительств в Африке возросло с 12 до 44 [8]. С 2014 г. проводятся саммиты турецко-африканского сотрудничества, где утверждаются дорожные карты совместных действий на пятилетний срок.

Развивается экономическое сотрудничество. С начала нулевых годов товарооборот между Турцией и странами Африки вырос в 8 раз, достигнув в 2022 г. 40,7 млрд долл. [6]. Турция девятая страна среди экспортеров в Африку. Прямые капиталовложения Анкары в Африке достигают 10 млрд долл. [10]. Турция инвестирует в строительство, энергетику, инфраструктуру, стараясь установить контроль над жизненно важными отраслями Африки. В последнее десятилетие турецкое руководство особое внимание уделяет также военно-техническому сотрудничеству с африканскими странами.

Культурный аспект политики Турции в Африке

Культурная дипломатия является одним из наиболее эффективных и значимых средств реализации внешнеполитических целей Анкары. Для формирования положительного имиджа страны в африканском обществе и распространения идейно-ценностных установок правящего режима используются образовательные и культурно-религиозные программы, особое внимание обращается на распространение турецкой массовой культуры, включающей в себя музыку, киноиндустрию, телевидение и т.д.

Экспортом турецких религиозных и мировоззренческих ценностей в Африку занимается Управление по делам религии Турции (Диянет). С 2006 г. Диянет организует саммиты африканских мусульманских лидеров [16], цель которых установление диалога между духовными мирами Турции и Африки и распространение турецкой интерпретации ислама на Африканском континенте. Этой же цели служит также стипендиальная программа Диянет для африканских студентов, желающих получить образование в религиозных школах Имама Хатипа и теологических факультетах в Турции. Джибути, Сомали и Танзания лидируют среди тех стран, с которыми Турция сотрудничает в сфере образования [7]. Помимо образовательных программ Диянет занимается переводом и распространением Корана, религиозной литературы, канонических трудов по исламской юриспруденции. Диянет спонсирует строительство мечетей и религиозных школ для подготовки имамов. В Сомали построена крупнейшая мечеть, которая вмещает

около 30 тыс. человек [20]. Вторая по величине мечеть в Западной Африке построена в Гане [17].

Успешным проектом Турции является создание турецких общеобразовательных школ на континенте. До 2016 г. такие школы создавались без участия государства под покровительством религиозного деятеля и мыслителя Фетхуллага Гюлена и служили очагом воспитания будущей элиты в Африке «в духе любви к Турции и турецкой культуре» [3]. В 2016 г. после неудавшегося переворота в Турции¹ контроль над этими школами перешел к государственному фонду «Маариф». Этот фонд был учрежден в 2016 г. при поддержке Министерства образования Турции с целью как управления гюленовскими школами, так и открытия международных школ «Маариф» за рубежом. В настоящее время в Африке фонд управляет 150 гюленовскими школами и параллельно открыл 17 школ «Маариф». Эти школы успешно функционируют в Африке, популярны среди местной элиты, их выпускники становятся ядром протурецкого лобби. Популярность турецких школ обеспечивается не только образовательными программами международного уровня, но и внешкольной деятельностью преподавателей, которые занимаются благотворительностью и активно взаимодействуют с учениками и родителями.

Образовательной деятельностью в Африке занимается Президентство по делам турок за рубежом и родственных общин (ҮТВ), благодаря международной стипендиальной программе которого в Турции обучается 1000 студентов из африканских стран. По официальным данным (2021) за последние 10 лет стипендию получили 13 982 студента. В настоящее время около 4500 африканских стипендиатов продолжают обучение в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре. По инициативе ҮТВ созданы 11 ассоциаций выпускников турецких вузов в 10 африканских странах. По оценкам руководителя ҮТВ А. Эрена, африканские выпускники служат мостом между Турцией и своими странами [18]. При содействии ҮТВ профессиональную подготовку проходят также группы предпринимателей из Ганы, Джибути, Кении, Сомали, Эфиопии, Нигера, Ганы, Мали, Сенегала, Буркина-Фасо, Уганды, Танзании, Уганды,

¹ Турецкие власти начали борьбу против Ф. Гюлена и его сторонников, обвиняя их в организации unsuccessful военного переворота в Турции.

Камеруна и Чада. Важное значение имеет также программа КАТІР, в рамках которой африканские дипломаты, журналисты, государственные работники, военные, ученые получают возможность изучать турецкий язык. УТВ совместно с «Агентством Анадоу» и TRT реализует образовательные программы в сфере СМИ.

Популяризацией турецкого языка, культуры и искусства занимается Институт Юнуса Эмре, первое представительство которого на Африканском континенте было открыто в 2010 г. На сегодняшний день Институт располагает центрами в 11 африканских государствах, в том числе в Марокко, Судане, Сомали, Сенегале, Тунисе, Нигерии и Руанде. Цель создать положительный образ Турции как «наследницы Османской империи» [2, с. 423].

Одним из важных официальных институтов культурной дипломатии в Африке является Турецкая телерадиокомпания (TRT), деятельность которой направлена на информирование африканского общества о Турции и турецкой реальности в целом, а также текущих событиях на континенте. В 2017 г. TRT начала вещание на языке хауса, на котором говорят 45 млн человек в регионах Западной и Центральной Африки, а в 2020 г. начала вещание на языке суахили, на котором говорят 150 млн человек в Восточной и Юго-Восточной Африке [13, s. 7]. В 2021 г. TRT стала ассоциированным членом Африканского вещательного союза [8]. В 2023 г. прошел Саммит телерадиовещания TRT-Африканский вещательный союз, а также состоялось официальное открытие новостной платформы TRT Africa [14].

В сфере СМИ заметную роль играет также международное информационное агентство «Агентство Анадоу», которое открыло свой офис в Эфиопии в 2014 г. [13, s. 7], а затем в ЮАР, Нигерии, Судане, Сомали, Кении и Сенегале. Агентство реализовывает программы по обучению африканских журналистов [4].

Турецкие частные медиакомпании также активно действуют в Африке при поддержке правительства. Natural TV, созданный в 2017 г., стал первым турецким телеканалом, вещающим на Африканский континент, теперь транслирует свои передачи в 49 стран Африки. Его специфика – развлекательный контент, особенно драматические сериалы [12]. Как считается, феномен турецких сериалов «помогает международному сообществу все ярче воспринимать культуру, культурные и политические ценности Турции»

[2, с. 423]. На самом деле они становятся важным инструментом формирования идеализированного имиджа страны в африканском общественном сознании. В некоторых африканских странах турецкие сериалы транслируются на национальных каналах, что показывает заинтересованность местного населения [11, р. 7].

Заключение

Можно констатировать, что в современных геополитических условиях Африканский континент занимает важное место в реализации национальных интересов Турецкой Республики. «Новая схватка за Африку» стала важным компонентом внешнеполитической стратегии страны в перспективах превращения в мировую державу. Для достижения поставленной цели Анкара активно наращивает свое военно-политическое и экономическое присутствие на континенте, приобретающее всё более системный и комплексный характер. Этой же цели служит культурная дипломатия, которая обеспечивает турецкое присутствие в культурно-религиозном ландшафте Африки, способствует формированию положительного образа Турции, преодолению того негатива, который связан с османским прошлым, и приобретению новых рычагов влияния. Это оружие «мягкой силы» направлено на формирование протурецкого лобби и воспитание африканской молодежи на турецко-исламских идеях.

Список литературы

1. Алексаян Л.М. Политика Турции в Африке на современном этапе (политический, экономический, гуманитарный аспекты) // Социальные и гуманитарные науки. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 2. – С. 67–80.
2. Алексаян Л.М. Роль публичной дипломатии во внешней политике Турции в отношении Грузии // Проблемы постсоветского пространства. – 2018. – № 5 (4). – С. 418–428.
3. Мосаки Н.С. Образовательная экспансия Турции в Африке // Вопросы образования. – 2013. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-ekspansiya-turtsii-v-afrike> (дата обращения: 11.10.2023).
4. African Media Representatives Training Program II (AFMEDII) // Africa // News Channel. – 2021/ – 26.05. – URL: <https://www.africanewschannel.org/news/african-media-representatives-training-program-ii-afmedii-turkey-africa-media-training-program-held-in-virtual-amid-call-for-enhanced-cooperation/> (дата обращения: 11.10.2023).

5. Afrika geleceğini Türkiye’de arıyor // Milliyet. – 2021. – 15.10. – URL: <https://www.milliyet.com.tr/gundem/afrika-gelecegini-turkiyede-ariyor-6620034> (дата обращения: 14.11.2023).
6. Bilateral Relations // Turkey-Africa Economic and Business Forum. – URL: <http://tabef.org/bilateral-relations.html> (дата обращения: 13.11.2023).
7. Eğitimde sıcak ‘Afrika’ dalgası esiyor // Dünya. – 2017. – 02.06. – URL: <https://www.dunya.com/egitim/egitimde-sicak-afrika-dalgasi-esiyor-haberi-365680> (дата обращения: 10.10.2023).
8. İletişim Başkanı Altun: TRT Afrika, kıtanın dünyaya anlatılmasında ciddi bir rol oynayacaktır // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. İletişim Başkanlığı. – 2023. – 31.03. – URL: <https://www.iletisim.gov.tr/turkce/haberler/detay/iletisimbaskani-altun-trt-afrika-kitanin-dunyaya-anlatilmasinda-ciddi-bir-rol-oynayacaktır> (дата обращения: 13.11.2023).
9. NTR TV Africa. – URL: <https://ntrtv.com.tr/> (дата обращения: 13.11.2023).
10. Orakçı S. The rise of Turkey in Africa // Aljazeera. – 2022. – 9 January. – URL: <https://studies.aljazeera.net/en/analyses/rise-turkey-africa> (дата обращения: 18.11.2023).
11. Ruiz-Cabrera S., Gürkan H. Effects of Turkish products on its foreign policy toward Africa: Turkish TV series as an example of soft power in Kenya, Mozambique, and Senegal // Professional de la informacion. – 2023. Vol. 32. N 2. – P. 1–16. – URL: <https://revista.profesionaldelainformacion.com/index.php/EPI/article/view/87271> (дата обращения: 18.11.2023).
12. Scramble to be Africa’s window on the world // Le Monde diplomatique. – 2022/ – December. – URL: <https://mondediplo.com/2022/12/07/afrika-turkey> (дата обращения: 21.10.2023).
13. Sıradağ A. The Rise of Turkey’s Soft Power in Africa: Reasons, Dynamics, and Constraints // International Journal of Political Studies. – 2022. – Vol. 8 (2). – P. 14. – URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/2432818> (дата обращения: 11.10.2023).
14. TRT Afrika lansmanı gerçekleştirildi // TRT Haber. – 2023. – 31.03. – URL: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/trt-afrika-lansmani-gerceklestirildi-757500.html> (дата обращения: 13.11.2023).
15. Turkey-Africa: Solidarity and Partnership // Republic of Türkiye. Ministry of foreign affairs. – URL: https://www.mfa.gov.tr/turkey_africa_-solidarity-and-partnership.en.mfa (дата обращения: 11.10.2023).
16. Turkey’s activities ‘wholeheartedly’ welcomed in Africa // Anadolu Ajansı. – 2019. – 20.10. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/afrika/turkey-s-activities-wholeheartedly-welcomed-in-africa/1619913> (дата обращения: 11.10.2023).
17. Turkey plays its ‘Islam’ card in Africa // La Croix international. – 2021. – 21.09. – URL: <https://international.la-croix.com/news/religion/turkey-plays-its-islam-card-in-africa/14921> (дата обращения: 11.10.2023).
18. Türkiye-Afrika ilişkilerinde insan odaklı iş birliği: Türkiye Burları // Anadolu Ajansı. – 2021. – 16.10. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/egitim/turkiye-afrika>

- iliskilerinde-insan-odakli-is-birligi-turkiye-burslari/2393895 (дата обращения: 11.11.2023).
19. Yunus Emre Enstitüsü, Afrika'da İki Yeni Merkez Açtı // Yunus Emre Enstitüsü. – 2021. – 29.01. – URL: <https://www.yee.org.tr/tr/haber/yunus-emre-enstitusu-afrikada-iki-yeni-merkez-acti> (дата обращения: 24.11.2023).
20. Yurt Dışı Camileri // Diyanet İşleri Başkanlığı. – URL: <https://yonetimhizmetleri.diyaret.gov.tr/Documents/Yurt%C4%B1%C5%9F%C4%B1%20Camilerimi.z.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

СИДОРОВА С.Е.* ЭФФЕКТ «КРАСНОЙ СЕЛЁДКИ», ИЛИ ОХОТА НА ВЕДЬМ ПО-ИНДИЙСКИ. Рец. на кн.: MACDONALD H. WITCHCRAFT ACCUSATIONS FROM CENTRAL INDIA. THE FRAGMENTED URN. – New York: Routledge, 2021. – 292 p.

Аннотация. Статья содержит отзыв о книге культурного антрополога Хелен Макдоналд, посвященной распространенной в Центральной Индии практике обвинения женщин в колдовстве в конце XX–XXI в. На основе многолетней полевой работы и собранных за это время многочисленных примеров-кейсов Х. Макдоналд анализирует причины и способы социальной стигматизации женщин и их дальнейшей дискриминации, выявляет, какую роль в этом процессе играют такие институты, как семья, локальное / деревенское сообщество, каста, полиция, органы правосудия, административные органы, средства массовой информации, неправительственные организации, а также автор освещает историю проблемы начиная с колониального периода. Книга написана в новом теоретико-методологическом жанре антропологического исследования – флэш-этнография.

Ключевые слова: ведьма; колдовство; Центральная Индия; социальная стигматизация; остракизм; флэш-этнография.

SIDOROVA S. The “Red Herring” Effect or the Indian Witch Hunt. Book Review. Macdonald H. Witchcraft Accusations from Central India. The Fragmented Urn. New York: Routledge, 2021. 292 p.

* Сидорова Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. The article contains a review of the book by cultural anthropologist Helen Macdonald, dedicated to the widespread practice of accusing women of witchcraft in Central India at the end of the XXth – XXIst centuries. Based on many years of field work and numerous case studies collected during this time, the author analyzes the causes and methods of social stigmatization of women and their further discrimination, reveals what role such institutions as family, local / village community, caste, police, justice authorities, administrative bodies, media, non-governmental organizations play in this process, and also covers the history of the problem since the colonial period. The book is written in a new theoretical and methodological genre of anthropological research – flash ethnography.

Keywords: witch; witchcraft; Central India; social stigma; ostracism; flash ethnography.

Для цитирования: Сидорова С.Е. Эффект «красной селёдки», или Охота на ведьм по-индийски // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 2. – С. 113–130. – Рец. на кн.: Macdonald H. Witchcraft Accusations from Central India. The Fragmented Urn. – New York : Routledge, 2021. – 292 p. – DOI: 10.31249/rva/2024.02.08

Основные действующие лица

Сантхи Баи – 50-летняя жительница деревни Баллабгарра

Танвар – ее муж

Мехен – 32-летний племянник Сантхи Баи

Джохар – младший брат Мехена

Прем, Гурупа, Бхароса, Манша – другие родственники Мехена

Бхати Баи – жительница деревни Баллабгарра

Бхайя – богатый брахман, пандит, деревенский голова, самый влиятельный человек в деревне Баллабгарре

Джагдиш – деревенский целитель

Место действия – деревня Баллабгарра (вымышленное название), штат Чхаттисгарх в Центральной Индии, где проживает много племен, представителей которых называют *адиваси*. В системе социальной стратификации, ассоциируемой с индуизмом,

адиваси наряду с *далитами* (неприкасаемыми), а также мусульманами и христианами считаются ритуально нечистыми, находятся за пределами «чистого» кастового общества и часто воспринимаются как изгои (с. 12)¹.

Завязка

Летом 2000 г. 32-летний Мехен, житель деревни Баллабгар-ра, страдал от головной боли. Помощь деревенского целителя (healer, *baigā*) Джагдиша не подействовала. Ему становилось все хуже, и он отправился в город Балода Базар в 30 км от деревни к тамошнему мусульманскому *baigā*. По слухам, позднее дошедшим до деревенского головы Бхайи, однажды вечером сильно ослабевший Мехен вышел с помощью одного из сопровождавших его в этой поездке родственников Према из дома зятя, где он остановился, чтобы справить нужду. Прем отошел на некоторое расстояние, а когда вернулся, то обнаружил только сандалии Мехена, а сам он исчез. Спустя несколько дней местная газета *Deśbandhu* описывала этот эпизод так: «...один из родственников Мехена, возвращавшийся поздно вечером после омовений, видел, как тот сидел на крыше, а потом упал, то ли получив разряд электрического тока, то ли еще по какой-то причине. Хозяин дома, услышав голоса, выбежал из дома и нашел Мехена, лежавшим на земле. Пока он бегал за соседями, Мехен исчез» (с. 182). Вернувшиеся в деревню родственники обвинили его тетку Сантхи Баи в колдовстве (*jādū-ṭonā*). После четырех дней слухов, спекуляций, сплетен брат Мехена Джохар созвал собрание деревенских жителей. Около 2 тыс. человек окружили Сантхи Баи на площади. Её били, ей угрожали раскаленными металлическими прутьями, её отвергли муж и сын, в результате чего Сантхи Баи созналась и в том, что она ведьма, и в том, что она виновата в болезни и исчезновении Мехена. Это лишь подлило масла в огонь. Спасаясь от расправы, она назвала имя еще одной деревенской жительницы Бхати Баи в качестве своей подельницы, которая оказалась втянута в это суровое испытание. Компромисс был достигнут, когда обе женщины согласились совершить ритуалы на месте исчезновения Мехена в городе Балода

¹ Здесь и далее ссылки на страницы обозреваемой книги приведены во внутритекстовых сносках, заключенных в круглые скобки.

Базар с тем, чтобы вернуть его. На следующий день к полудню туда прибыла полиция, чтобы спасти женщин от собравшейся посмотреть на зрелище многотысячной толпы, издевавшейся над ними, забрасывавшей камнями и избивавшей их (с. 2, 36, 155–156).

«Красная селёдка»

Представляемая книга «Обвинения в колдовстве в Центральной Индии. Разбитая чаша» написана социальным антропологом Хелен Макдоналд, которая родилась в Новой Зеландии, обучалась в Школе восточных и африканских исследований (SOAS) в Лондоне, а сейчас занимает должность доцента на кафедре антропологии Кейптаунского университета.

В центре ее исследования колдовские практики и обвинения в колдовстве в Центральной Индии, которые вовлекли в круговорот событий семью, местное сообщество, целителей, полицию, администрацию, суд, средства массовой информации, государство и иностранного этнографа. Центральным понятием, вокруг которого выстроен весь текст, является ведьма – *tonhi*¹, «обобщающий символ, который определяет симбиоз человека и колдовства как необычный вид человеческой деятельности (агентности), известный только посредством производимого социального эффекта» (с. 14). Ведьма – это ключевая аналитическая единица антропологического исследования, но она же и главный обвиняемый или подозреваемый в преступлении, которое расследует антрополог. Книга читается как детектив, в котором используется прием «красной селёдки» или отвлекающего маневра. Автору, оказавшемуся на месте спустя десять дней после событий, предъявляют не только преступника – Сантхи Бай, на которого указывают улики и все жители деревни, но и предлагают стереотипные аргументы, клишированные образы, представляющие ситуацию как понятную и в целом хорошо известную и изученную. Ее книга – это попытка за едким ароматом «красной селёдки», за оттягивающими на себя внимание шаблонными трактовками уловить менее заметные запахи и не столь очевидные объяснения, которые помогли бы увидеть новые грани исследуемого феномена.

¹ Слово женского рода на языке *чхаттисгари*, являющемся диалектом хинди.

Метод (рас)исследования и структура книги

Сантхи Баи в интервью Макдоналд назвала свою жизнь расколотой чашей. Ее история стала связующим элементом всей книги, которая разбита на 110 небольших кусков примерно по 1000 слов, что дает автору возможность использовать метафору «разбитого сосуда» в названии. Эти фрагменты сгруппированы в 11 глав.

Такая структура книги напрямую связана со способом презентации материала, который сама автор определяет как флэш-этнографию (с. 3). Это совершенно новый, еще только утверждающийся метод в антропологических штудиях, начало которому положили в 2010-х годах Сьюзан Левин и Кэролайн Оселла [2; 5]. Особую популярность он начал приобретать в период пандемии COVID-19 в 2020 г. Иногда этот жанр называют «неожиданной антропологией» (sudden anthropology) [10]. Его определений, отличных в точные формулировки, еще не существует. Это скорее фиксация назревшей в XXI в. потребности антропологов найти дополнительные пути донесения до широкой аудитории информации или отклика на происходящие события. Кэрол Макгрэнахэн пишет о том, что цифровые технологии, преобладающие в XXI в., изменили способы написания текстов и их распространения среди радикально увеличившейся в размерах аудитории. Для антропологов это не только вопрос технологических новаций, но и необходимости реагировать на текущий политический момент и при этом понимать уровень своей ответственности в рамках дисциплины. «Важной новой формой, – пишет она, – является короткое эссе на 1000–2000 слов и открытый доступ к нему для любого человека, имеющего Интернет. Антропологи используют этот метод, чтобы откликаться в данный момент на разворачивающееся событие, говорить с современностью, опираясь на этнографические знания. Флэш-этнографии, основанные на уже хорошо известных жанрах флэш-беллетристики и документальной литературы, представляют собой самостоятельные эссе... Они не являются фрагментами или сжатыми пересказами более длинных произведений; вместо этого они кратки, но целостны» [3, с. 133]¹.

¹ Также см. [4].

Книга Хелен Макдоналд – пример того, как этот метод используется в конкретном антропологическом исследовании. Как говорит она сама, история, излагаемая в книге, сложная, она пережита, увидена и рассказана разными людьми – от непосредственных участников, конструировавших микро-нарратив до наблюдателей-интерпретаторов (полиция, администрация, СМИ, НКО, этнографы), т.е. тех, кто создавал так называемый макро-нарратив (с. 3). Каждый из них предлагал не только свою версию реальности, но и передавал ее особым, присущим ему языком (обвиненные женщины посредством эмоциональных высказываний, полицейский юридическими терминами, глава деревни оперировал датами, восстанавливая последовательность событий и т.д.). Кроме того, в книге слышны голоса и других женщин, попавших в схожие обстоятельства. Само исследование – результат сбора материала и работы в поле в течение двух десятков лет. Автор объясняет удобство избранного метода фрагментарных текстов так: «Я включилась в эти события на этапе, когда обвинения в колдовстве уже дошли до властей, после совершенного насилия и убийства, т.е., когда они вышли за границы деревни. Преимущество метода заключается в том, что эта история не может быть выстроена линейно – от начала до финала, фрагменты же позволяют делать скачки во времени, обращаясь и к событиям до обвинений и одновременно после» (с. 3).

Первый стереотип, который Макдоналд пыталась обойти, это представление о том, что главным методом антропологического исследования является метод включенного наблюдения, предполагавшего длительное пребывание ученого в одной локации и погружение в культурную среду и контекст этого места. Применительно к колдовским практикам Центральной Индии такой локацией, по мнению индийских коллег Макдоналд в Университете Райпура, должна была быть деревня в определенном районе, которую они готовы были для нее подобрать. Сопrotивляясь их настойчивости, она значительно расширила свое «поле», локализовав исследование в не племенной / не далитской, а кастовой сельскохозяйственной равнине районов Райпур, Дхамтари, Махасамунд, Вург, Биласпур, Раджнандгаон, не позволив колдовским практикам закапсулироваться в границах одной деревни. В «поле» Макдоналд провела 15 месяцев (по нескольким месяцам в 2000, 2004,

2010, 2012, 2016, 2017 гг.) (с. 28). Она посетила около 50 деревень для интервьюирования людей, которые были вовлечены в истории с ведьмами (с. 25). Кроме того, она установила связи с местной полицией, через которую получила доступ к 37 кейсам, связанным с колдовством. Она также работала с архивом чхаттисгархской газеты *Deśbandhu*, в которой в разные годы появлялась информация по подобным случаям в Центральной Индии (с. 24–26).

Исторический подтекст

Полевые исследования были подкреплены штудированием колониальных документов, хранящихся в Британской библиотеке (с. 34–36). Макдоналд объясняет тщательное изучение полицейских, судебных и налоговых отчетов по всем дистриктам Центральных провинций за 1869–1952 гг. тем, что заниматься антропологией в Южной Азии без уделения должного внимания колониальной истории и тем формам модерности, которые она породила, невозможно (с. 36). Она констатирует, что в британских документах Чхаттисгарх, в изобилии населенный племенами, постоянно фигурирует, как «регион, кишящий ведьмами», в котором «нет ни одной деревни, ни одной семьи, в которых бы не было ведьм» (с. 47). Именно в период Британской Индии закладывалось и навязывалось ставшее устойчивым представление о том, что это явление не свойственно кастовому индусскому обществу (с. 47). Так, британцы конструировали социальные границы между варварством / дикостью (племенами) и цивилизованностью (кастами) (с. 48). На примере судебных разбирательств с виновными в охоте на ведьм она фиксирует жесткую позицию колониальных властей, препятствовавших таким практикам, незаконность которых закреплялась в разных документах начиная с 1797 г. Британцы квалифицировали подобные преступления как тяжкие и ставили их на один уровень с государственной изменой или восстанием (с. 49–51).

В конце XIX – первой половине XX в. особое беспокойство властей вызывали не единичные случаи, а массовые волнения как реакции на «колдовство» (witchcraft riots) (с. 52). Как правило, они фиксировались в периоды эпидемий, когда именно ведьм местное население винило в появлении и распространении заразных болез-

ней, несших за собой массовую смерть людей или мор скота (оспа, чума, холера, грипп и т.д.).

В целом же ситуацию с колдовством в колониальный период автор характеризует как время «противостояния государства и местного сообщества по вопросу о культурных правах, особенно о праве регулировать сферу закона» (с. 51). Индийцы, относящиеся с подозрением к вмешательству полиции и контролю извне, предпочитали решать конфликты с ведьмами по своему усмотрению (с. 57). Власти же средствами профилактики такого рода преступлений видели просвещение и введение санитарных мер. Именно в колониальный период началось накопление данных по проблеме колдовства в полицейских, статистических отчетах, материалах судебных дел, которые стали основой для дальнейших исследований уже в постколониальное время.

Под гнетом академических традиций

На исследование Макдоналд давили не только классические методы антропологических исследований (включенное наблюдение), но и авторитетные тексты, связанные с изучением охоты на ведьм в традиционных обществах. Это достаточно знакомый для данной области знаний сюжет. В 1937 г. вышла книга Э.Э. Эванс-Причарда, которого называют «отцом наук исследований о колдовстве», «Колдовство, оракулы и магия среди азанде» по результатам его экспедиций в Южный Судан [1]. Эта работа, определила традиции исследования феномена с позиций структурного функционализма больше, чем на полвека. Следуя устоявшейся парадигме, обвинения в колдовстве в Индии рассматривались учеными и, в частности, непосредственно индийскими антропологами, как «определяющая черта или “опасный обычай” культуры *адиваси* или особенность гендерных отношений. Такие умозаключения делали гомогенными и нормализовали, как акторов, так и сами обвинения» (с. 69). Макдоналд использует для такого подхода определение «единая история колдовства» (*single story of witchcraft*) (с. 79).

Начиная с 1980-х годов следующее поколение антропологов стало анализировать охоту на ведьм сквозь призму модернизационных процессов, рассматривая колдовство как механизм встраивания в новые политические, экономические, социальные условия

или, наоборот, как способ противостояния веяниям современности (с. 70)¹.

Себя Макдоналд относит к новому поколению антропологов, которые предпочитают изучать смыслы и значения, а не структуры (с. 80). О своем труде она пишет так: «Книга исследует менее безопасную теоретическую рамку, определяемую категориями насилия и разрушения, и предлагает взгляд на интимное пространство личного страха, тревоги и виктимизации. Она бросает вызов идеям прогресса, в которых “модерность” позиционируется как возможная замена существующих видов суеверий, и предлагает использовать скептицизм как основу, благодаря которой становится возможным обращаться к разным социальным контекстам через оптику различных версий современных дихотомий» (с. 79–80). Собственно этот скептицизм и позволяет ей не оставаться в плену сложившихся методов, авторитетных мнений и устоявшихся представлений.

Первые 80 страниц, или четыре главы, или 35 фрагментов – введение в тему, подготовка к анализу основного сюжета, определение метода исследования, обзор того, какие существуют подходы к изучению проблемы, вписывание автором ее собственной работы в теоретико-методологический и историографический контекст.

Ведьма

А затем Макдоналд, наконец, переходит к самой фигуре ведьмы и начинает так: «*Tonhi* необходимо создать, прежде чем на нее / него можно будет напасть. Создание ведьмы требует времени, порой многих лет, в течение которых некоторые люди обретают образ колдуньи и обнаруживают, что их каждодневное поведение воспринимается через оптику антисоциальных или ненормальных культурных конструкторов» (с. 82). Пятую часть она посвящает вычленению тех групп и практик, которые наиболее часто оказываются в глазах общества связанными с колдовством.

Несмотря на то что различные государственные и негосударственные организации, институты, агенты, СМИ продолжают

¹ См., например: некоторые исследования по феномену колдовства и охоты на ведьм в Индии [6; 7; 8; 9].

традицию стигматизации колдовства в качестве культурной традиции *адиваси*, заложенной еще в колониальное время, анализ реальных кейсов, найденных автором на большом, не ограниченном одной деревней «поле», дает более сложную картину. Действительно большинство обвиненных в колдовстве людей это бедные, вдовы, бездетные, средних лет женщины, проживающие в деревнях. Будучи уязвимыми и наименее защищенными слоями населения с ослабленными социальными и семейными связями, они часто становятся объектами обвинений (с. 104). Замужние женщины могут избежать этого, если на их защиту встанут мужчины ее семьи. Сантхи Баи потому и оказалась окруженной толпой с раскаленными металлическими прутьями, что ее муж и сыновья под давлением родственников отказались от нее. Тем не менее Макдоналд пишет, что ведьмами могут стать и пожилые, и молодые, и замужние и незамужние или вдовы женщины, а также мужчины, состоятельные или бедные члены общества, обладающие или не обладающие властью, соседи или родственники.

Разбираясь с вопросами касты, автор обнаружила, что преступления против ведьм не представляют собой еще один способ решения межкастовых конфликтов. Как правило, обвинители и обвиняемые принадлежат к одной касте. Тем не менее и это не является незыблемой закономерностью. Она разбирает ситуацию с внекастовым сообществом Чхаттисгарха *сатнами*, представители которого считаются ритуально нечистым. В деревне, где разворачивалась история Сантхи Баи, *сатнами* настолько жестко отделены в повседневной жизни от других жителей, что последние не имеют ни малейшего представления о том, кто в этом сообществе подозревается в колдовстве (с. 116–118). В то же время представители низшей касты *рават*, наоборот, не считаются нечистыми. Традиционно они разносят воду и допускаются в дома и на кухни даже брахманов, из-за чего *раваты* находятся в близком контакте с высококастовыми индусами, что при случае навлекает на них беду в виде обвинений (с. 115–116). Наконец, Макдоналд обращается и к самим брахманам, отмечая, что женщины из этой касты обычно соблюдают обычай *парды*, поэтому ограничены в социальных связях и редко подвержены обвинениям, равно как и брахманские семьи в силу образования, достатка, хороших условий жизни, реже испытывают проблемы со здоровьем, а значит, имеют

меньше поводов списывать недуги на происки колдунов. Поэтому из их среды происходит наименьшее число обвиняемых и обвинителей в колдовстве. Кроме того, автор отмечает, что охотой на ведьм охвачены не только сельские, но и городские жители, и обращает внимание на то, что, как и в колониальные времена, вспышки холеры по-прежнему часто воспринимаются как результат колдовских практик (с. 98–100).

Соучастники

Женщину (реже мужчину) делают ведьмой люди вокруг. Её фигура актуализируется в процессе коммуникации с другими. Макдоналд исследует и постепенно расширяет круг вовлеченных в этот процесс.

Семья и локальное сообщество

В шестой части Макдоналд обсуждает насилие как неотъемлемую часть обвинений в колдовстве. Она выделяет две группы женщин-ведьм. Первых она называет публичными ведьмами и относит к ним тех, кто имеет давнюю репутацию занятия колдовством, и эта репутация поддерживается более чем одним членом сообщества. Такие женщины, по наблюдению автора, гораздо реже становятся объектами прямого физического насилия, приводящего к смерти. Во вторую группу входят женщины, обвиненные кем-то из своих родственников или соседей. Эти случаи, как правило, отражают напряженные отношения внутри семьи, вызванные самыми разными причинами, и очень часто заканчиваются смертью жертвы. Это не публичная экзекуция, а тайное убийство в скрытом от чужих глаз месте. Среди обвинителей бывают сыновья, братья, мужья, пасынки, зятья, свекры, дядя, племянники, кузены, свекрови, невестки¹. Они «вымещают свою враждебность на женском теле и только потом рационализируют насилие через связь этой женщины с колдовством» (с. 152). Как в первом, так и во втором случае в осуществлении физического насилия задействованы преимущественно мужчины. Указавшим на Сантхи Баи как на колду-

¹ Она приводит статистику, в которой отсутствуют в качестве обвинителей отцы и матери жертв (с. 132).

нию был деревенский целитель Джагдиш, который лечил исчезнувшего в воздухе Мехена. 2000 тыс. человек, собравшихся на деревенский сход для осуждения Сантхи Баи, были исключительно мужчинами, бил ее прилюдно ее муж Танвар. Макдоналд уделяет специальное внимание фигурам деревенских целителей, способам их врачевания и их роли в указании на жертву, которую считают виновной в неэффективности лечения. Её воспринимают как ту, которая, препятствуя действиям лекаря, наводит порчу на больного путем инкорпорирования в его тело вредной субстанции (*jādūtōnā*) или сглаза (*nazar lagnā*).

Автор описывает и другие практики физического или морального насилия, подразумевающие сеансы экзорцизма, попытки физического извлечения из тел ведьм колдовских предметов, бойкотирование, распространение слухов, социальный и экономический ostracism, длящийся годами. В нефизических способах нанесения ущерба ведьмам на равных с мужчинами вовлечены и женщины. Сама Сантхи Баи играла в истории двойную роль, будучи одновременно и обвиняемой в колдовстве женщиной и обвинительницей, указавшей на Бхати Баи как на свою подельницу.

Кроме того, Макдоналд отдельно пишет о роли *панчаятов* (выборных органов местного / деревенского самоуправления) и их глав в разрешении конфликтов. Глава *панчаята* деревни Баррабгарра Бхайя всячески пытался или уладить конфликт миром, или уклониться от участия в нем, так как это могло повлечь его личную ответственность перед законом за допущение такой ситуации. «Желая избежать уголовного преследования, – пишет Макдоналд, – те, кто обладает властью, *панчаят* или его глава, могут использовать стратегии, чтобы свести к минимуму участие полиции, одновременно сдерживая желание наказать предполагаемую ведьму» (с. 149).

Полиция

Седьмая часть как раз и вовлекает в историю служителей закона. После того как Сантхи Баи была отбита у толпы полицией и оказалась в участке, она написала заявление, в котором изложила свою версию событий. Затем она вернулась в деревню, заверенная полицейскими, что «они обо всем позаботятся» (с. 156). И вновь

Макдоналд начинает рассказ с констатации расхожего мнения о коррупционности и неэффективности местных стражей порядка. О том, что они и сами зачастую верят в колдовство, что они, встроенные в иерархию местных связей, находятся под давлением административного аппарата, личных отношений, общественного мнения, отказываются регистрировать криминальные случаи, изымают из дел упоминания целителей, занимаются вымогательством и т.д.

В случае с Сантхи Баи главный министр штата Чхаттисгарх попросил господина Шуклу, главу местной полиции, заняться этим делом, и Шукла в качестве превентивной меры выписал семь ордеров на арест. Затем представители администрации и полиции приехали в Баллабгарру, чтобы «достичь компромисса». В результате было выпущено предупреждение местным жителям о недопустимости преследования двух женщин, а взамен ордера были аннулированы, подозреваемые отпущены и по сей день против них так и не были выдвинуты обвинения (с. 157).

Тем не менее на других примерах из Чхаттисгарха, в частности имевшего огромный резонанс на общенациональном уровне деле Кулванти Баи, закончившемся смертью женщины, Макдоналд показывает, как полицейским «сложно в условиях расизма, сексизма и коммунализма в Индии» принимать решения об аресте и выбирать соответствующую преступлению статью Уголовного кодекса. Она обращает внимание, что к чести чхаттисгарской полиции чаще всего выбор падал на статью, которая позволяла привлекать к ответственности более широкий круг лиц, вовлеченных в том числе в нефизическое насилие по отношению к преследуемым женщинам. «Говоря по правде, чхаттисгарской полиции нужно аплодировать за широкую интерпретацию и применение закона, а другие государственные органы нужно поощрять следовать их примеру» (с. 175).

Однако Макдоналд отмечает и то, что использование «общих», неспециализированных уголовных статей применительно к колдовским случаям затушевывает специфику проблемы и лишает жертв индивидуального голоса (с. 172). И всё же оставшиеся в живых женщины в интервью Макдоналд характеризовали полицию Чхаттисгарха, которая «протоколировала их заявления, осуществляла быстрые аресты, принимала превентивные меры, организо-

вывала медицинскую помощь, как “хорошую”, “отзывчивую”, “оказывавшую поддержку” и “обращавшуюся с ними хорошо» (с. 168). Два же резонансных дела – Кулванти Баи в 1995 г. и Тиратх Баи 2001 г. – послужили поворотными моментами в адаптации уголовного законодательства на уровне штата и привели к принятию в 2005 г. «Закона штата Чхаттисгарх о предотвращении злодеяний, связанных с колдовством» (Chhattisgarh Witchcraft Atrocities Prevention Act), который дал в руки полиции более удобный юридический инструмент для борьбы с охотой на ведьм.

СМИ

Одним из рычагов давления на деятельность полиции являются СМИ, которым посвящена восьмая часть книги. Макдоналд на протяжении всех 20 лет исследования собирала сообщения о случаях обвинений в колдовстве в прессе, как на английском, так и на местном языках. Она отмечает, что новости о жестоких убийствах ведьм и сверхъестественных явлениях встраиваются в пресловутую парадигму модерности, что газеты конструируют и противопоставляют друг другу образы «современных» (modern) и «традиционных» (traditional) гражданах, подразумевая, что последние должны «доразвиться». «Обычной практикой средств массовой информации было и остается говорить об обществе как о современном, цивилизованном, живущем в XXI в. Колдовство и обвинения в колдовстве позиционируются как устаревшие из-за прогресса, достигнутого в области науки, образования, медицины, модернизации, прав женщин и прав человека, и, следовательно, нуждаются в замене прогрессивным, светским и научным мировоззрением» (с. 184).

В результате такого модернистско-прогрессивистского подхода гендерная и деревенская повестки оказываются, по мнению автора, за пределами обсуждения. Устоявшиеся способы презентации информации, стигматизируют безгласность женщин, превращая их молчание в форму социальной нормы. «Насилие, в основе которого гендерные различия, может быть и рассматривается как неприятное и нежелательное, но о нем сообщается скорее, как о рутинной практике..., которая не нарушает мир или социальный порядок... Такая форма модерности оставляет домашний интим-

ный мир семьи неприкосновенным, как для полиции, так и для администрации или закона, призванных решить проблему» (с. 194).

Неправительственные организации

Называя женщин ведьмами, считывая удобным образом указывающие на их «скрытую», «мистическую» сущность «знаки», деревенские целители актуализируют и делают их фигуры явными окружающему миру. Также и негосударственные организации, встраиваясь в популяризируемый СМИ дискурс модерности и рационализма, стараются, напротив, развенчать мифы о колдовстве среди населения. Девятая часть посвящена усилиям различных общественных организаций и энтузиастов, отправляющихся в «народ» с просветительской миссией. Макдоналд проводит здесь аналогию между миссией белых мужчин, спасавших в колониальные времена коричневых женщин от коричневых мужчин и новой формулой (столь же модернистской), в соответствии с которой теперь коричневые мужчины (или женщины, в случае с женскими организациями) спасают коричневых женщин от коричневых мужчин (с. 208).

Она внимательно изучает реакцию деревенских жителей на научные опыты, которые перед ними демонстрируются, и предлагаемые объяснения и отмечает известную долю скептицизма с их стороны, как по отношению к традиционной медицине, так и к западной. Она фиксирует, что во время проводимых среди них интервью они «не походили на суеверных представителей сельской глубинки, которые безоговорочно и бездумно верили в *baigā*. Они не считали современную медицину превосходящей по своей сути. Точно так же, хотя они считали своих целителей незаменимыми, но в то же время позиционировали их как потенциально двуличных» (с. 220). Этот скептицизм автор рассматривает как защитную реакцию людей и способ снизить риски для своего здоровья и жизни.

Суды

Десятая часть посвящена судьбе дел о колдовстве в судебной системе Индии, а по сути проблеме справедливости, которая должна свершаться по отношению к обвиненным женщинам. Макдоналд рассматривает судебную практику начиная с колониальных

времен и отмечает, что одним из факторов, влияющих на определение степени вины тех, кто преследовал женщин-ведьм, и ее соотношения с наказанием, была «чистота намерений» подсудимых, многие из которых в контексте традиционного общества и верований искренне верили в существование колдовства. Автор приводит примеры долгих процессов, растягивавшихся на годы, в течение которых подозреваемые выпускались под залог, подавались апелляции, снимались или изменялись формулировки обвинений, сокращались сроки тюремного заключения. Тем не менее после 2005 г. с принятием «Закона о предотвращении злодеяний, связанных с колдовством» ситуация значительно улучшилась, и судебные процессы стали не такими затяжными.

Священная индийская семья

Наконец, в заключительной части Макдоналд пытается разобраться в том, как складывалась судьба выживших «ведьм» после кризисных событий (так автор называет непосредственный момент, когда против женщины выдвигается обвинение в колдовстве), о чем они продолжают молчать, как ведут себя члены семьи и местного сообщества. Здесь она приводит непосредственно слова самих женщин, включая Сантхи Баи. Все они оценивают пережитый опыт как разрушительный, сопровождающийся невосполнимыми потерями, утратой достоинства. Они по-прежнему являются объектами остракизма, недоверия, зачастую будучи поставлены на грань голодного существования. Единственный, кто дал Сантхи Баи работу, был деревенский голова Бхайя. При этом остальные, прислуживавшие в его доме слуги уволились, не желая иметь дело с «ведьмой». Тем не менее он не отвернулся от нее, продолжая поддерживать в течение многих лет.

Несмотря ни на что, эти женщины стараются поддерживать образ положительных членов общества и, прежде всего, примерных жен и матерей (с. 251). Макдоналд пишет, что в постколониальной Индии была создана специфическая субъективность «Новой Индийской Женщины». Она должна быть современной, но не западной. Любой вызов этой внутренней логике местной (а на самом деле индусской) культурной системы воспринимается как насилие колониализма и вестернизации и отвергается. Грань между

частной и общественной сферами в Южной Азии имеет большое значение, при этом приватная зона рассматривается как «восточная», «духовная», аутентичная и по традиции является главным доменом женщины. Макдоналд подытоживает: «До тех пор, пока священная индийская семья не будет избавлена от националистической идеологии и женщины больше не будут ставить сохранение семьи выше своей жизни, дом всегда будет местом, где можно бить женщин» (с. 257).

Развязка

Куда же подевалось растворившееся в воздухе тело Мехена? О том, что были свидетели падения Мехена с крыши с самого начала знал деревенский голова Бхайя, о чем он сам сообщил Макдоналд во время ее последнего приезда в Баллабгарру в 2017 г. Она приводит запись из своего дневника: «Сосед, которому Бхайя доверял, сообщил ему..., что Прем и другие родственники, сопровождавшие Мехена в Балоду Базар на лечение, нашли его мертвым на земле и решили (из страха или злого умысла) спрятать тело, вернуться в деревню и обвинить Сантхи Баи» (с. 261). Но эти сведения будто остались незамеченными участниками событий, за исключением местной газеты, упоминавшей об этом факте. Более того, спустя несколько дней нашли тело, и жену и брата Мехена вызвали в полицию, но они не опознали его. Сантхи Баи на опознание не приглашали. В 2017 г. Макдоналд спросила Сантхи Баи, жалеет ли та, что не выдвинула официальные обвинения против преступников, на что Сантхи Баи ответила, что она написала заявление в полицию и положила на заверения полицейских о том, что они «обо всем позаботятся». Она не получала предложений о досудебном урегулировании конфликта, не соглашалась на компромисс. «В этот момент, – пишет Макдоналд, – раздался умоляющий голос Бхайи: “Ко мне пришли старейшины и попросили сделать что-нибудь. Я умолил полицию прекратить дело. Я должен был защитить деревню, что я мог сделать, ты же понимаешь, да?” Я смотрела на старого человека с болезнью Паркинсона и, наконец, услышала правду, о которой он мне всегда говорил: “Это было очень рискованное дело для любой деревни...” Все эти годы,

что Бхайя выказывал жалость по отношению к ней, давая ей работу и предлагая дружбу, вдруг обрели смысл...» (с. 263).

В книге история оказалась распутанной, а в жизни дело против обвинителей Сантхи Баи в колдовстве так и не было открыто. «Семнадцать лет спустя, Бхайя и Сантхи Баи (обладающий властью и бесправная) все еще скованы непростыми отношениями, а истинные виновники насилия так же, как и травма и утраченное достоинство Сантхи Баи остались незамеченными» (с. 263). Эти выдержки из дневника за 2017 г., оставленные без комментариев, и стали заключением к книге.

Список литературы

1. Evans-Pritchard E.E. *Witchcraft, Oracles, and Magic among the Azande*. – Oxford : Clarendon Press, 1976. – 265 p.
2. Levine S. *Children of a Bitter Harvest: Child Labour in the Cape Winelands*. – Boulder, CO : Lynne Rienner, 2014. – 132 p.
3. McGranahan C. *Flash Ethnography: Writing the World, in Brief* // *Anthropology Now*. – 2022. – Vol. 14, Issue 1-2. – P. 133–135.
4. *Flash Ethnography* / McGranahan C., Stone N. (eds.). – URL : <https://americanethnologist.org/features/collections/flash-ethnography/flash-ethnography-an-introduction> (дата обращения 25.01.2024).
5. Osella C. *Ethnographic Shorts* // *Worthing by Accident*. – URL: <https://worthingethnographic.com/ethnographic-shorts> (дата обращения 28.01.2024).
6. Saletore R. *Indian Witchcraft: A Study in Indian Occultism*. – New Delhi : Abhinav Publications, 1981. – 250 p.
7. Sinha Sh. *Culture of Violence or Violence of Cultures? Adivasis and Witch-hunting in Chhotanagpur* // *Anglistica AION*. – 2015. – Vol. 19, N 1. – P. 105–114.
8. Sinha Sh. *Witch-Hunts, Adivasis, and the Uprising in Chhotanagpur* // *Economic and Political Weekly*. – 2007. – Vol. 42, N 19. – P. 1672–1676.
9. Skaria A. *Women, Witchcraft and Gratuitous Violence in Colonial Western India* // *Past and Present*. – 1997. – N 155. – P. 109–141.
10. *Sudden Anthropology. Special Issue of Anthropology and Humanism* / Syring D., Offen J. (eds.). – 2017. – Vol. 42, N 1. – P. 1–155.

МОЗИАС П.М.* МЕСТО И РОЛЬ КИТАЯ В НОВОЙ АРХИТЕКТОНИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АТР

Аннотация. Положение Китая в мире как страны с крупнейшим ВВП и наибольшим внешнеторговым оборотом делает его потенциальным лидером региональных экономических объединений в АТР. Китай стал одним из учредителей Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и подал заявку на присоединение к Всеобъемлющему и прогрессивному Транстихоокеанскому партнерству (ВПТПП). Он заключил двусторонние соглашения о свободной торговле с целым рядом государств АТР. Эти соглашения способствуют росту китайского экспорта и улучшению его качественных характеристик, хотя их возможности пока и используются не в полной мере. Но лидирующее положение в региональных экономических группировках Китая не гарантировано. Сама характеристика этих объединений как интеграционных остается дискуссионной. В любом случае, если региональная экономическая интеграция в АТР и имеет место, то у нее есть существенные отличия от процессов, происходящих в Евросоюзе и ЮСМКА.

Ключевые слова: Китай; региональная экономическая интеграция; соглашения о свободной торговле; экспорт; Азиатско-Тихоокеанский регион.

MOZIAS P.M. China's Stance in the New Pattern of the Asian-Pacific Economic Cooperation

* Мозиас Петр Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ.

Abstract. China's position in the world as the country with both the largest GDP and foreign trade volume makes her a potential leader of regional economic associations in the Asian-Pacific Rim. China has become a founding member of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) and applied to join the Comprehensive and Progressive Trans-Pacific Partnership (CPTPP). She signed bilateral free trade agreements (FTAs) with a number of Asian-Pacific countries. These agreements contribute to the growth of Chinese exports and the improvement of their quality, although a potential of those FTAs has not yet been fully exploited. But China is not guaranteed with a leading position in regional economic groupings. The very characterization of these associations as of integrational ones remains debatable. Anyhow, if regional economic integration in the Asian-Pacific Rim does exist, then it has significant differences from the processes taking place in the European Union and the USMCA.

Keywords: China; regional economic integration; free trade agreements; export; Asian-Pacific Rim.

Для цитирования: Мозиас П.М. Место и роль Китая в новой архитектонике международного экономического сотрудничества в АТР // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 2. – С. 131–158. – DOI: 10.31249/rva/2024.02.09

Уже достаточно давно стало принято говорить, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) сформировался новый, альтернативный евроатлантическому, «центр силы» мировой экономики. Вслед за «экономическим чудом» Японии продолжительный хозяйственный бум пережила «четверка» новых индустриальных стран (НИС) Восточной Азии: Гонконг, Сингапур, Тайвань и Южная Корея. Из всего общемирового массива развивающихся стран только им удалось во второй половине XX в. принципиально изменить свой статус, перейти в группу развитых экономик. Одно время казалось, что компанию им вскоре составят такие страны Юго-Восточной Азии, как Малайзия и Таиланд. Но на рубеже XX–XXI вв. темпы хозяйственной динамики у тех замедлились. Гораздо большее значение для окончательного становления восточно-азиатского и, говоря шире, азиатско-тихоокеанского «центра силы»

имели «открытие» китайской экономики в начале 1980-х годов и ее последующий продолжительный рост высокими темпами.

Пусть Китай и поныне относится к числу развивающихся стран, но еще в 2009 г. он превратился в крупнейшего мирового экспортера товаров, в 2013-м стал глобальным лидером по величине внешнеторгового оборота, а с 2014 г. специалисты МВФ признают китайскую экономику первой в мире по объему ВВП, исчисленного по паритету покупательной способности. Уже просто ввиду масштабов своего хозяйства Китай оказывает основополагающее влияние на экономическую ситуацию и в Восточной и Юго-Восточной Азии, и в АТР в целом. Не только для своих соседей по региону, но и для большинства государств мира он является ныне ведущим торгово-экономическим партнером.

Ради упрощения режимов торговли и инвестиций, да и для укрепления своих геополитических позиций страны АТР заключают друг с другом двусторонние преференциальные соглашения и создают субрегиональные и панрегиональные межгосударственные объединения. С 1967 г. существует Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), куда изначально входили Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины, а впоследствии к ним присоединились Бруней, Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма. Основанный в 1989 г. Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) ныне включает в себя 21 страну и территорию, в том числе и Россию.

В 2010-е годы процесс вышел на качественно новый уровень. В 2016 г. 12 стран (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили и Япония) создали организацию под названием «Транстихоокеанское партнерство» (ТТП). Хотя США в начале 2017 г. по инициативе Д. Трампа из ТТП вышли, но оставшиеся 11 государств предпочли продолжить сотрудничество в этом формате, а в 2018 г. он был переименован во «Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство» (ВПТПП)¹. В ноябре 2020 г. страны АСЕАН и пять ведущих экономических партнеров этой организации, с которыми у нее были ранее подписаны соглашения о свободной торговле (Австралия, Китай, Новая Зеландия, Южная Корея и

¹ В июле 2023 г. к ВПТПП присоединилась Великобритания.

Япония), основали Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП)¹.

Одно время модно было искать в самих концепциях ТТП и ВРЭП прежде всего геополитические смыслы, рассматривать эти проекты в контексте начавшейся между США и КНР прямой конкуренции за сферы влияния. Соответственно, ТТП рассматривалось как американский проект, а ВРЭП – как китайский. Но это и изначально выглядело большой натяжкой. На самом деле ТТП было сперва совместной идеей Брунея, Новой Зеландии, Сингапура и Чили, а уж потом к переговорам подключились США и ряд других стран. Переговоры же о ВРЭП начались по инициативе стран АСЕАН. Теперь же видеть в деятельности этих объединений преимущественно реализацию интересов той или иной сверхдержавы тем более неуместно, так как США из ТТП ушли, а Китай, напротив, в 2021 г. подал заявку на вступление в эту организацию.

Составы стран – участниц ВПТТП и ВРЭП во многом пересекаются, и это, как ни парадоксально, особенно наглядно характеризует реальную разницу между этими объединениями. Они отличаются не геополитическими установками, а конкретным содержанием экономических соглашений (степенями радикализма в либерализации торговых и инвестиционных режимов и в распространении единых стандартов на сферы национальных хозяйств, смежные с внешнеэкономическими, – здесь ВПТТП идет куда дальше, чем ВРЭП).

Другое распространенное заблуждение состоит в том, что региональные экономические объединения, существующие в АТР, автоматически рассматриваются как местные аналоги Евросоюза и Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА, недавно переименованной в ЮСМКА), т.е. эти объединения считаются интеграционными. К сожалению, те, кто высказывает такие оценки, как правило, просто избегают формулировать более или менее четкие определения и критерии самого понятия «региональная экономическая интеграция».

На самом же деле для констатации наличия такого процесса недостаточно просто попыток создания региональных объедине-

¹ Индия, у которой тоже имеется преференциальное торговое соглашение с АСЕАН, от участия в ВРЭП воздержалась, хотя и участвовала в соответствующих переговорах.

ний, да даже и сравнительно высокого уровня экономического сотрудничества между государствами региона. Серьезные экономисты определяют региональную экономическую интеграцию как следствие процесса регионализации – преимущественного внимания страны и ее хозяйствующих субъектов к соседним странам. Регионализация перетекает в интеграцию, если между странами достигается высокий уровень взаимозависимости и он требует координации ими экономической политики, для чего и создается межгосударственное объединение.

Но даже использование термина «регионализация» применительно к экспортноориентированным экономикам Восточной и Юго-Восточной Азии вызывает определенные сомнения, так как в их товарном вывозе очень значительные доли приходится на развитые страны Запада. О согласовании же экономической политики, как неотъемлемой черте интеграции, говорить тем более трудно в свете напряженных политических отношений между многими странами и в Восточной Азии, и в АТР в целом. Так что интеграционный характер межгосударственных объединений в АТР и возможная лидирующая роль в них Китая – это вовсе не аксиомы, а требующие проверки гипотезы. В качестве таковых они и обсуждаются в профессиональной Китае- и англоязычной экономической литературе.

Можно ли сказать, что экономические взаимосвязи стран Восточной Азии делают их «естественными партнерами» по торговому блоку, а потому его формирование рационально и неизбежно? Таким вопросом задался П. Чжоу (экономический факультет Городского университета Нью-Йорка, США) [1]. Он согласен с тем, что последовательность происходивших в экономиках этого региона в 1960–2010-е годы структурных сдвигов может быть истолкована в духе моделей «стаи летящих гусей» К. Акамацу¹ и «пути коллективного развития» Ф. Адама². По мере исчерпания Японией возможностей экспортной специализации на стандартизованных, трудоемких товарах легкой промышленности соответ-

¹ Akamatsu K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // *Developing Economies*. – 1962. – Vol. 1, N 1. – P. 12–21.

² Adam F.G. The East Asian Development Ladder : Virtuous Circles and Linkages in East Asian Economic Development // *East Asian Economic Development* / Adam F.G., Ichimura S. (eds.). – Westport (CT) : Praeger, 1998. – P. 3–18.

ствующие производства переносились в НИС, а сама Япония осваивала сначала зарубежные рынки товаров тяжелой и химической промышленности, а затем – рынки высокотехнологичных товаров. Когда аналогичную эволюцию претерпевали экономики НИС, то они передали «эстафету» трудоемкой экспортной ориентации странам АСЕАН и Китаю, а сами стали культивировать более продвинутые капиталоемкие и наукоемкие отрасли, от которых к тому времени стала избавляться Япония.

Непосредственно передача импульсов структурной перестройки происходила через вывоз прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) сперва из Японии, а затем из Южной Кореи и Тайваня в менее развитые страны региона. Фирмы Японии и НИС осуществляли ПЗИ, реагируя на ухудшение своей конкурентоспособности из-за происходившего по мере развития этих экономик роста зарплат и ревальваций национальных валют. Под воздействием ПЗИ в регионе относительно уменьшилась роль межотраслевой торговли и усилилось значение торговли внутриотраслевой и внутрифирменной. Специализация стран на разных стадиях производства конечных изделий привела к складыванию многоступенчатых глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС). К примеру, в электронике ГЦСС включали в себя осуществление НИОКР в Японии и США, производство полупроводников в Южной Корее и на Тайване, сборку конечных продуктов в странах АСЕАН и Китае, и все это могло происходить в рамках одной и той же транснациональной компании [1, р. 2–8].

Внешним отражением этого процесса формирования ГЦСС и стало, по мнению П. Чжоу, активизировавшееся в Восточной и Юго-Восточной Азии с конца 1990-х годов заключение двусторонних и многосторонних соглашений о свободной торговле (ССТ). Но всё равно остается вопрос, насколько такие соглашения обоснованы экономически. Создание интеграционных группировок рационально, если страны – потенциальные участницы обладают высокой взаимодополняемостью в торговле, настаивает П. Чжоу. Поэтому нужно уточнить, совпадают ли у стран региона сравнительные преимущества (тогда эти страны являются прямыми конкурентами) или же они на международных рынках дополняют друг друга (тогда формирование интеграционных объединений действительно имеет смысл). Если же высокой степени

комплементарности (взаимодополняемости) на самом деле нет, но предпринимаются попытки создания торговых блоков, то они, очевидно, определяются политическими мотивами, и тогда попытки интеграции будут неустойчивыми, малоуспешными [1, р. IX, 301].

Для прояснения ситуации П. Чжоу использовал методику расчета индекса взаимодополняемости (ИВ), индекса интенсивности торговли (ИИТ) и индекса отклонения торговли от потенциала (ИОТП) применительно к парам стран региона [1, р. 302–303]. ИВ измеряет, насколько структура экспорта одной страны соответствует потребностям другой страны в импортных товарах. Если значение ИВ велико, то страны являются «естественными торговыми партнерами». Но потенциальная комплементарность может и не реализовываться на практике. ИИТ как раз и показывает, торгуют ли две страны в действительности между собой более активно, чем с остальным миром. А ИОТП характеризует, насколько реальная доступность экспортных товаров одной страны импортерам другой отличается от потенциальной, которую можно было бы ожидать, исходя из долей этих двух стран в общемировой торговле соответствующими товарами. Между тремя индексами существует следующее соотношение:

$$\text{ИИТ} = \text{ИВ} \times \text{ИОТП}.$$

Расчеты показали, что взаимодополняемость китайской экономики с хозяйствами других стран региона увеличивается со временем. Причем у Китая больше взаимодополняемость с Японией и НИС, чем со странами АСЕАН. Тогда как у НИС в торговле с Японией взаимодополняемость относительно невысока, по многим традиционным товарным позициям японские фирмы всё же сохранили сравнительные преимущества, и они выступают как непосредственные конкуренты для компаний НИС. В торговле с США все азиатские страны, кроме Китая, в начале 1980-х годов имели высокий ИВ, но ситуация изменялась по мере того, как китайские товары захватывали американский рынок: ИВ в торговле КНР и США рос, а соответствующие показатели в торговле других восточноазиатских стран с США снижались.

У Японии и НИС интенсивность торговли с Китаем нарастала по мере «открытия» китайской экономики. Но у Японии ИИТ с Китаем ниже, чем у Гонконга, Тайваня и Южной Кореи, и он ко-

леблется со временем. Из стран АСЕАН наибольшая интенсивность торговли с Китаем у Сингапура, наименьшая – у Малайзии. С Японией страны АСЕАН торгуют более интенсивно, чем с НИС. По-видимому, это так потому, что Япония очень нуждается в сырьевом импорте из Юго-Восточной Азии.

До «открытия» Китая все другие страны Восточной и Юго-Восточной Азии, кроме Таиланда, имели высокие ИИТ с США. Но затем эти показатели стали снижаться, что было связано с нарастанием потоков товаров производственного назначения из Японии и НИС в Китай для доработки там и реэкспорта в США. По результатам расчетов П. Чжоу сделал вывод, что экономики Восточной Азии действительно тесно взаимосвязаны и объективные предпосылки для региональной экономической интеграции налицо [1, р. 305–313, 348].

Другое дело, что интеграционный процесс в данном регионе не может не протекать несколько иначе, чем в Европе и Северной Америке. Во-первых, разброс показателей экономического развития между странами Восточной Азии намного больше, чем внутри Евросоюза и ЮСМКА. Во-вторых, у многих стран Восточной Азии сходные наборы экспортных товаров. В-третьих, значительная часть готовой экспортной продукции стран Восточной Азии предназначена для рынков внерегиональных развитых стран (США, страны ЕС), что само по себе затрудняет создание единого торгового блока. В-четвертых, из-за различия уровней развития приоритеты стран в отношении либерализации не совпадают. Так, Япония заинтересована в либерализации торговли услугами, а развивающиеся страны – в либерализации торговли товарами. Разнятся пожелания стран и в отношении торговли аграрной продукцией: одни страны хотят ее либерализации, другие склонны к протекционизму в отношении собственных сельхозпроизводителей [1, р. 354].

Нужно также иметь в виду, что экономическая интеграция малых и крупных стран через активизацию межстранового движения капитала вызывает формирование промышленных кластеров на территориях крупных стран: промышленность сосредотачивается там, где возможна реализация эффекта масштаба. Иными словами, интеграция склонна порождать структуры типа «Центр –

Периферия»¹. Причем Центром в объединении обычно становится такая страна, ССТ с которой больше всего ценятся странами региона, так как именно на ее рынок они прежде всего хотят направлять свои экспортные потоки. В ЮСМКА эту роль играют США, а в ЕС – Германия. Но в Восточной Азии такую страну выделить сложнее, чем в других регионах. На роль Центра могут претендовать и Китай, и Япония. Более того, по мнению П. Чжоу, поскольку США выступают в качестве уникального «рынка последней инстанции» для экспортноориентированных азиатских экономик, то создать институциональные рамки интеграции в Восточной Азии нереально, если не включить в торговый блок и США, а они по определению будут претендовать на положение Центра [1, р. 355–362].

Книга П. Чжоу вышла в свет, когда переговоры о ТТП были далеки от завершения, а диалог о ВРЭП только начинался. Но еще тогда П. Чжоу предсказывал, что в Восточной Азии не возникнет единой интеграционной группировки по типу ЕС, а будет существовать несколько торговых блоков с пересекающимися составами участников [1, р. 349, 357, 369–373].

Хань Цзянь (экономический факультет Нанкинского университета) и Ван Цань (факультет торговли того же университета) [2] тоже считают, что глубинная основа для попыток региональной экономической интеграции – это формирование ГЦСС. Но они обращают внимание на то, что непосредственная причина, побуждающая многие страны инициировать преференциальные торговые соглашения, – это длительный застой переговоров о дальнейшей торговой либерализации на уровне ВТО. Фактический паралич начавшегося еще в 2001 г. в Дохе IX раунда многосторонних переговоров как раз и привел к тому, что поднялась «волна» заключения двусторонних и региональных торговых соглашений. Показательно, что с момента подписания ГАТТ в 1948 г. и до создания ВТО в 1994 г. таких соглашений в мире было подписано 124, а за 1995–2017 гг. – более 400. Из 279 соглашений, вступивших в силу на конец 2017 г., 234 – это собственно ССТ (предполагающие движение к полной отмене тарифных и нетарифных барьеров в

¹ Буквально П. Чжоу пишет о структуре «Втулка колеса – спицы» (“Hub – spoke”).

торговле между государствами-участниками), 16 – соглашения о преференциальной торговле (в их рамках либерализация охватывает только ограниченный круг товарных позиций, по которым не существует непреодолимых противоречий интересов), а 29 – соглашения о таможенных союзах (они предусматривают не только либерализацию торговли между участниками, но и проведение ими единой торговой политики в отношении остального мира) [2, с. 55, 57].

Но изменилось не только число ССТ, другими стали и их качественные характеристики. Традиционно ССТ фокусировались на устранении тарифных и нетарифных барьеров для торговли, т.е. «препятствий на границе». А ССТ нового поколения уделяют большое внимание тем проблемам, которые контрагентам по внешнеэкономическим сделкам приходится решать уже «после пересечения границы», это вопросы защиты прав интеллектуальной собственности, конкурентной политики, организации электронной торговли, борьбы с коррупцией, гарантирования прав человека и т.д. Большая «глубина» ССТ, т.е. охват ими широкой тематики, имеющей отношение к международным экономическим отношениям, создает более благоприятные, чем раньше, возможности для сотрудничества в рамках ГЦСС.

Так, выполнение ССТ функции предоставления гарантий снижает издержки участников международной кооперации, связанные с доведением товаров до конечных потребителей (издержки по уплате таможенных пошлин и преодолению нетарифных барьеров, издержки хранения, транспортные издержки). В современных ГЦСС только около 10% добавленной стоимости формируется собственно в производствах обрабатывающей промышленности, а остальные 90% приходятся на трансграничное оказание услуг производственного характера. Поэтому так важно распространение сферы действия ССТ на торговлю услугами, в том числе электронную коммерцию. А включение в ССТ процедурных вопросов разрешения споров и обеспечения транспарентности снижает риски, порождаемые возможностью непредсказуемых изменений экономической политики в странах-участницах [2, с. 55–57].

Исходя из того, как именно обеспечивается «глубина» ССТ, уже действующие такие соглашения принято подразделять на категории «ВТО+» и «ВТО – X». Модель «ВТО+» предусматривает,

что ССТ основано на всем наборе норм ВТО, но предполагает и ряд дополнительных либерализационных условий или условий, проработанных более детально, чем в соглашениях, имеющихся в ВТО. Это могут быть дополнительные тарифные уступки, процедуры взимания экспортных пошлин, правила применения технических барьеров в торговле, процедуры антидемпинговых и компенсационных расследований и т.д., всего таких условий может быть до 14. Модель «ВТО – X» означает, что в ССТ включаются статьи по проблематике, вообще не покрываемой соглашениями, принятыми в ВТО: это вопросы борьбы с коррупцией, конкурентной политики, охраны окружающей среды, регулирования трудовых отношений и др., всего таких направлений насчитывается до 38 [2, с. 57–58]. Надо сказать, что проблематика, относимая к модели «ВТО+», присутствует в действующих ССТ гораздо чаще, чем та, которая относится к модели «ВТО – X».

Для оценки влияния, которое оказывает заключение ССТ на участие стран-подписантов в ГЦСС, Хань Цзянь и Ван Цань построили регрессионную модель. Объясняемыми переменными в ней являются индексы, характеризующие положение страны в ГЦСС:

1) индекс участия в ГЦСС, рассчитываемый исходя из доли стоимости, добавленной в стране, в совокупной стоимости ее экспорта;

2) индекс протяженности ГЦСС, который рассчитывается на основе данных об использовании определенного товара в процессе производства изделия конечного спроса (сопоставляется стоимость конечной и промежуточной продукции);

3) индекс удаленности конечного спроса, который вычисляется исходя из того, сколько стадий производства нужно еще пройти товару для того, чтобы превратиться в готовую продукцию.

В качестве объясняющих переменных выступают число ССТ, подписанных страной, и «глубина» таких соглашений (она оценивается по количеству условий, включенных в ССТ). В регрессию включены также контрольные переменные:

1) темп экономического роста в стране;

2) доля чистого притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ВВП страны;

3) доля расходов на НИОКР в ВВП страны;

4) уровень человеческого капитала, накопленного в стране.

Он оценивается по удельному весу студентов вузов в совокупном населении страны.

Индексы, свидетельствующие о той роли, которую играет страна в ГЦСС, взяты авторами из базы данных Азиатского банка развития World Input-Output Database (WIOD) и базы данных по ГЦСС, которая ведется в пекинском Университете внешнеэкономических связей и торговли. Данные о числе ССТ, их содержании и информация по контрольным переменным взяты из базы данных Всемирного банка. Были использованы данные по 41 стране за 2005–2014 гг. [2, с. 60–61].

Расчеты по модели выявили, что увеличение «глубины» ССТ действительно оказывает на индекс участия страны в ГЦСС заметное позитивное влияние, а вот рост числа ССТ, заключенных страной, таких последствий не вызывает. Из контрольных переменных на участие страны в ГЦСС ощутимо влияет со знаком «плюс» только увеличение расходов на НИОКР. Тогда как избыточный приток ПИИ в страну может, напротив, вызвать негативные последствия. Очевидно, это связано с тем, что усиление контроля зарубежных инвесторов над ГЦСС может сдерживать передачу ими технологий национальным предприятиям. Влияние со стороны динамики ВВП и накопления человеческого капитала на характер участия страны в ГЦСС позитивное, но очень ограниченное.

Выяснилось, что «углубление» содержания ССТ вызывает также и увеличение протяженности ГЦСС, тогда как рост числа ССТ не оказывает статистически значимого влияния на индекс протяженности ГЦСС. Из контрольных переменных с индексом протяженности ГЦСС негативно коррелирует приток ПИИ, а позитивно – расходы на НИОКР. Темпы экономического роста и уровень накопленного человеческого капитала на этот индекс не имеют влияния.

«Глубина» ССТ также помогает странам-участницам сдвигаться поближе к «верхним» звеньям ГЦСС, где генерируются технологии и дизайн продукции – в отличие от «нижних» звеньев, где предприятия отвечают за обработку материалов и сборку конечной продукции, а также за послепродажное обслуживание. Об этом свидетельствует позитивная корреляция «глубины» ССТ с

индексом удаленности конечного спроса. Напротив, увеличение числа ССТ не оказывает на этот индекс статистически существенного влияния. Из контрольных переменных на значения этого индекса ощутимо и позитивно влияют динамика ВВП, приток ПИИ и расходы на НИОКР, а заметной корреляции этого индекса с характеристиками человеческого капитала страны исследование не обнаружило.

Истолковать это можно так, что заключение «глубоких» ССТ позволяет развивающимся странам постепенно превращаться в производителей товаров промежуточного спроса (раньше такие товары они в рамках ГЦСС преимущественно импортировали из развитых стран). Но и развитые страны «возвращают» себе часть операций по производству изделий конечного спроса, ранее уступленных странам глобального Юга, и при этом углубляют свою специализацию по услугам производственного характера [2, с. 61–63].

Цзи Фэй (НИИ международной стратегии Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу) и Чэнь Цзиюн (факультет экономики и менеджмента Уханьского университета) [3] ставят вопрос о том, чем руководствуются страны, когда выбирают между подписанием двусторонних ССТ и вступлением в многосторонний торговый блок. В принципе, у каждого из этих вариантов есть свои преимущества.

При обсуждении условий двустороннего соглашения страны могут уделить больше внимания тому, что непосредственно затрагивает их интересы, им не нужно тратить много времени и усилий на согласование позиций с третьими странами по малозначимой для них тематике. Зато в ходе многосторонних переговоров у государств больше возможностей для маневра и для взаимных уступок. Кроме того, заключение многостороннего соглашения позволяет избежать наложения друг на друга и переплетения условий множества двусторонних ССТ, т.е. того, что было названо Дж. Бхагвати эффектом «чаши спагетти»¹.

Цзи Фэй и Чэнь Цзиюн выясняют, как сказались на экспортной и импортной торговле Китая имеющиеся у него ССТ и в каких случаях позитивные эффекты больше – при заключении двусто-

¹ Bhagwati J. Regionalism and Multilateralism : An Overview // New Dimensions in Regional Integration / De Melo J., Panagariya A. (eds.). – New York : Cambridge University Press, 1993. – P. 22–51.

ронных или многосторонних соглашений. Вплоть до учреждения ВРЭП в 2020 г. к числу многосторонних региональных торговых соглашений, в которых участвовал Китай, можно было отнести только фактически так толком и не заработавшую зону свободной торговли в рамках АТЭС и зону свободной торговли «Китай – АСЕАН» (с той оговоркой, что это ССТ со всей АСЕАН, а не с отдельными ее членами, т.е. формально оно двустороннее). Кроме того, Китай выполняет многосторонние торговые соглашения, действующие в ВТО. Из стран АТР подписали с Китаем двусторонние ССТ Австралия, Камбоджа, Коста-Рика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили и Южная Корея, а из внерегиональных государств – Грузия, Исландия, Мальдивы, Пакистан и Швейцария. У Китая есть также соглашения о преференциальной торговле с Бангладеш, Индией, Лаосом и Шри Ланкой.

В обработке данных о торговле Китая с его партнерами по двусторонним и многосторонним соглашениям Цзи Фэй и Чэнь Цзиюн задействовали методы Propensity Score Matching (PSM) и Difference in Difference (DID). Метод PSM позволяет скорректировать структуру выборки для исследования так, что из нее удаляются страны, по своему экономическому потенциалу слишком сильно отличающиеся в ту или иную сторону от основного массива. В рамках метода DID выявляется влияние на торговлю между странами–подписантами соглашений со стороны изменений в экономической политике, случившихся после заключения соглашений, а также учитывается фактор времени, прошедшего с момента вступления соглашений в силу.

На основе комбинации этих двух методов авторами построена модель с двумя уравнениями, в которых величины экспорта и импорта тех или иных товаров в торговле Китая с определенной страной поставлены в зависимость от наличия / отсутствия ССТ с ней и от того, каким является ССТ – двусторонним или многосторонним. В модель включены также контрольные переменные:

- подушевой ВВП в стране – торговом партнере Китая;
- индекс эффективности государственного управления в стране-партнере;
- величина населения страны-партнера (она характеризует масштабы рынка этой страны);

- инфляция в стране-партнере;
- валютный курс юаня.

В расчетах по модели использованы данные о торговле КНР с более чем 70 странами и территориями за 2006–2015 гг. Среди стран, охваченных выборкой, есть как страны, подписавшие ССТ с Китаем, так и страны, этого не сделавшие [3, с. 43–45].

Расчеты показали, что заключение ССТ с определенными странами действительно влияет на характер торговых отношений Китая с ними. Но в большей степени благодаря ССТ активизируется импорт Китая из страны – партнера по соглашению, а не китайский экспорт в данную страну. Если до начала действия ССТ у КНР в торговле со страной-партнером было большое положительное сальдо (а это почти всегда так), то в результате выполнения соглашения профицит уменьшается. Получается, что от ССТ в большей степени выигрывают торговые партнеры КНР, которые могут увеличить свои поставки на китайский рынок. А экспорт Китая в эти страны и так велик, ССТ дополнительно стимулируют его, но нельзя сказать, что это фактор, принципиально меняющий сложившуюся ситуацию [3, с. 46–47].

Далее Цзи Фэй и Чэнь Цзюнь конкретизировали свой анализ, выделив в структуре экспорта и импорта четыре категории товаров (трудоемкие, капиталоемкие, наукоемкие и прочие) и учтя, что ССТ бывают как двусторонние, так и многосторонние. Стимулирующее влияние ССТ на торговлю Китая со странами-партнерами выявлено по всем четырем группам. Но по трудо-, капитал- и наукоемким товарам действие ССТ в большей мере способствует росту китайского импорта, а не экспорта. По прочим товарам ситуация примерно такая же, но менее четко выраженная.

Тем не менее стимулирующее влияние на китайский экспорт в страны-партнеры тоже есть, его оказывают как двусторонние, так и многосторонние ССТ. Но по всем четырем группам экспортных товаров было выявлено, что стимулирующий эффект многосторонних соглашений больше, чем аналогичное воздействие со стороны двусторонних ССТ. Такая же ситуация наблюдается и по импорту товаров всех четырех групп: многосторонние ССТ в большей степени способствуют его росту, чем это делают двусторонние соглашения [3, с. 48–50].

Если Цзи Фэй и Чэнь Цзюнь исследовали влияние ССТ на количественные параметры китайской внешней торговли, то Фань Чжаобинь и Чжоу Ин (факультет международной торговли Цзинаньского университета) [4] интересуются качественной стороной дела: они выясняют, как наличие преференциальных торговых соглашений сказывается на технологической сложности китайского экспорта. По идее, такое влияние может передаваться по двум каналам. Во-первых, благодаря уменьшению или отсутствию таможенных пошлин могут снижаться издержки фирм-экспортеров и увеличиваться их рентабельность. Во-вторых, может уменьшаться степень неопределенности в том, что касается экономической политики стран – участниц соглашения, т.е. снизятся политические риски для экспортеров. Результатами действия обоих этих механизмов влияния будут выход на внешние рынки большего числа компаний, реализация ими эффекта масштаба и внедрение более продвинутых технологий.

Эти предположения Фань Чжаобинь и Чжоу Ин проверяют с помощью регрессионной модели, в которой в качестве объясняющей переменной выступает наличие / отсутствие у КНР преференциального торгового соглашения с определенной страной, а объясняемая переменная – это технологическая сложность торговли Китая с этой страной. Для характеристики технологической сложности используются индексы, разработанные Р. Хаусманном, Дж. Хваном и Д. Родриком¹:

– PRODY (он связывает технологическую структуру экспорта страны с показателем ее подушевого ВВП);

– EXPY (он рассчитывается как значение PRODY, средневзвешенное по долям отдельных товарных групп в экспорте, что и позволяет оценить технологическую сложность товарного вывоза).

В расчетах были использованы данные о китайском экспорте продукции обрабатывающей промышленности по 10 товарным группам за 1995–2015 гг. [4, с. 88–89].

Авторы учли также, что при заключении торговых соглашений страны могут принимать в расчет географическое расстояние между ними (чем оно меньше, тем больше вероятность подписа-

¹ Hausmann R., Hwang J., Rodrik D. What Your Export Matters // Journal of Economic Growth. – 2007. – Vol. 12, N 1. – P. 1–25.

ния соглашения); показатели своих реальных ВВП (чем они больше, тем более склонны страны заключать соглашения, так как высокое значение ВВП означает наличие емкого рынка в стране); величины своих подушевых ВВП (их близость означает, что страны находятся примерно на одном и том же уровне развития, а это делает их более склонными заключать соглашения). Соответствующие переменные тоже включены в модель. А для того чтобы сделать данные более репрезентативными, выборка стран – торговых партнеров Китая формировалась с помощью метода PSM: из нее были устранены аномальные «выбросы» по этим трем переменным.

В конечном счете в выборке численное соотношение группы стран, с которыми у Китая подписаны торговые соглашения, и группы государств, с которыми таких соглашений нет, составило 1 : 3. Это позволило провести анализ методом «от противного», т.е. посмотреть, что было бы с технологической сложностью экспорта, если бы торговые соглашения вообще не заключались [4, с. 90–94].

Расчеты по модели выявили устойчивую позитивную корреляцию между заключением торговых соглашений и технологической сложностью китайского экспорта в соответствующие страны, первое действительно ведет к увеличению второго. Причем после заключения соглашений о преференциальной торговле сложность китайского экспорта возрастает в среднем на 10,4%, а после заключения ССТ – на 11,1%, т.е. воздействие ССТ пусть и не намного, но более сильное. Иными словами, чем «глубже» содержание торгового соглашения, тем сильнее то позитивное влияние, которое оказывается на технологическое содержание китайского экспорта [4, с. 94–96].

Важные нюансы, касающиеся выхода китайских предприятий на экспортные рынки с помощью ССТ, уточняют Хань Цзянь (экономический факультет Нанкинского университета), Юэ Вэнь (факультет торговли Цзяннаньского университета, Нанкин) и Лю Шо (факультет торговли Нанкинского университета) [5]. По условиям ССТ страны-участницы предоставляют друг другу возможность пользоваться более льготными ставками таможенных пошлин, чем те, которые действуют в торговле между государствами – членами ВТО, предоставившими взаимно режим наибольшего благоприятствования (РНБ). Нередко таможенные пошлины в тор-

говле между подписантами ССТ вообще обнуляются. Но результативной такая политика становится, только если льготные условия распространяются на большинство предприятий стран – участниц ССТ. Иначе говоря, важна фактическая исполняемость ССТ.

В реальности к некоторому числу хозяйственников информация о содержании ССТ не поступает или они не могут ее осмыслить. Важно также, что для того чтобы экспортные товары могли поставляться на условиях ССТ, они должны соответствовать правилам, по которым определяется происхождение товаров именно из стран – участниц ССТ. А поскольку часто бывает так, что одна и та же страна подписывает много ССТ, то правила происхождения, заложенные в разные соглашения, наслаиваются друг на друга, вызывая эффект «чаши спагетти», и воспользоваться ССТ как каналом экспорта становится особенно сложно.

В силу этих причин для того, чтобы действительно получить возможность ввозить свои товары в государства-партнеры по пониженным тарифам, предприятия вынуждены нести определенные «издержки использования» ССТ (издержки мониторинга условий ССТ, издержки на ведение документации в соответствии с правилами определения страны происхождения товаров и т.д.). Наличие «издержек использования» и приводит к тому, что далеко не все предприятия пользуются условиями ССТ, исполнение таких соглашений далеко не полное [5, с. 165–166].

По поводу количественной оценки «издержек использования» в литературе предложены две методики. Одна из них основана на гравитационной модели торговли и дает оценку относительной величины «издержек использования» (как доли таможенных платежей или доли цены экспортного товара). Применяющие эту методику экономисты обращают внимание на то, что наличие правил определения страны происхождения товаров представляет собой скрытое препятствие для использования режима ССТ. Оно порождает «издержки соответствия» как составную часть «издержек использования». Общую величину «издержек использования» большинство исследователей оценивает в диапазоне 3–5% от стоимости уплачиваемых предприятиями-экспортерами таможенных сборов.

Вторая методика предполагает установление абсолютной величины «издержек использования». Следующие этой методике

экономисты исходят из того, что наличие правил определения страны происхождения побуждает предприятия к закупкам не самых дешевых товаров производственного назначения внутри собственной страны. А в результате для некоторых категорий «предельных предприятий» уже нет разницы, какой канал экспорта использовать – ССТ или обычный РНБ. Существенной выгоды от задействования механизма ССТ они все равно не получают, ибо «издержки использования» компенсируют для них выигрыш от снижения пошлин в стране-партнере. Равновесная величина «издержек использования» как раз и определяется применительно к «предельным предприятиям». Обычно считается, что для приведения партии экспортного товара в соответствие с правилами определения страны происхождения компании-экспортеру приходится нести затраты величиной в несколько тысяч долларов [5, с. 167].

Хань Цзянь и его коллеги разработали теоретическую модель, в которой различия реакции предприятий на предложения использовать режим ССТ объясняются гетерогенностью, т.е. объективными различиями, самих предприятий. Модель предполагает существование экономики, где все имеющиеся предприятия занимаются экспортной деятельностью. Для этого они могут задействовать преференциальный режим ССТ, но существуют и определенные издержки его использования. Соответственно, прибыль предприятия-экспортера, исчисленная на основе цены FOB, уменьшается на величину «издержек использования».

Выбор предприятия по поводу использования / неиспользования условий ССТ определяется пороговым значением производительности этого предприятия: оно будет осуществлять экспорт в рамках ССТ, если его производительность выше определенной величины, пропорциональной уровню зарплат на предприятии, умноженному на «издержки использования» ССТ. Предприятия с низкой производительностью скорее предпочтут торговать на основе обычного РНБ, так как «издержки использования» отняли бы у них слишком значительную часть прибыли. Так что осуществляют экспорт в рамках ССТ преимущественно предприятия с высокой производительностью.

«Издержки использования» рассчитываются в модели исходя из ставок таможенных пошлин в стране-импортере, с которой у страны-экспортера подписано ССТ, а также цен FOB на экспорт-

ные товары данной страны. «Издержки использования» определяются путем выбора «предельного предприятия», уровень его производительности как раз соответствует пороговому значению, при превышении которого возникает заинтересованность в использовании условий ССТ, а самому «предельному предприятию» безразлично, какой из двух режимов (РНБ или ССТ) задействовать.

Если «издержки использования» у компании-экспортера выше, чем у «предельного предприятия», то, осуществляя вывоз товаров по каналу ССТ, она будет нести слишком заметные потери прибыли. А если «издержки использования» у компании меньше, чем у «предельного предприятия», то она будет пользоваться режимом ССТ, и это почти наверняка компания с высокой производительностью.

В реальной хозяйственной практике между ставками импортных таможенных пошлин, предусмотренными РНБ, и ставками, действующими в рамках ССТ, могут быть различные соотношения. Во-первых, ставки РНБ могут быть нулевыми, и тогда заключение страной ССТ мало сказывается на ее внешней торговле.

Во-вторых, ставки РНБ могут быть равны ставкам ССТ и при этом ненулевыми. В таком случае часть предприятий-экспортеров может предпочесть РНБ, так как переход на условия ССТ будет чреват для них слишком большими «издержками использования». Подобные ситуации возникают, если в ходе переговоров о заключении ССТ по каким-то товарам сторонам не удалось договориться о взаимных тарифных уступках и преференциальный режим по этим товарам в условия ССТ не заложен. Другой возможный вариант – это когда либерализация взаимной торговли в рамках ССТ осуществляется постепенно, по определенным товарам снижение пошлин должно произойти только в перспективе, а пока действуют ставки РНБ.

В-третьих, ставки ССТ могут быть меньше ставок РНБ, но предприятия тем не менее могут избегать их задействования ввиду того, что выгоды от применения режима ССТ меньше, чем «издержки использования».

Наконец, в-четвертых, может быть так, что ставки ССТ меньше ставок РНБ и предприятия их реально используют. Доля товаров, торгуемых на таких условиях, в общем обороте торговли

между странами – участницами ССТ как раз и характеризует выполнение таких соглашений [5, с. 169–170].

Хань Цзянь и его соавторы при количественной оценке выполнения ССТ, подписанных Китаем, не берут в расчет случаи, когда ставки РНБ нулевые или когда они меньше ставок ССТ. Во всех ССТ, вступивших в силу на момент публикации статьи, за исключением соглашения «КНР – Пакистан», сфера предоставления взаимных преференций в торговле охватывала более 90% товарных позиций. Австралия, Исландия и Новая Зеландия вообще должны были освободить в конечном счете от взимания импортных пошлин все поставляемые из Китая товары.

Большинство соглашений предполагало, что либерализация торговли произойдет в течение десяти лет. Но ССТ Китая с развитыми странами предусматривали, что по многим позициям обнуление пошлин произойдет сразу после вступления соглашения в силу. Например, Австралия взяла на себя обязательство сделать так по 91,6% товарных позиций, ввозимых из КНР.

Расчеты Хань Цзяня и его коллег засвидетельствовали, что по состоянию на 2016 г. выполнение ССТ Китая с АСЕАН составило 46,16%, с Чили – 61,26, с Пакистаном – 58,26, с Новой Зеландией – 50,28, с Перу – 51,36, с Коста-Рикой – 42,29, с Исландией – 35,61, со Швейцарией – 40,27, с Южной Кореей – 43,42, с Австралией – 39,28%. Так что потенциал всех этих соглашений сильно недоиспользовался. Исключением на этом фоне выглядело 100%-ное выполнение ССТ «Китай – Сингапур», но оно объяснялось тем, что Сингапур – это порт свободной торговли и ставки РНБ почти по всем товарам там нулевые [5, с. 171].

Показательна и ситуация в разбивке по отраслям. На продукцию машиностроения, текстиль, обувь и другие потребительские товары в совокупности приходится порядка 65% китайского товарного экспорта. Но в 2016 г. в торговле со странами, с которыми у Китая были ССТ, только 42,68% экспортных поставок китайского оборудования и 15,28% поставок китайского текстиля осуществлялись на условиях ССТ.

В случае с текстильной продукцией низкая величина, очевидно, объясняется тем, что в китайской текстильной промышленности много малых и средних предприятий, для которых «издержки использования» слишком велики: предприятия не хотят

тратиться на документацию, нужную для подтверждения страны происхождения товара. Кроме того, значительная часть текстиля и одежды производится в Китае по заказам иностранных фирм и реализуется за рубежом под их брэндами. Доля прибыли, остающейся в Китае, не превышает 10%, она не может перекрыть «издержки использования» даже несмотря на то, что ССТ предусматривают значительное снижение пошлин на китайский текстиль.

В машиностроении доля стоимости, добавленной в Китае, в ценах экспортных товаров тоже не слишком большая, эта отрасль китайской экономики в высокой степени зависима от импортных технологий. А ставки РНБ по продукции машиностроения сравнительно низкие, так что у предприятий нет особой заинтересованности в переходе на условия ССТ, большого выигрыша от этого они не получают [5, с. 173].

Учреждение ВРЭП и участие в нем Китая могут оказать существенное влияние на конкурентные позиции китайских предприятий на рынках АТР. Юань Бо, Ван Жуй, Пань Ичэнь и Чжао Цзин (Институт международной торговли и экономического сотрудничества при Министерстве коммерции КНР, Пекин) [6] отмечают, что ВРЭП обещает стать крупнейшей зоной свободной торговли в мире. На страны, вошедшие в это объединение, в 2019 г. приходилось 30% мирового ВВП и 28% оборота международной торговли, что превышало аналогичные показатели ЕС, ЮСМКА и ВПТПП.

Для большинства государств – участников ВРЭП Китай – это главный экспортный рынок и первый по значению источник импорта. Доля этих стран во внешней торговле КНР товарами находилась в 2010-е годы на уровне 30–31%, а в китайской торговле услугами – на уровне 21%. Главные источники ПИИ в китайскую экономику из стран ВРЭП – это АСЕАН (на 90% инвестиции из этой группы – сингапурские), Япония и Южная Корея. Наибольший удельный вес в китайских ПЗИ в страны объединения тоже приходится на страны АСЕАН: на конец 2020 г. накопленные ПЗИ китайских предприятий там достигли 127,6 млрд долл. Также достаточно велики китайские ПЗИ в Австралии, а вот в Японии, Южной Корее и Новой Зеландии они в среднем не превышают 1 млрд долл. в год в каждой из стран [6, с. 6–8].

ВРЭП предполагает, что в конечном счете по более чем 90% позиций товарной торговли стран-участниц таможенные пошлины будут обнулены, но движение к этому займет десять лет. У отдельных стран тарифные обязательства разные. Те страны, которые одновременно участвуют и в ВРЭП, и в ВПТПП, при вступлении в ту и другую организацию взяли на себя разные обязательства.

Япония обязалась довести долю полностью либерализованных товарных позиций в торговле со странами ВРЭП до 81–88%, Южная Корея – до 83–91, Австралия – до 98, Новая Зеландия – до 92, Сингапур – до 100, Бруней – до 98, Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины – до примерно 90, Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма – до 86–87%.

Китай обещал довести уровень либерализации торговли с партнерами по ВРЭП до 86–91%, в том числе в торговле с АСЕАН – до 90,5%, с Австралией и Новой Зеландией – до 90, с Японией – до 86%.

По некоторым позициям предусмотрена более далекоидущая либерализация, чем предусмотренная в ССТ «Китай – АСЕАН». Так, Индонезия пошла на дополнительную либерализацию импорта из Китая морепродуктов, табачного листа, химической продукции, пластмасс; Малайзия – ввоза из КНР хлопкового волокна, запчастей и компонентов для продукции машиностроения, автомобилей и мотоциклов; Филиппины – ввоза китайских медикаментов, одежды, компонентов для двигателей, а также автомобилей и запчастей к ним; Таиланд – импорта китайской бумаги, олова и электротехники. В свою очередь, Китай обещал либерализовать ввоз из стран АСЕАН целого ряда сельскохозяйственных и промышленных товаров.

Но надо сказать, что в ВПТПП уровень либерализации выше: Япония там обязалась обнулить пошлины на импорт по 95% товарных позиций, а другие участники – по 99–100%. По отдельным страновым трекам внутри ВРЭП намечена более скромная либерализация, чем в среднем по объединению, это касается прежде всего торговли в «треугольнике» Китай – Япония – Южная Корея.

В сфере торговли услугами ВРЭП предоставило некоторым участникам переходные, адаптационные периоды, а в конечном счете всеми странами должен быть реализован принцип «негатив-

ного перечня», т.е. в общем случае предполагается свободный вход поставщиков услуг на рынки других стран объединения, а протекционистские ограничения возможны только по специально оговоренным видам услуг. Австралия, Бруней, Малайзия, Сингапур, Южная Корея и Япония с самого начала учредили у себя систему «негативного перечня». Китай, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Новая Зеландия, Таиланд и Филиппины временно используют систему «позитивного перечня», т.е. выделения отраслей сферы услуг, «открытых» для поставщиков из других стран ВРЭП. Но Китай, Вьетнам, Новая Зеландия, Таиланд и Филиппины осуществляют переход от одной системы к другой в течение шести лет после вступления ВРЭП в силу, а Камбоджа, Лаос и Мьянма – в течение 15 лет.

В сфере обмена капиталовложениями тоже предусмотрена модель «негативного перечня». Австралия, Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Южная Корея и Япония собираются применять ее в отношении инвестиций во всех отраслях. КНР, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Новая Зеландия, Таиланд и Филиппины задействуют ее в добывающей и обрабатывающей промышленности, сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве, вынося за скобки сферу услуг.

Но надо сказать, что Китай «открыл» для иностранных инвесторов около 100 отраслей сектора услуг после присоединения к ВТО в 2001 г. А теперь в рамках ВРЭП к ним были добавлены еще 22 отрасли, в том числе авиаперевозки, управленческое консультирование, сфера НИОКР и др. В 37 отраслях (в том числе в финансовом секторе, строительстве, морских перевозках и др.) обязательства по либерализации стали более радикальными. В таких отраслях, как консалтинг, обработка цифровых данных, реклама, дизайнерские услуги, парикмахерское дело и т.д., иностранным инвесторам предоставлен национальный режим хозяйствования. Но в здравоохранении и стоматологии ПИИ по-прежнему допускаются только через создание паевых совместных предприятий, как и в маркетинговых услугах, управленческом консультировании, охранной деятельности, полиграфии. В отрасли телекоммуникационных услуг доля иностранных инвесторов в капиталах СП может достигать 50%; в мобильной связи, цифровых услугах и кинопрокате – 49%; в образовательных услугах разрешено сотрудни-

чество по модели контрактных совместных предприятий. За китайской стороной должны сохраняться контрольные пакеты в компаниях по ремонту авиатехники и обустройству рабочих станций, предоставляющих компьютерные услуги. Так что обязательства перед ВРЭП – это новый шаг в либерализации режима для ПИИ в Китае [6, с. 4–6].

Юань Бо и его коллеги прогнозируют, что действие ВРЭП (оно вступило в силу с начала 2022 г.) благодаря постепенному обнулению импортных пошлин приведет к росту торговли КНР с теми странами объединения, с которыми у Китая до сих пор не было ССТ, в том числе и с Японией. Возможно, ускорятся давно идущие переговоры о создании трехсторонней зоны свободной торговли «Китай – Япония – Южная Корея», или же будут заключены двусторонние ССТ «Япония – Южная Корея» и «Китай – Япония».

При применении правил определения страны происхождения товара все страны ВРЭП будут рассматриваться как одно целое, что позволит компаниям легче достигать норматива в 40% стоимости, добавленной внутри объединения, а это и есть условие предоставления им преференциального торгового режима, установленного во ВРЭП. Тем самым ускорится формирование ГЦСС в регионе с участием китайских предприятий, для последних будут облегчены закупки импортного сырья и оборудования.

В то же время усилится конкурентное давление на китайских производителей со стороны импорта; особенно, как считают Юань Бо и соавторы, это коснется продукции машиностроения, пищевой и химической промышленности. Китайские производители автомобилей и электротехники смогут задействовать преимущества своего промежуточного положения между японскими и корейскими разработчиками технологий и поставщиками высокотехнологичных компонентов, с одной стороны, и производителями простых компонентов из стран АСЕАН – с другой. Это тоже создаст условия для более эффективного участия китайских предприятий соответствующих отраслей в ГЦСС. Но ускорится и вынос трудоемких отраслей (легкой и текстильной промышленности) из Китая в страны Юго-Восточной Азии, который начался под воздействием роста издержек внутри китайской экономики, а продолжился

из-за введения в США повышенных таможенных пошлин на товары, произведенные в КНР [6, с. 9–11].

Что же касается ВПТПП, то теперь, после выхода США из этого соглашения, оно воспринимается в Китае не как конкурирующий с ВРЭП проект, а как совокупность стандартов, к которым Китаю нужно стремиться, но пока он к ним в полной мере не готов. Чжоу Чао (факультет современного сельского хозяйства Пекинского университета) [7] отмечает, что некоторые условия ВПТПП (о свободе циркуляции цифровой информации, о стандартах трудовых отношений, о защите прав интеллектуальной собственности, о режиме функционирования госпредприятий и антимонопольном регулировании) для Китая и сейчас неприемлемы, хотя он и подал заявку на вступление в ВПТПП в сентябре 2021 г. [7, с. 69].

Чжоу Чао с помощью эконометрической модели выясняет, оказало ли учреждение ВПТПП влияние на китайский экспорт и какую роль при этом сыграли двусторонние ССТ, которые есть у отдельных стран – участниц ВПТПП с Китаем. В модели величина китайского экспорта в 11 стран – членов ВПТПП ставится в зависимость от того, идет ли речь о периоде, когда это соглашение еще не действовало, или о времени, когда оно уже вступило в силу. Рассматривается интервал с 2001 по 2019 г. Поворотным моментом считается 2015 г., когда были достигнуты начальные договоренности в рамках ТТП.

В модель включены также контрольные переменные: подушевые ВВП в Китае и странах ВПТПП, величина населения в отдельных странах ВПТПП, географические расстояния от Китая до стран-партнеров; площадь территории стран ВПТПП, куда направляется китайский экспорт; наличие / отсутствие языковой общности Китая и государства-партнера. Причем модель построена в двух вариантах: для стран, имеющих с КНР двусторонние ССТ, и государств, таковых не заключивших. Данные о торговле были взяты из базы UN Comtrade, а другие показатели – из базы данных Всемирного банка [7, с. 72–73].

По результатам расчетов выявлено, что действие ВПТПП оказывает сдерживающее воздействие на китайский экспорт в соответствующие страны. Но это влияние менее сильно, если у Китая есть двустороннее ССТ со страной – участницей ВПТПП и ки-

тайские экспортные товары сталкиваются там со сравнительно низкими таможенными тарифами.

Из стран ВПТПП двусторонних ССТ с Китаем нет только у Японии, Мексики и Канады. Они после вступления ВПТПП в силу заместили часть товаров, ранее ввозившихся из КНР, импортом из Вьетнама и других развивающихся стран – участниц ВПТПП. В случае с Японией это выразилось в сокращении ввоза из Китая сельскохозяйственной и продовольственной продукции. Канада и Мексика стали ввозить меньше китайского текстиля и одежды. Напротив, на торговлю Китая с Сингапуром ВПТПП почти не повлияло: китайский экспорт в эту страну продолжает расти, т.е. наличие двустороннего ССТ предотвратило возникновение эффекта «отклонения торговли».

Чжоу Чао обращает также внимание на то, что благодаря длительным переговорам о ВПТПП его участники заключили между собой множество двусторонних ССТ, а это свидетельствует, что много- и двусторонние ССТ усиливают действие друг друга [7, с. 73–75].

Список литературы

1. Chow P.C.Y. Trade and Industrial Development in East Asia : Catching up or Falling behind. – Cheltenham ; Northampton (MA) : Edward Elgar, 2012. – X, 397 p.
2. Хань Цзянь, Ван Цань. Соглашения о свободной торговле и участие в глобальных цепочках создания стоимости : исследование «глубины» и ролевых функций ССТ = Цзыю маои седин юй цюаньцю цзячжилян цяньюшу : дуй FTA шэньду цююн дэ каоча // Гоцзи маои вэньти. – 2019. – № 2. – С. 54–67. – Кит. яз.
3. Цзи Фэй, Чэнь Циюн. Повышение уровня торговли : выбор между двусторонними и многосторонними торговыми соглашениями (на примере Китая) = Тишэн маои шуйпин дэ сюаньцзэ : шуанбянь маои седин хайши добинь маои седин – лайцзы Чжунго дэ шуцзюй // Гоцзи маои вэньти. – 2018. – № 7. – С. 41–53. – Кит. яз.
4. Фань Чжаобинь, Чжоу Ин. Влияние преференциальных торговых соглашений на технологическую сложность экспорта : анализ китайских реалий методом «от противного» = Тэхуэй маои седин дуй чукоу фуцзаду дэ инсян : цзюй Чжунго дэ фаньшиши фэньси // Гоцзи маои вэньти. – 2019. – № 2. – С. 83–99. – Кит. яз.
5. Хань Цзянь, Юэ Вэнь, Лю Шо. Гетерогенность предприятий, «издержки использования» и выполнение соглашений о свободной торговле = Ичжисин

- цис, шиюн чэнбэнь юй цымао седин лиюнлюй // Цзинцзи яньцзю. – 2018. – № 11. – С. 165–181. – Кит. яз.
6. Исследование влияния, которое окажет на китайскую экономику вступление в силу ВРЭП, и предложения для экономической политики = RCEP чжэнши шиши дуй Чжунго цзинцзи дэ инсян цзи дуйцэ яньцзю / Юань Бо, Ван Жуй, Пань Ичэнь, Чжао Цзин // Гоцзи цзинцзи хэцзо. – 2022. – № 1. – С. 3–13. – Кит. яз.
7. Чжоу Чао. Анализ взаимосвязей многосторонних и двусторонних межгосударственных соглашений о свободной торговле и экспериментальных зон свободной торговли в Китае = Добянь, шуанбянь цымаоцзюй цзи гонэй цымао шияньцзюй гуаньси бяньси // Гоцзи цзинцзи хэцзо. – 2022. – № 4. – С. 67–78. – Кит. яз.

МИХЕЛЬ И.В.* ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ В КИТАЕ. Рец. на кн.: ТАМ Дж. ЯЗЫКИ В КИТАЕ И НАЦИОНАЛИЗМ 1860–1960-х годов. – Санкт-Петербург : Academic Studies Press : Библиороссика, 2023. – 402 с.

Аннотация: В монографии Джини Там рассматривается вопрос об эволюции языковой ситуации в Китае от эпохи, последовавшей за Опиумными войнами и появлением на территории Цинской империи протестантских миссионеров, до эпохи Большого скачка, сопровождавшейся форсированной модернизацией и политикой перехода китайского народа к единому языку-путунхуа. В центре внимания автора стоит вопрос о том, что представляет собой, с точки зрения современной науки, язык современных китайцев – общий и единый для всех граждан КНР язык, распадающийся на диалекты, соцветие большого числа диалектов без единого языка или соцветие целого ряда самостоятельных языков, разделяющих китайцев как нацию на множество народов. Книга включает в себя пять глав, в первой из которых речь идет о языке (*фанъянь*) в Китае до XX в., во второй – об опыте формирования национального языка в годы, последовавшие за Синьхайской революцией 1911 г. и пекинской конференцией 1913 г., на которой был поставлен вопрос о важности единого национального языка, в третьей – о развитии языкознания в Китайской республике, главным образом до 1928 г. и прихода к власти партии Гоминьдан, в четвертой – о языковой ситуации в первые годы после образования КНР, в пятой – о так называемой «мандаринской революции» при

* Михель Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Мао Цзэдуне и очередных попытках со стороны государства решить языковой вопрос.

Ключевые слова: Китай; язык; диалекты; национализм; языковая ситуация.

MIKHEL I.V. Language Situation and Nationalism in China, 1860–1960. Book Review. Tam G.A. Dialect and Nationalism in China, 1860–1960. Sankt-Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossica, 2023. 402 p. (in Russian)

Abstract. Gina Tam's monograph examines the evolution of the linguistic situation in China from the era following the Opium Wars and the arrival of Protestant missionaries in the Qing Empire to the era of the Great Leap Forward, accompanied by forced modernization and the policy of the Chinese people's transition to a single language-Putonghua. The author focuses on the question of whether, from the point of view of modern scholarship, the language of modern Chinese is a common and unified language for all citizens of the People's Republic of China that is broken up into dialects, an inflorescence of a large number of dialects without a single language, or an inflorescence of a number of independent languages that divide the Chinese as a nation into a multitude of peoples. The book comprises five chapters, the first of which deals with language (fangyan) in China before the twentieth century, the second with the experience of national language formation in the years following the Xinhai Revolution of 1911 and the Beijing Conference of 1913, The third is about the development of linguistics in the Republic of China, mainly before 1928 and the coming to power of the Kuomintang Party, the fourth is about the language situation in the first years after the founding of the People's Republic of China, and the fifth is about the so-called "Mandarin Revolution" under Mao Zedong and the next attempts of the state to solve the language issue.

Keywords: China; language; dialects; nationalism; language situation.

Для цитирования: Михель И.В. Языковая ситуация и национализм в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 2. – С. 159–165. – Рец. на кн.: Там Дж. Языки в Китае и национализм 1860–

1960-х годов. – Санкт-Петербург : Academic Studies Press : Библиороссика, 2023. – 402 с. – DOI: 10.31249/rva/2024.02.10

Джина Там (доцент кафедры истории в Университете Тринити, США, специалист по истории современного Китая) в 2020 г. опубликовала книгу о языковой ситуации и национализме в Китае¹, которая недавно была переведена на русский язык и вышла у нас в стране. Уже само название книги на английском языке, как и его перевод на русский, содержит в себе указание на один в полной мере нерешенный вопрос: что представляет собой, с точки зрения современной науки, язык современных китайцев – общий и единый для всех граждан КНР язык, распадающийся на диалекты, соцветие большого числа диалектов без единого языка или соцветие целого ряда самостоятельных языков, разделяющих китайцев как нацию на множество народов?

Данный вопрос носит не только эпистемологический, но и политический характер. Признание языкового единства китайской нации дает гарантированный ответ о ее этническом, культурном и политическом единстве, отсутствие такого признания позволяет допустить, что современный Китай представляет собой целый конгломерат народов и языков, удерживаемых вместе лишь политической волей правящей коммунистической партии. К какому бы ответу в конечном итоге ни пришла Дж. Там, в любом случае возможность поставить под вопрос такое единство у него *a priori* появляется, чем автор с успехом и пользуется. В сущности, исследование Дж. Там – это эпистемологический эксперимент политического значения.

При этом сама Дж. Там заявляет о своей академически отстраненной позиции. «Поскольку мы имеем дело с историей постепенной эволюции во времени сконструированной с нуля категории, я постараюсь избежать искушения использовать устойчивые обозначения предметов моего исследования, будь то *фанъянь*, диалект, мандарин, национальный язык, *путунхуа*, *гоюй* или любой другой термин, перевод или сверхзнак. В пределах моих возможностей я буду стараться применять те слова, которые употребляли действующие лица моего исторического нарратива. Зачастую это

¹ Tam G.A. Dialect and Nationalism in China, 1860–1960. – Cambridge : Cambridge University Press, 2020. – 272 p.

будет приводить к тому, что термины, в том числе *фанъянь* и *пунхуа*, будут оставаться без перевода, лишь в транслитерации, а в высказываниях иностранных миссионеров и лингвистов, которые писали не на китайском, будут использоваться предпочитаемые ими термины на их языках. Эту методику нельзя назвать идеальной...» (с. 61–62).

Книга включает в себя пять глав, в которых автор излагает свой взгляд на эволюцию языковой ситуации в Китае. В первой из них речь идет о языке (*фанъянь*) в Китае до XX в., во второй – об опыте формирования национального языка в годы, последовавшие за Синьхайской революцией 1911 г. и Пекинской конференцией 1913 г., на которой был поставлен вопрос о важности единого национального языка, в третьей – о развитии языкознания в Китайской республике, главным образом до 1928 г. и прихода к власти партии Гоминьдан, в четвертой – о языковой ситуации в первые годы после образования КНР, в пятой – о так называемой «мандаринской революции» при Мао Цзэду и очередных попытках со стороны государства решить языковой вопрос.

Поскольку книга написана профессиональным историком, а не лингвистом, то она свободна от характерных для лингвистики сложных теоретических аргументаций, но изобилует примерами, которые будут интересны для аудитории, ориентированной на чтение книг по истории Китая и современному востоковедению.

Так, читатели смогут погрузиться в историю о том, как и почему протестантские миссионеры XIX в., попав в Китай, оказались перед необходимостью обнаружить (или создать) единый китайский язык, на который можно было бы перевести Библию, чтобы нести Слово Божие населению Поднебесной, а вместе с тем и вовлечь его в орбиту западной цивилизации. Поэтому когда выяснилось, что перевод Писания на один из «диалектов» китайского не позволит приобщить к библейским истинам большинство остального населения, встал вопрос о коммуникации как таковой между Западом и Китаем. Уже в ходе первых миссионерских исследований в области «китайского языка» стало ясно, что существуют не только различия между «китайским письменным», на котором изъясняются цинские ученые и царедворцы, и «китайским народным», но и различными вариантами внутри одного и того же местного диалекта. Обнаруженный иностранцами языковой хаос

побудил западных специалистов по Китаю более основательно задаться вопросом о единстве китайской культуры и, если перефразировать известное выражение, вопросом о «загадочной китайской душе».

Кроме того, читатели книги смогут познакомиться с событиями тревожных 1910-х годов, когда патристически ориентированная интеллигенция, студенчество и представители научных кругов оказались перед вопросом о том, как вступить в «лингвистическую современность». «Крах династии Цин в 1911 г., который, как многие надеялись, сулил избавить Китай от угроз его существованию как такового, привел к резкому осознанию нарастающего волнения китайских элит по поводу отсутствия как у империи, так и у преемницы многих составных частей, необходимых для строительства мощной нации и превращения “Китая” из мечты в реальность. Что касается языковой составляющей, китайцам была близка следующая идея: отсутствие единого национального языка сулило новой нации уязвимость и окончательный коллапс» (с. 114).

Строительство национального государства, развернувшееся в первое десятилетие республики, сопровождалось и процессом создания «национального языка», но пути решения этой проблемы виделись различными – от использования «пекинского диалекта», отягощенного наследием цинской эпохи и правлением маньчжуров, до создания единого нового *фанъянь* – «языка-конгломерата», в который бы вошли ключевые элементы устной речи всех населяющих Поднебесную китайцев. «Китайский язык мог быть *китайским* только в связи с тем, что он оказывался выражением всей совокупности ханьской этнорасовой идентичности во всем ее разнообразии» (с. 131).

Материалы, используемые Дж. Там, показывают, что творцы «единого китайского языка» на протяжении периода поздней Цинской империи и в республиканский период прибегали к самым разным стратегиям – от попыток романизации письменности (перевода китайской письменности на латиницу) до разработки нового фонетического письма на основе китайской иероглифики. В силу внешних, а порой и внутренних исторических причин, эти опыты не привели их к искомой цели. В период гражданской войны между Гоминьданом и КПК языковой вопрос вышел на повестку дня с особенной остротой. Весьма примечательно, что Гоминь-

дан во главе с Чан Кайши стоял за стандартизацию и унификацию языковой реальности, а КПК во главе с Мао – за сохранение языкового разнообразия и поддержку «народного языка».

Как показывает Дж. Там, 1940-е годы стали для КПК временем, когда коммунистам пришлось перейти к более прагматичной языковой политике. В 1942 г. в своей штаб-квартире в Яньане коммунистические лидеры во главе с Мао провели совещание по вопросам литературы и искусства, на котором был поставлен и вопрос о китайском языке. Призывая опираться на достижения марксистской теории в вопросах языкознания, Мао в то же время предложил учитывать в вопросе о языке «китайскую специфику» и «китайский стиль» (с. 231). После прихода к власти в 1949 г. КПК от «упражнений в построении идеологии» перешла к «конкретной языковой политике», охватившей огромные массы людей (с. 236).

Языковая политика КПК, по мнению Дж. Там, тесно зависела от того, как лидеры КПК решали для себя вопрос о «китайском народе». Со времен 1920-х годов, когда Мао сделал ставку на союз между партией и крестьянством, «китайским народом было изъяснявшееся на множестве наречий население деревень и городков, чья лексика и особенности произношения отражали десятилетия жизненного опыта». Эта точка зрения со временем была дополнена альтернативным видением, согласно которому «народ являл собой единую нацию, целеустремленно марширующую навстречу будущему, оставляя позади себя темное феодальное прошлое со всеми его пережитками» (с. 273).

Вплоть до середины 1950-х годов оба этих представления находили одинаковую поддержку среди высшего руководства КНР, но с переходом к политике Большого скачка был не только выбран политический курс на ускоренное продвижение в будущее, но и курс на достижение большего языкового однообразия – посредством *путунхуа*. Обучение *путунхуа* стало обязательным требованием построения нового китайского общества с начала 1960-х годов. «В программных речах, рекламных проспектах и представлениях делался акцент на ключевые принципы общенациональной политики. Конечной целью для всех должно было стать достижение совершенства во владении *путунхуа*, которое, как замечали ораторы, было возможно только в том случае, если все китайцы

«будут снова и снова делать “большой скачок” в продвижении *путунхуа*» (с. 281).

В заключительной части своей книги Дж. Там рассуждает о новейшей языковой ситуации в КНР, но в фокусе ее внимания по-прежнему вопрос о возможности достижения языкового единства. Поэтому основное внимание она уделяет лишь двум группам фактов – государственной политике в области построения и сохранения единого китайского языка-*путунхуа* и локальным практикам, направленным на сохранение языкового / диалектического разнообразия, будь то Шанхай, Гонконг или иные регионы и территории, где китайский язык звучит совершенно иначе, нежели он звучит на центральных телеканалах или в университетских аудиториях. У читателя этой книги, несомненно, сложится убеждение, что американская исследовательница «душой и сердцем» находится на стороне языкового плюрализма. Читатели этой книги в КНР и в России, впрочем, могут придерживаться и другого мнения. В любом случае, знакомство с работой Дж. Там будет полезно для широкой читательской аудитории, как для специалистов по Китаю, так и для непрофессионалов.

ДЕМИДОВ К.Б.* КИТАЙСКИЙ «БОЛЬШОЙ СКАЧОК» КАК ЛОЗУНГ И РЕАЛЬНОСТЬ. Рец. на кн.: DIKÖTTER F. Mao's Great Famine. The history of China's Most devastating catastrophe, 1958–1962. – London : Bloomsbury, 2019. – 420 p.

Аннотация. В основу новой книги Ф. Дикёттера положены ранее не публиковавшиеся документы о политике «Большого скачка», стоившей жизни десяткам миллионов китайцев, преимущественно крестьян. Псевдорациональные решения, принятые Мао и его приближенными, были в значительной мере обусловлены особенностями его психологии и мировоззрения. Среди результатов данного политического курса – разрушение существующей инфраструктуры в целях разнообразных мега-проектов, так и оставшихся на бумаге.

Ключевые слова: Китай; СССР; США: «Большой скачок»; Мао Цзэдун; голод.

DEMIDOV K.B. “The Great Leap” in China as Slogan and Reality. Book Review. Dikötter F. Mao's Great Famine. The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–1962. London: Bloomsbury, 2019. 420 p.

Abstract. New documents found by Professor F. Dikötter make his new book a unique and appalling story of human capacity to commit grave errors based on pseudo-rational thinking. Four years' famine (1958–1962) in China brought about by “strategic” decisions stemming from Mao Zedong and his allies caused some 45 million deaths. Party officials knew very well that they were starving the people but did nothing to alleviate the tragedy. Local communist cadres

* Демидов Константин Борисович – ведущий редактор Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

were responsible for grotesque collectivization projects largely doomed to remain on paper while destroying the existing infrastructure.

Keywords: China; USSR; USA; “The Great Leap”; Mao Zedong; famine.

Для цитирования: Демидов К.Б. Китайский «Большой скачок» как лозунг и реальность // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 2. – С. 166–172. – Рец. на кн.: Dikötter F. Mao's Great Famine. The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–1962. – London : Bloomsbury, 2019. – 420 p. – DOI: 10.31249/rva/2024.02.11

Историк Фрэнк Дикёттер из Гонконгского университета известен своими исследованиями по социальной истории Китая¹. В своей очередной книге он, основываясь на новейших изысканиях в китайских архивах, восстанавливает картину последовавшего за «Большим скачком» голода – одной из самых ужасных катастроф в китайской истории. Получившееся полотно носит скорее социальный и психологический характер.

Автор показывает, что концепция о необходимости «Большого скачка» сформировалась у Мао Цзэдуна вне зависимости от реальности. И – все последовавшие за этим действия (передвижки в партийном руководстве с целью нейтрализации возможного сопротивления) были призваны не столько прояснить данный лозунг, сколько навязать уже созревшее в голове Мао решение.

Автор сосредоточивает внимание на переплетении различных мотивов – по преимуществу, психологического характера, – сопутствовавших принятию решения о «Большом скачке». Так, ошеломительные для Мао успехи СССР (запуск спутника в октябре 1957 г.) сопровождалась обещанием Хрущёва передать Китаю атомную бомбу к 1959 г. В ответ Мао провозгласил, что через 15 лет Китай догонит Великобританию. Во время визита в СССР в ноябре 1957 г. Мао всячески демонстрировал самостоятельность – так, обращаясь к советским партийным деятелям, он не пожелал

¹ Dikötter F. The Discourse of Race in Modern China. – Hong Kong : Hong Kong University Press, 1992. – 251 p.; Dikötter F. The Age of Openness: China Before Mao. – Berkeley, Ca. : University of California Press, 2008. – 140 p.; Dikötter F. The Tragedy of Liberation: A History of the Chinese Revolution 1945–1957. – London : Bloomsbury, 2013. – 400 p.

подняться на трибуну, а произнес речь со своего места в зале, а речь была указанием учителя ученикам. Критика курса руководства КПСС подспудно выражалась в публичном недовольстве оказанным ему приемом. А обоснованием «опасений, которые внушал Мао консерватизм правого толка» стали события в Венгрии [7, р. 12].

Накопившееся напряжение в высших эшелонах власти Мао решил снять: 1) при помощи децентрализации: наделение большими полномочиями местных руководителей должно было к тому же сделать их более сговорчивыми к «Большому скачку»; 2) посредством побуждения к активности «более революционных» низов – данная политика была призвана отвлечь внимание последних от вызывавших растущее недовольство бедности и нищеты; отвлечение осуществлялось, в том числе, и путем «ритуального унижения вышестоящих» [7, р. 21]. Начало «Большого скачка» было ознаменовано мощной пропагандистской кампанией: ежедневными митингами, повсеместным размещением уличных громкоговорителей, вдалбливавших лозунги «Большого скачка» [7, р. 292].

На деле «Большой скачок» обернулся колоссальным ограблением масс: «Воспользовавшись коллективизацией как удобным прикрытием, партийные функционеры ... не пожалели сил, чтобы отобрать у простого народа всё, что только возможно» [7, р. 208]. Одним из наиболее ярких примеров может служить уезд Сянфань (Хунань), по которому прокатились шесть последовательных кампаний коллективизации («Шесть ветров»): в 1957–1958 гг. были изъяты наличные денежные средства (под предлогом создания фонда коллективизации); летом 1958 г. были созданы колхозы. После этого были обобществлены металлические орудия труда (страну захлестнула истерия, связанная с производством чугуна кустарным способом); в марте 1959 г. были заморожены частные банковские счета; осенью того же года было приказано сдать все орудия труда ввиду намечавшихся ирригационных проектов. Финальным аккордом явилось изъятие свиней и строительных материалов под предлогом построения гигантской свинофермы.

Выдвижение лозунга «Возведем хижины – к вечеру, постройки городского типа – через три дня, коммунизм – через сто дней» привело к разрушению уже имевшейся инфраструктуры. Так, в Гуйшани снесли уже имевшиеся производственные мощно-

сти, чтобы построить небоскребы. В результате возникло скопление лачуг. В Мачене дома были разобраны на кирпичи для предполагавшихся общественных столовых, которые так и остались на бумаге [7, р. 53].

Мегаломания была одним из характерных признаков эпохи Мао. В Хао к 1959 г. было построено 3200 алкогольных заводов, однако они в силу разных причин так и не заработали в полную силу, и огромные запасы зерна были потеряны [7, р. 318]. В Фуяне было начато грандиозное ирригационное строительство, обернувшееся гибелью 2,4 млн человек (из 8 млн на 1958 г.) [7, р. 318].

Дальше всех пошел Ли Цзинцунь, глава провинции Сычуань¹, который потребовал коллективизировать абсолютно всё – вплоть до экскрементов². В 1958 г. была даже предпринята попытка организовать городские «колхозы» – однако она вскоре провалилась в силу элементарных отличий города от села, где было что обобществлять (скот и т.д., который вскоре, как правило, оказывался съеденным). Следует отметить, что в духе коммунистического практицизма питание получали преимущественно взрослые, трудоспособные члены общины, тогда как старики, инвалиды и дети становились изгоями [7, р. 248]. В результате подобной политики от детей часто пытались избавиться – их продавали или морили голодом [7, р. 206], бывало и поедали, когда массовый голод в 1961 г. достиг апогея, было выявлено распространение каннибализма и поедания трупов [7, р. 323].

В Угане (Хунань) фабричных работников заставляли работать обнаженными; тех, кто отказывался, связывали и лишали месячного заработка. В зимнее время подобная практика привела к росту заболеваемости; письма с жалобами, адресованные Мао, повлекли за собой расследование, однако комиссия партконтроля оправдала организаторов стремлением «разделаться с феодальными пережитками». Между тем проведение подобных «нагих парадов» порой заканчивалось самоубийством участниц [7, р. 259–260].

В результате «Большого скачка» население Китая сократилось на 45 млн; было снесено около 40% жилищ (в том числе и как

¹ Сычуань – самая многонаселенная тогда провинция Китая – была житницей страны, и она же больше всего пострадала от голода. – *Прим. ред.*

² В китайской деревне при неразвитости молочного животноводства традиционно использовались как важнейшее органическое удобрение. – *Прим. ред.*

наказание за неповиновение властям) и вырублено около 50% деревьев [7, р. 333].

Одним из неожиданных последствий «Большого скачка» следует признать «подпольное» формирование новой (коммерческой) парадигмы развития страны в виде «черного рынка» – а значит, и элиты нового типа. Автор приводит показательные примеры того, как китайские университеты были вынуждены создавать «команды» преподавателей и студентов, которые занимались подпольной коммерцией ради самообеспечения в условиях тотального дефицита [7, р. 207].

Примечательно, что книга Дикеттера, получив в целом высокую оценку научного сообщества, вызвала критику в том, что касается ее концептуальной базы. Дело в том, что в ней ставится проблема иного «таксиса» китайской цивилизации. Рискнем предположить, что кажущаяся абсурдность действий властей объясняется нормативностью мировосприятия, когда наблюдается склонность придавать чрезмерную значимость застывшим, кристаллизовавшимся формулам – все приводится в соответствие наличествующему стандарту, «ответу в конце учебника». Таким образом, если некие априори правильные решения и шаги уже определены, остается только проработать детали. При коммунистическом режиме времен Мао это оборачивалось «лозунговой психологией»: в массах лозунги никак не сопоставлялись с реальностью.

О том, насколько определяющим может быть данное свойство мировосприятия, говорит, например, лозунг «чжэн фэн» (упорядочение стиля работы). Если во времена «построения коммунизма» в политической стилистике преобладало упрощенчество, то теперь на место последнего пришла подчеркнутая «буржуазность», причем во главу угла ставится единообразие, а не, скажем, рациональность и удобство.

«Гуаньси» – налаживание персональных контактов – также может рассматриваться как пример, уместный в данном контексте: китайские бизнесмены могут пожертвовать деловыми интересами, если контрагент не предпринял шаги, чтобы «сломать лед» [9, р. 166] – подобно тому как в империи Цин западных посланников высылали за отказ встать на колени перед императором. Таким образом, «идиома» поведенческого / политического дискурса –

также своего рода лозунг – оказывается главенствующей, и ради нее можно пожертвовать выгодой.

Такая особенность политического поведения в Китае выявлена в книге Дикоттера. С одной стороны, «правильные» лозунги, с другой – реальность, приносимая им в жертву. Отсюда стремительность массовой политической мобилизации [1; 10].

Китайский политический менталитет и в настоящее время не утратил данной особенности. Лозунги (например, о том, каких успехов Китай должен добиться к 2050 г. – хотя мировая политическая и экономическая конъюнктура в высшей степени непредсказуема) продолжают играть выдающуюся роль в пропаганде КПК.

Критика, затрагивающая застывшие формулы, воспринимается в Китае крайне болезненно. Так, один из ведущих преподавателей престижного китайского Университета Цинхуа Сю Чжанжун в 2018 г. выступил с неожиданно резким заявлением относительно сложившейся в Китае ситуации – согласно его представлениям, гражданское общество в Поднебесной уже несколько десятилетий не развивается [8, р. 280]. С точки зрения европейского менталитета такие действия вполне в порядке вещей; в Китае они производят сенсацию (в политическом универсуме, по крайней мере).

В заключение отметим, что предлагаемое мировому сообществу Китаем видение «международного сообщества с общей судьбой» [8, р. 281] – при всей «очевидной» (кажущейся) правильности вполне способно оказаться химерой, если учесть, что в реальности в мировой политике доминируют (часто плохо обоснованные) национальные интересы и культурные различия.

Список литературы

1. Макинтайр Б. Агент Соня. – Москва : АСТ, 2022. – 464 с.
2. История всемирной литературы. Т. 1–9. – Москва : Наука, 1984.
3. Becker J. Hungry Ghosts. Mao's Secret Famine. – London : Holt Paperbacks, 1998. – 348 p.
4. Boltz W. The Structure and Interpretation of “Chuang tzu”: Two Notes on “Hsiao yao yu” // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – 1980. – Vol. 43 (3). – P. 532–543.
5. Chang J., Halliday J. Mao. The Unknown Story. – London : Bloomsbury, 2005. – 814 p.

6. Der Ruf der Phonixflote. Klassische chinesische Prosa. – Berlin : Rutten & Loenig, 1988. – 960 S.
7. Dikötter F. Mao's Great Famine. The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–1962. – London : Bloomsbury, 2019. – 420 p.
8. Frankopan P. The New Silk Ways. – London : Bloomsbury, 2019. – 356 p.
9. Meyer E. The Culture Map. Decoding How People Think, Lead and Get Things Done Across Cultures. – New York : Public Affairs, 2015. – 277 p.
10. Monglin J. Tides from the West. A Chinese Autobiography. – New Haven : Yale University Press, 1945. – 270 p.
11. Short Ph. Mao: the Man Who Made China. – London : I.B. Tauris & Co, 2017. – 768 p.
12. Zong-qi C. Sound Over Ideograph // Journal of Chinese Literature and Culture. – 2015. – Vol. 2(2). – P. 545–572.

ФИЛИППОВ Д.А.* РОЛЬ ЯПОНИИ В МЕНЯЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. Рец. на кн.: КРУПЯНКО М.И., АРЕШИДЗЕ Л.Г., КРУПЯНКО И.М. НОВАЯ РОЛЬ ЯПОНИИ В МИРОВОМ ПОРЯДКЕ XXI века. Книги 1–2. – Москва : Международные отношения, 2021.

Аннотация. В рецензируемой монографии анализируется эволюция японской дипломатии в последние десятилетия и путей адаптации страны к изменениям в системе международных отношений. Как отмечают авторы, в условиях нового миропорядка Япония объективно вынуждена формировать принципиально новую внешнюю политику и отходить в стратегии национального развития от идей пацифизма, присущих ей в годы холодной войны, в пользу построения «нормального государства», обладающего современной армией и флотом и готового принимать участие в военных конфликтах.

В книге рассматриваются ключевые направления японской внешней политики, такие как отношения с США и Китаем, и внутриполитические преобразования, направленные на военное строительство и конституционные реформы.

В целом данная монография дает читателю представление о важнейших процессах и тенденциях японской внешней политики на современном этапе и, будучи написана понятным языком, будет полезна как японоведам и специалистам по международным отношениям, так и более широкой аудитории, интересующейся японской политикой.

Ключевые слова: Япония; внешняя политика; внешнеполитическая стратегия; миропорядок; «нормальное государство».

* Филиппов Дмитрий Александрович – PhD: научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

FILIPPOV D.A. Japan's Role in the Shifting International Relations System. Book Review. Krupyanko M.I., Areshidze L.G., Krupyanko I.M. Japan's New Role in the 21st Century World Order. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2021. Vol. 1-2. (in Russian)

Abstract. This article is a review of the collective monograph by Mikhail Krupyanko, Liana Areshidze, and Ivan Krupyanko titled "Japan's New Role in the 21st Century World Order" published in 2021. The book provides a comprehensive analysis of the evolution of Japanese diplomacy in recent decades, as well as its adaptation to the changes in the system of international relations. As the authors posit, the postbipolar world order compels Japan to formulate a radically new foreign policy and shift its national strategy from the Cold war era ideas of pacifism towards creating a "normal nation" that possesses modern military capabilities and is prepared to engage in armed conflicts.

The book examines both the key strands of Japan's foreign policy such as the US and China, and domestic changes aimed at military build-up and constitutional reforms.

Overall, the monograph introduces to its readers the main processes and trends of Japan's foreign policy at the present stage and, as it is written in a clear language, would be of value to both Japan scholars or international relations specialists and a broader audience with an interest in Japanese politics.

Keywords: Japan, foreign policy, grand strategy, world order, "normal nation"

Для цитирования: Филиппов Д.А. Роль Японии в меняющейся системе международных отношений // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 2. – С. 173–178. – Рец. на кн.: Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г., Крупянко И.М. Новая роль Японии в мировом порядке XXI века. Книги 1–2. – Москва : Международные отношения, 2021. – DOI: 10.31249/rva/2024.02.12

В 2021 г. издательством «Международные отношения» была опубликована коллективная монография М.И. Крупянко, Л.Г. Арешидзе и И.М. Крупянко под названием «Новая роль Японии в мировом порядке XXI века». Ранее данный авторский коллектив подготовил всеобъемлющую «Политическую энциклопедию современной Японии», и данный труд в двух томах является не

менее масштабным в анализе эволюции японской дипломатии и политики в сфере безопасности с начала XXI в. в условиях меняющегося миропорядка.

После окончания Второй мировой войны Япония приняла новую, мирную конституцию, согласно которой она отрекалась от войны как суверенного права нации и применения силы в целях решения международных конфликтов. На протяжении холодной войны внешняя политика Японии придерживалась так называемой «доктрины Ёсида», названной по имени премьер-министра Ёсида Сигэру и основанной на минимальном участии страны в международных делах, почти тотальной зависимости от США в военно-политической сфере и акценте на экономическом развитии.

Однако с трансформацией системы международных отношений и крушением биполярного мироустройства перед Японией встала необходимость адаптации своей внешней политики к новым глобальным реалиям. Среди ключевых факторов, влияющих на выработку японскими политическими элитами внешней политики страны в XXI в., авторы выделяют формирование постбиполярного мироустройства, новые формы гипернасилия, такие как международный терроризм, усиление конфронтации между США, Китаем и Россией, а также распространение ядерного оружия.

В связи с этим роль Японии как младшего партнера США в Восточной Азии эволюционирует, и Токио вынужден формулировать внешнюю политику, существенно отличающуюся от основанной на идее пацифизма дипломатии времен холодной войны. На сегодняшний день можно утверждать, что правящие круги сделали выбор в пользу превращения Японии в «нормальное государство», т.е. государство с сильными и современными вооруженными силами, готовое к участию как в региональных, так и глобальных военных конфликтах. Основываясь на этом тезисе, авторы рассматривают процесс трансформации японской внешней политики и политики в области безопасности в XXI в., идентифицируя главные причины, побудившие Японию отойти от политики пацифизма в сторону создания «нормального государства», а также анализируя методы, при помощи которых Япония преследует данную цель. В качестве ключевых приоритетов японской дипломатии на текущем этапе авторы называют дальнейшее укрепление военно-политического союза с США; создание в Азии собственной «сфе-

ры процветания» в противовес растущему влиянию Китая; интенсификацию связей с государствами ЕС и НАТО и, наконец, активную деятельность в рамках международных организаций, таких как ООН и G7.

Данная монография, опубликованная в двух томах, состоит из пяти разделов, в первом из которых рассматривается участие Японии в различных системах мироустройства на протяжении ее многовековой истории, от «китайского миропорядка» династии Тан в VII–X вв. до биполярной системы международных отношений второй половины XX в. Во все эпохи, однако, поведение Японии на международной арене диктовалось ее желанием сохранить свою независимость и суверенитет. На основе опыта Японии по выживанию на протяжении более тысячи лет авторы выделяют ряд общих черт внешней политики страны на разных этапах – например, отсутствие последовательной внешнеполитической стратегии, желание добиться и сохранить лидерство в Восточной Азии и трудности в достижении консенсуса среди правящих элит относительно внешнеполитического курса Японии. Эти закономерности представляют интерес и при анализе развития японской внешней политики на современном этапе.

Основной материал монографии изложен в разделах со 2-го по 4-й, где анализируются ключевые векторы японской дипломатии в меняющемся миропорядке, а также главные процессы и тенденции японской внешней политики на различных направлениях. Так, второй раздел посвящен отношениям Японии с США как главным военно-политическим союзником, в фарватере внешней политики которого Токио следует с окончания Второй мировой войны. Выделяется укрепление союза безопасности и корректировка как японских национальных интересов в отношениях с США, так и американского стратегического курса на японском направлении. Стоит отметить главу, посвященную основным противоречиям и претензиям двух стран в отношении друг друга, ведь данные «раздражители» также оказывают влияние на развитие японо-американских связей.

В третьем разделе рассматривается развитие отношений Японии с Китаем, Южной Кореей и КНДР. Японской внешней политике на китайском направлении традиционно присуща двойственность, связанная с разнородностью интересов ключевых поли-

тических акторов, из которых одни выступают за продолжение сотрудничества и сближение с Китаем, а другие – за его стратегическое сдерживание. Причем если в двусторонних экономических связях даже в последние годы преобладали позитивные тенденции, то в военно-политической сфере новые реалии региональных международных отношений влияли негативно на характер японо-китайских связей. Таким образом, развитие сотрудничества с Китаем и попытки вовлечения в интеграционные процессы в Восточной Азии соседствовали в XXI в. со стремлением ограничить его влияние в регионе, причем после 2012 г. Токио стал отдавать предпочтение именно второму подходу.

Несмотря на то что как Япония, так и Южная Корея являются ключевыми военными союзниками США в Восточной Азии, которых объединяет ряд общих интересов, развитию двусторонних отношений в XXI в. присуща нестабильность в силу наличия значительных разногласий, связанных, например, с территориальным спором относительно принадлежности островов Такэсима (Токто) или наследием колониального прошлого Японии. Что же касается КНДР, то вопрос ее ядерной программы остается заметным фактором дестабилизации условий безопасности в Восточной Азии, и Япония, несмотря на периодические попытки нормализации отношений с Северной Кореей, крайне остро воспринимает исходящую от нее угрозу.

Четвертый раздел монографии касается развития японо-российских отношений после окончания холодной войны. Оба государства предпринимали в течение этих десятилетий попытки улучшения отношений – Япония особенно при второй администрации Абэ Синдзо. Однако созданию долгосрочной позитивной динамики препятствует территориальный спор относительно Южных Курильских островов, разрешить который на взаимовыгодных условиях у двух стран не получается. При этом, как полагают авторы, Япония на самом деле заинтересована лишь в получении каких-либо частичных уступок со стороны России, притом что нового курса на российском направлении от Токио ожидать не приходится в силу поддержки антироссийской стратегии США.

Наконец, в пятом разделе акцент смещается с анализа развития основных векторов японской внешней политики на внутривнутриполитические процессы и реформы, направленные на адаптацию

страны к меняющемуся мировому порядку. Входящие в данный раздел главы представляют большой интерес, поскольку показывают эволюцию стратегического мышления японских политических элит и предпринимаемые ими меры по превращению Японии в «нормальное государство» путем постепенного перевооружения, расширения полномочий Сил самообороны и изменения мирной конституции. Стоит также отметить главу, посвященную процессу принятия внешнеполитических решений, в которой рассмотрены ключевые политические акторы, влияющие на формирование внешней политики Японии, – от СМИ и большого бизнеса до фракций правящей Либерально-демократической партии и различных министерств. Возможно, данную главу стоило поместить в начало книги, чтобы ввести читателей в курс особенностей формирования японской внешней политики и уже в этом контексте представлять анализ основных направлений дипломатии страны.

В целом данная монография впечатляет объемом информации, которую авторы собрали, проанализировали, структурировали и изложили доступным языком. Хотя с момента ее выхода в 2021 г. система международных отношений и глобальные условия безопасности претерпели заметные изменения, она является ценным источником понимания эволюции японской внешней политики и роли страны на международной арене в XXI в. Предоставлен прогноз развития отношений Японии с ключевыми региональными игроками на ближайшие годы. При обилии фактографической информации книга логично структурирована и написана доступным языком, поэтому представляет интерес не только для японоведов и специалистов по международным отношениям, но и для более широкого круга читателей, интересующихся проблемами современной Японии.

Список литературы

1. Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г., Крупянко И.М. Новая роль Японии в мировом порядке XXI века. Книга 1. – Москва : Международные отношения, 2021. – 536 с.
2. Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г., Крупянко И.М. Новая роль Японии в мировом порядке XXI века. Книга 2. – Москва : Международные отношения, 2021. – 304 с.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
2024 – № 2

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.В. Шамова

Подписано к печати 20.05.2024

Формат 60×84/16	Бум. офсетная № 1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 11,25	Уч.-изд. л. 9,1
Тираж 300 экз.	Заказ №
(1–100 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

